

ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

www.ssc.smr.ru

**Известия
Самарского научного центра
Российской академии наук.
Исторические науки**

Том 4, № 2(14), 2022

Выходит 4 раза в год

ISSN: 2658-4816

Учредитель: Самарский научный центр РАН

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-76285 от 12.07.2019

Адрес редакции: 443001, г. Самара, Студенческий пер., 3а
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Тел. +7(846) 340-06-14. И.о. зав. редакцией: Н.Ю. Кузнецова
Электронная версия – www.ssc.smr.ru/izvestiya_istor.html

Самара

Издательство Самарского федерального исследовательского центра РАН

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Самарский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук, 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Аншаков Ю.П., доктор исторических наук, профессор, начальник отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Леонтьева О.Б., доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Выборнов А.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Тагирова Н.Ф., доктор исторических наук, профессор, редакционно-издательский отдел, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артемов Е.Т., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Банникова Н.Ф., кандидат исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Белов М.В., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Брежнева С.Н., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Буранок С.О., доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Ведерникова Т.И., кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории культуры, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

Веретенко В.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Воронов В.Н., доктор исторических наук, профессор, Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, Москва, Россия

Данилко Е.С., доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, заведующий Центром визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

Запарий В.В., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории науки и техники, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ковальская С.И., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Кудрявцева Е.П., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «Россия в международных отношениях», Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Малкин С.Г., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Михнева Р., доктор исторических наук, профессор, Варненский университета им. Черноризца Храброго, Варна, Болгария

Моргунова Н.Л., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, археологическая лаборатория, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Мочалов О.Д., доктор исторических наук, ректор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Мухаметшина Н.С., доктор политических наук, член Научного совета РАН по комплексному изучению этничности и межнациональных отношений, профессор, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Семенова Е.Ю., доктор исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Сенявский А.С., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр методологических и историко-экономических исследований, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Смирнов Ю.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Солдатова О.Н., доктор исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив в г. Самаре, Самара, Россия

Сулейманова Р.Н., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия

Хохлов А.А., доктор исторических наук, доцент, кафедра биологии, экологии и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Храмкова Е.Л., доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Шкунов В.Н., доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

Штыков Н.В., кандидат исторических наук, доцент, кафедра исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Элезович Д.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Философский факультет, Приштинский университет, Косовска-Митровица, Сербия

Ягафова Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Том 4, Номер 2, 2022

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Досуг и развлечения городского населения Среднего Поволжья в конце XVIII – первой четверти XIX в.
А.Б. Бирюкова 5
- Дворянское землевладение и землепользование в Царскосельском уезде С.-Петербургской губернии в конце XVIII – начале XX века
В.В. Морозан 18
- Из истории организационно-партийной работы в войсках советского Восточного фронта (1918-1919 гг.)
Г.М. Ипполитов 44
- Методы работы стахановцев торфяной промышленности в годы второй и третьей пятилеток
Е.В. Воейков 55
- 9-я военная авиационная школа первоначального обучения
А.В. Фёдорова 66
- Практика решения градостроительных проблем Советами народных депутатов г. Куйбышева в 1977-1985 гг.
В.А. Повлюченко 73

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- «Космический Перл-Харбор»: оценки прессы США в 2001-2020 годы
С.О. Буранок, А.О. Водякова 78

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Русская дипломатия на Балканах: миссии Я.Н. Озерецковского и Е.П. Ковалевского в Черногории (1837-1838). Часть 2
М. Милошевич, С. Станоевич 85

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Развитие науки о полимерах в 1950-1970 годы: роль международных связей ученых-химиков
Н.Ф. Банникова 93
- Инновации и новаторство в России. Что не понял или не захотел понять американский «историк науки»
И.Н. Шапкин 104

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

- Новые данные по археологии Кокшаровского торфяника (Среднее Зауралье)
Ю.Б. Сериков 117
- Основы хронологии и периодизации истории земель Донбасса в Средние века. Часть 1
А.В. Колесник, В.К. Гриб, В.А. Санжаров 132

РЕЦЕНЗИИ

- А.И. Деникин: Pro et Contra. Личность Антона Ивановича Деникина и деяния его в историографических и исторических источниках. Антология / Сост., коммент., примеч., пролог, эпилог, библиограф., научно-справочн. аппарат Г.М. Ипполитова. СПб.: изд-во РХГА. 1136 с.
С.А. Пилипенко 141
- «Охранять природу – значит охранять Родину!» Рецензия на: Макеева Е.Д. Власть и общество в России: взаимоотношения в сфере охраны природы (1917-1991 гг.). Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2021. 551 с.
Д.И. Корнющенко, Т.М. Корнющенко, А.А. Хохлов 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- «Оборонно-промышленный комплекс в контексте экономической истории имперской и Советской России»: Всероссийская научная конференция и XIV выездная сессия Научного совета РАН по экономической истории (Екатеринбург. 19-22 мая 2022 г.)
Тагилова Н.Ф. 155

CONTENTS

Volume 4, Number 2, 2022

RUSSIAN HISTORY

- Leisure and Entertainment of the Urban Population of the Middle Volga Region at the End of the XVIII – the First Quarter of the XIX Centuries**
A.B. Biryukova 5
- Nobility Land Ownership and Use in the Tsarskoe Selo District of the St.Peterburg Province in the Late 18th – the Early 20th Century**
V.V. Morozan 18
- From the History of Organizational Party Work in the Troops of the Soviet Eastern Front (1918-1919)**
G.M. Ippolitov 44
- Methods of Work of the Stakhanovites of the Peat Industry during the Second and Third Five-Year Plans**
E.V. Voyerikova 55
- 9TH Military Aviation School of Initial Training**
A.V. Fedorova 66
- The Practice of Solving Urban Planning Problems by the Councils of People's Deputies of Kuibyshev in 1977-1985**
V.A. Povlyuchenko 73

WORLD HISTORY

- «Space Pearl Harbor»: US Press Evaluations in 2001-2020**
S.O. Buranok, A.O. Vodyakova 78

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- Russian Diplomacy in the Balkans: Mission of Ya. Ozereckovsky and E. Kovalevsky in Montenegro (1837 - 1838)**
M. Milosevic, S. Stanojevic 85

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- Development of Polymer Science in 1950-1970: the Role of International Communications of Chemistry Scientists**
N.F. Banniknova 93
- Innovations and Pioneer Work in Russia. What the American «Historian of Science» did not Understand or did not Want to Understand**
I.N. Shapkin 104

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

- New Data on the Archeology of the Koksharovsky Peat Bog (Middle Trans-Urals)**
Yu.B. Serikov 117
- Essentials of Chronology and Periodization of the History of the Lands of Donbas in the Middle Ages. Part 1.**
A.V. Kolesnik, V.K. Grib, V.A. Sanzharov 132

REVIEWS

- A.I. Denikin: Pro et Contra. The Personality of Anton Ivanovich Denikin and his Deeds in Historiographic and Historical Sources. An Anthology / Composition, Comments, Notes, Prologue, Epilogue, Bibliography, Scientific References by G.M. Ippolitov. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2018. 1136 p.**
S.A. Pilipenko 141
- «To protect nature means to protect the Motherland!» Review on: Makeeva E.D. Power and Society in Russia: Relationships in the Field of Nature Protection (1917-1991). Samara: Samara Scientific Center Publ., 2021. 551 p.**
D.I. Kornyschenko, T.M. Kornyschenko, A.A. Khokhlov 148

SCIENTIFIC LIFE

- «Military-Industrial Complex in the Context of the Economic History of Imperial and Soviet Russia»: All-Russian Scientific Conference and XIV Visiting Session of the Scientific Council of RAS on Economic History (Ekaterinburg, May 19-22, 2022)**
N.F. Tagirova 155

УДК 94(47)

**ДОСУГ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В КОНЦЕ XVIII - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.**

© 2022 А.Б. Бирюкова

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 08.04.2022

На материалах Среднего Поволжья изучены досуговые практики и культура развлечений городского населения российской провинции конца XVIII - первой четверти XIX в. Выбор форм досуга обуславливался принадлежностью горожанина к определенной социальной, гендерной и возрастной группе, а также социокультурному сообществу, с которым он себя идентифицировал. Рассмотрены модернизированные и традиционные формы досуга и развлечений.

Ключевые слова: город, Среднее Поволжье, досуговые практики, культура развлечений, театр, цирк, ярмарки, хоровое пение, бал, рекреационные зоны, питейные дома, фейерверки.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-5-17

Новейшая историческая урбанистика является сферой пересечения самых разнообразных методологических подходов и исследовательских направлений. Существенное влияние на нее оказывают новая социальная история, новая культурная история, новая локальная история. Городское пространство выступает в качестве поля, в котором протекают социальные действия и взаимодействия акторов, осуществляющие посредством социальных институций социальные практики, в ходе которых происходит смысловой обмен.

В рамках изучения социальных практик жителей раннеиндустриального города Российской империи не последнее место занимает тематика досуга и развлечений. Помимо научных публикаций, продолжающих этнографическую линию изучения русской городской праздничной и досуговой культуры, заложенную в работах М.Г. Рабиновича и А.Ф. Некрыловой¹, можно назвать ряд исследований, выполненных в рамках изучения истории и культуры повседневности русского города конца XVIII - XIX века².

Анна Борисовна Бирюкова, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук. E-mail: annabir@mail.ru

Знаковым событием в исследовании обозначенной тематики стало издание сборника статей «Развлекательная культура России XVIII - XIX вв.» (2001 г.). В авторских материалах сборника, объединенных теоретико-методологическим подходом, прослежена эволюция форм и парадигм досуговой и развлекательной культуры более чем за два столетия – от государственной праздничности начала XVIII века до модернизированных форм досуговых практик конца XIX столетия.³

В большей степени обозначенная тематика в региональном контексте изучена на материалах второй половины XIX - начала XX в. На фоне значительного числа публикаций, выполненных в рамках эмпирического подхода, выделяется монография казанского исследователя С.Ю. Малышевой, посвященная трансформации досуговой культуры российского общества в условиях формирования потребительского общества и зарождения массовой культуры.⁴ Культура досуга и развлечений горожан-провинциалов первой половины XIX века представлен в весьма немногочисленных публикациях.⁵ Среди них следует выделить изыскания А.И. Куприянова⁶ и Ю.Н. Смирнова⁷. Опираясь на

материалы корреспондентов Императорского русского географического общества (ИРГО), исследователи (независимо друг от друга) обратились к проблеме трансформации традиционных общественных праздничных обрядов, бытовавших в городской дореформенной провинции. На основе краткого историографического обзора можно сделать вывод о том, что досуг и развлечения горожан-провинциалов средневожских губерний в первой четверти XIX века еще не становились темой подробного самостоятельного исследования.

Основу источниковой базы настоящей публикации составили: материалы столичной периодики (газета «Северная почта», выходившая с 1809 г. по 1819 г.); источники личного происхождения, дневники и воспоминания провинциальных чиновников различных рангов и статусов (И.А. Второв, И.И. Мешков, Ф.Ф. Вигель, В.А. Инсарский, К.И. Попов)⁸, столичных гостей (Д.Н. Свербеев, И.М. Долгоруков)⁹, пленных офицеров (Ф.Ю. Зоден)¹⁰, провинциальной дворянки (А.И. Стрелкова¹¹); исторические записки, составленные корреспондентом ИРГО, учителем русского языка Самарского уездного училища Г.Н. Потаниным «Дедушка из Самары» и «Записки о Самаре»¹² (введены в научный оборот Ю.Н. Смирновым и Л.М. Артамоновой)¹³; материалы департамента исполнительной полиции МВД и документы из фонда канцелярии пензенского губернатора о работе местного театра¹⁴.

Степень влияния государства на изменение досуговых практик и праздничной культуры горожан в средневожской провинции в конце XVIII - первой четверти XIX в. была выражена не так отчетливо, как, к примеру, в северной столице. Города, обладавшие одинаковым административным статусом, могли существенно отличаться характером своего социально-экономического и социокультурного развития, что, несомненно, влияло на сферу досуга и развлечений. Одним из важнейших аспектов проблемы является вопрос о соотношении в ней традиционных и модернизированных

практик, их укорененности в городском провинциальном социуме.

Весьма интересные результаты обнаруживаются при изучении этимологии основных понятий, связанных с исследуемой темой. Термин «досуг»/ «досужий» в конце XVIII века имел два значения: 1) «способности к достижению, преуспеванию», 2) «свободное, езанятое время, простор от дела».¹⁵ При этом досуг трактовался как «приятное время препровождение», независимо от того, чем он фактически наполнялся в различных стратах городского социума. Можно согласиться с мнением О.А. Кострикиной в том, что «повседневный досуг был более приватен, индивидуализирован; формы проведения свободного от работы времени во многом определялись принадлежностью к определенной социальной и половозрастной группе»¹⁶.

Для дворянства и чиновничества комфорт городской жизни в немалой степени ассоциировался с удовлетворенностью в сфере досуга и развлечений. Слова «развлекать» и «развлечение» укореняются в русском языке в XVIII веке и являются словообразовательной калькой с французского «divertissement»¹⁷. Вместе с тем в источниках «долгого XVIII века» встречается другой семантический набор слов: «увеселение», «удовольствие», «наслаждение». К примеру, провинциальная дворянка А.И. Стрелкова пишет о Самаре начала 1830-х годов: «В Самаре я не нашла того *удовольствия* (здесь и далее курсив мой. – А.Б.), которого ожидала, и хотя мы поместились в одном из огромных лучших домов города. [...] Я сделалась уединенной, балы и собрания меня *не увеселяли*, а к чести общества сказать, в них недостатка не было»¹⁸.

Примечательно, что тот же семантический ряд встречаем в описаниях интеллектуального досуга – чтения книг и самообразования. В дневнике юного симбирского, а затем самарского чиновника И.А. Второва записи, датированные 1790-ми годами, пеэтрят подобными выражениями: «Посетили меня по вчерашнему обещанию дражайшие

для меня гости: господина учителя Тихонравов и Веревкин; они сидели у меня до самых сумерек. *Вот время было приятнейшее!* Умными разговорами и рассуждениями, также чтением некоторых пьес из книжек сумели они *сократить время почти не приметно*¹⁹. В другом месте он пишет: «Если бы был у меня особый покой, где никто не мог помешать мне *наслаждаться науками*, как любезною мне охотою, в сем милом уединении, постарался бы я воздержаться от всех дурных привычек...»²⁰.

Следует отметить, что дневники и воспоминания И.А. Второва свидетельствуют о вхождении в сферу досуга провинциального чиновничества новых интеллектуальных практик – чтения, письма (ведение дневников), литературного и научного творчества. Безусловно, этому способствовало появление соответствующей инфраструктуры в городах региона – создание народных училищ, возникновение первых типографий и книжных лавок. При главных и малых народных училищах, возникших в 1780-90-е годы, появились небольшие библиотечные собрания. В Симбирске, к примеру, такой библиотекой пользовались учителя, ученики и ограниченный круг горожан²¹. Саратовский чиновник И.И. Мешков, принадлежавший к тому же поколению, что и И.А. Второв, также в юношеском возрасте увлекался чтением, однако его занимала литература иного рода – сначала религиозная, а затем развлекательная светская. Особый интерес он проявлял к изучению законодательства. «Учреждение об управлении губерний» так увлекло юношу, что он «списал ее своею рукой и знал почти всю на память»²².

И.А. Второв, страстно желавший заниматься науками и литературой, под влиянием старших товарищей-учителей приобщался к иным способам времяпрепровождения, нежели было принято в кругу провинциальных чиновников. Весь досуг молодого человека был сосредоточен на интеллектуальном общении со своими друзьями-наставниками: «Часу в 4-м пошел к учителю Шутихину и пробыл тут до

ночи вместе с господами Zubовым, Цветковым и Тихонравовым (учителя Симбирского главного народного училища. – А.Б.). Сей последний, по просьбе моей, пошел ко мне и с ним мы сидели, *упражняясь чтением*»²³. В это же время формируется его особое отношение к книгам. Так, 24 октября 1792 г. в дневнике И.А. Второва записано: «Ныне после обеда был я у г. Тихонравова, учителя, где с час или более, *занимались рассматриванием книжек и, напившись чаю*, вышли с ним вместе; я отсель зашел к Степану Ивановичу (И.И. Иванов - симбирский поэт-любитель. – А.Б.), и с ним были в лавке, где продавали книги, а потом у меня ввечеру *занимались рукоделием книг*, т.е. обделывали их переплетом»²⁴. В приведенном отрывке важно перечисление всех занятий молодых людей, включая чаепитие. Отметим, что среди уездных приказных конца XVIII в. подобные досуговые практики были крайне редки. Даже чаепитие было весьма диковинным занятием²⁵, не говоря уже о чтении вслух или переплетном деле.

Образ жизни И.А. Второва вызывал у его семьи и коллег по цеху недоумение и даже издевки. Сам же молодой чиновник оказывался «между двух огней» – желанием самосовершенствования, интеллектуального и духовного, и устоями провинциального чиновничьего мирка, наполненного мздоимством и «поклонением Бахусу». Вместе с тем к середине 1820-х годов в связи с качественным изменением социокультурной инфраструктуры в городах региона, в первую очередь с увеличением каналов поступления печатной продукции, наблюдалась совершенно иная картина. В городском сообществе как губернских, так и уездных центров сформировалось несколько групп читателей, включая провинциальное чиновничество. В.А. Инсарский писал о конце 1820-х годов: «Во времена моего детства чтение едва ли не составляло главного удовольствия моих сограждан. Все постоянно спрашивали друг у друга: нет ли книжки почитать?»²⁶.

Досуг чиновников низшего и среднего звена зачастую был ограничен как продол-

жительность трудового дня, так и огромным количеством служебных бумаг, которые они часто забирали домой для переписывания. К примеру, рабочий день чиновников, служивших в канцелярии саратовского губернатора, длился не менее 9 часов (с 9.00 до 14.00 и с 18.00 до 22.00), «не исключая табельных и праздничных дней»²⁷. Время, свободное от работы, приказные чиновники в большинстве своем проводили «в праздных мероприятиях» – выезды на охоту, рыбалку, которые не обходились без злоупотреблений горячительными напитками. В.А. Инсарский, сын пензенского уездного казначея, описывая время своего отрочества, свидетельствовал о тотальном пьянстве, царившем в 1820-е годы в среде провинциального чиновничества: «Пьянство моей родины имело свои степени и подразделения. Люди, стоящие на верху среднего круга, и вроде моего отца, пили очень осторожно, в тесных приятельских сходках, преимущественно в дни праздников или различных именин. ... Люди, следующие за этими лицами, которых можно назвать их помощниками, ... пили уже много бесцеремоннее, но все-таки ... старались держаться некоторых приличий, некоторой умеренности ... остальная часть служебного мира пьянствовала уже без всякой меры...»²⁸.

Посещение питейных заведений было излюбленным способом «досуга» чиновников низших рангов, мещанства и отставных солдат. Пензенский губернатор Ф.П. Лубяновский докладывал в 1821 г. в департамент исполнительной полиции МВД: «Во всех почти городах Пензенской губернии, не только уездных, но и губернском, ... многие дома питейные устроены среди площадей. ... Иные из них от церквей слишком близко поставлены...»²⁹. В 1821 г. питейные заведения были разделены на пять классов (трактиры, харчевни, гостиницы, рестораны, кофейные дома), определены правила их работы и размещения в городах³⁰. Так, на 1825 год наибольшее число трактиров и питейных домов было в губернских центрах Саратове (16 и 21 соответственно), Пензе

(7 и 24), Симбирске (6 и 19). Среди уездных центров абсолютным лидером по числу питейных заведений был крупнейший транспортно-транзитный и торговый центр юго-востока России – посад Дубовка (3 трактира и 32 питейных дома), потребность которого в подобных заведениях объяснялась огромным количеством пришлого населения, особенно в период навигации³¹.

Один из часто посещаемых трактиров Пензы находился недалеко от присутственных мест, что позволяло местной чиновничьей братии «бегать туда быстро и незаметно по несколько раз в день». Игра на бильярде и запрещенные карточные игры были частью досуговой повседневности завсегдатаев трактиров³². «Все свободное время, когда только было можно, я проводил в трактирах, сам играл или смотрел на игру других ... прихватывая сюда и значительную часть времени несвободного. Все денежные крохи, какие попадались в мой карман, шли на бильярдную игру», – вспоминал В.А. Инсарский³³.

Отметим, что картины публичного «пьяного» досуга чиновничьей братии не следует экстраполировать на досуговые практики всего городского социума. В первом десятилетии XIX века питейные заведения практически полностью отсутствовали в уездных городах Симбирской губернии³⁴. А самарский старожил вспоминал, что первый трактир в городе открылся примерно в 1815 г., и его посещение среди «городских граждан» долгое время считалось «за великий позор и неблагонаравие». В этом кругу было принято употреблять домашние спиртные напитки – пиво, наливки, медовуху и принимать гостей дома³⁵. Бытование различных форм досуговой культуры свидетельствовало о наличии в городском социуме конца XVIII - первой четверти XIX века различных ценностно-нормативных систем и жизненных укладов.

Развлекательная культура и формы досуга в дворянской среде развивались в контексте освобождения дворян от обязательной государственной службы. Для дворянина,

живущего в усадьбе, город ассоциировался с атмосферой праздника и веселья. Некоторые элементы поместной дворянской культуры развлечений переносились в города. Дворянство приезжало сюда зимой, устраивало балы, маскарады, домашние спектакли и вечера. М.М. Сперанский в бытность свою пензенским губернатором (1816-1819 гг.) писал дочери: «Вот другая неделя, как я здесь, и каждый день на званом обеде, где редко бывает менее 50 человек. ... Обедом и пирам я конца не вижу. Зима угрожает театром, балами и собраниями»³⁶.

Бал являлся одним из базовых элементов развлекательной культуры русского дворянства. Разгар бального сезона в городах был зимой. Балы следовали нескончаемой чередой от Рождества до Великого поста. Развлечения не прекращались и во время дворянских выборов, проводившихся один раз в три года. Бал мог выступать в качестве своеобразного маркера внутренних социально-политических настроений и распределений «партий» внутри дворянского сообщества города. Балы обязательно давались дворянским предводителем и губернатором, которые зачастую конкурировали друг с другом. В Саратове до 1804 года³⁷, пока не было приобретено здание дворянского собрания, балы устраивались в домах местных дворян, которые «пикировались ... тем, у кого на бале больше собрания было, и у кого танцевали больше»³⁸.

В первой четверти XIX в. далеко не все уездные дворянские собрания располагали собственными домами. Так, к примеру, в Самаре дворянскому собранию разрешено было разместиться в здании уездного училища, которое было подарено почетным попечителем училища и самарским уездным предводителем дворянства А.А. Путиловым в 1825 году³⁹. Собрания, балы и танцевальные вечера в училищной зале проводились по вечерам, когда не было занятий. На танцевальные вечера допускались даже дети и подростки. Так, девятилетний Николай Второв (сын И.А. Второва) отмечал в дневнике за 17 декабря 1827 г.: «В вечеру я был в Собрании.

Там я танцевал экосез, вальс, соваж, мани-маску и проч[ее]»⁴⁰. Чиновники средней руки, устраивая танцевальные вечера в своих скромных жилищах, приглашали группу музыкантов – скрипача, флейтиста и иногда контрабасиста. Фортепьяно в этот период не было распространено в домах горожан. Н.И. Второв вспоминал, что он учился игре на разных инструментах: гитаре, флейте, стеклянной гармонике, скрипке⁴¹.

Именно в музыкальной культуре на локальном уровне проявлялся колорит городской культуры повседневности. Помимо светской камерной музыки, бытовавшей в среде губернского дворянства и верхней страты чиновничества, далеко не последнее место отводилось хоровой музыке. В.А. Инсарский отмечал, что «Пензу ...можно было принять за обширную консерваторию, где все непрерывно пели»⁴². Почитателями хорового пения были купцы, мещане и чиновники, многие из которых были выходцами из духовного сословия. Духовная музыка была важной составляющей культуры повседневности этой части городского общества, в меньшей степени испытывавшей европеизированное влияние Северной столицы. Церковные ктитория и регенты «охотились» за тенорами и басами, а паства нередко обсуждала все нюансы «концерта», «как ловко взял бас» и «как ловко взвился тенор». На фоне всех остальных церковных хоров особо выделялись архиерейский хор и хор пензенской духовной семинарии⁴³. По словам мемуариста, «любовь к церковному пению рождала любовь вообще к пению и самими духовными хорами исполнялись многие светские вещи; ... Пензенский архиерейский хор щеголял особенно исполнением известной пушкинской баллады «Гляжу я безмолвно на черную шаль» (точное название романа «Гляжу как безумный на черную шаль», муз. А.Н. Верстовского. – А.Б.)»⁴⁴. Столь яркая черта культуры повседневности пензяков отчасти объясняется тем, что с конца XVIII в. Пенза являлась центром обширной епархии. Здесь находилась архиерейская кафедра, была открыта

духовная семинария (1800 г.), поэтому численность духовного сословия (а также выходцев из него) была выше, чем, например, в Саратове (2,1% в 1826 г.)⁴⁵.

Страстью всего провинциального общества был театр. Заслуга появления театров в провинции, в том числе и общедоступных, принадлежала исключительно дворянству. С конца XVIII в. театры появились не только в усадьбах, но и в губернских городах. Местные высокопоставленные чиновники – вице-губернаторы и губернаторы, оказывали им покровительство, а зачастую и сами выступали в роли организаторов первых театральных постановок. Так, в 1793 г. по инициативе пензенского вице-губернатора И.М. Долгорукова в его театре на 100 мест была поставлена пьеса Екатерины II «Обманщик».⁴⁶

Выделялись коммерческие театры, например, театр Г.В. Гладкова, базировавшийся сначала в Саратове (с 22 октября 1803 г.), а с 1806 г. – в Пензе, и частные дворянские театры (к примеру, театры пензенских помещиков П.А. Горихвостова и В.И. Кожина)⁴⁷. В Симбирске на рубеже XVIII-XIX вв. было несколько театров⁴⁸. Наибольшей известностью пользовался театр, располагавшийся в здании Симбирского главного народного училища. Первоначально он принадлежал помещику Н.А. Дурасову, а в 1785 г. стал общественным⁴⁹. И.А. Второв на страницах дневника не раз упоминает о посещении местных театральных представлений⁵⁰. В Саратове театральные представления давались в городской усадьбе губернатора А.Д. Панчулидзева⁵¹, который в 1810 г. открыл собственный театр на 300 мест на Хлебной площади Саратова⁵².

Их востребованность у горожан была феноменальной, а перерыв в театральных представлениях воспринимался публикой весьма болезненно. Пензенский корреспондент в начале 1810 г. сообщал столичной публике: «У нас считается два театра; но спектаклей нет. Бывший деревянный театр здешнего помещика господина Гладкова сгорел; а вместо него строится новый камен-

ный, который и выведен уже до половины. Уповательно, что строение одного следующим летом будет совсем окончено; ибо господин Гладков прилагает к тому всевозможное старание, желая доставить удовольствие публике. Что же касается до театра господина Горихвостова, ... то онный еще существует; но за болезнью некоторых актеров представления ныне вовсе прекратились»⁵³.

Аристократическая публика Пензы тяготела к театрам Кожина и Горихвостова. Чиновники, купечество, мещане, ученики гимназии и семинарии посещали театральные постановки Г.В. и В.Г. Гладковых. В 1820-е годы в театре В.Г. Гладкова имелось 25 лож на 4 и 6 мест и около 300 мест в партере, которые с успехом заполнялись на каждом представлении⁵⁴. В репертуар пензенского театра Гладковых были включены модные пьесы, комедии и оперы, шедшие на столичной сцене⁵⁵. Помимо крепостных актеров в постановках участвовали местные чиновники (столоначальник гражданской палаты) и даже семинаристы (Сахаров и Кондрагаров)⁵⁶. Следует отметить, что в целом квалификация провинциальных актеров, работавших в городах Поволжья, мало уступала профессионализму их московских коллег. П.А. Вяземский писал о пензенском театре Гладкова: «Вообще мало карикатурного... на Московском театре в сравнении столицы с Пензою ... более нелепого, чем здесь»⁵⁷.

Повсеместно и в уездных, и в губернских городах среди дворянства были распространены домашние театры. К примеру, подобный театр в Симбирске был в доме местного дворянина И.А. Жадовского⁵⁸. Информаторы газеты «Северная почта» с завидной периодичностью присылали в редакцию заметки о любительских театральных постановках, представленных губернской публике Саратова, Симбирска и Пензы. Чаще всего речь шла о благотворительных спектаклях в пользу погорельцев, бедных, инвалидов. Постановки проходили в доме дворянского собрания или на местных театральных подмостках⁵⁹. Так, в мар-

те 1810 г. симбирский корреспондент газеты отмечал: «В продолжении масленицы дано было на здешнем Дворянском театре обществом молодых людей три спектакля в пользу бедных, и собранные от того деньги поступили в приказ общественного призрения»⁶⁰. А в феврале 1814 г. житель Пензы сообщал, что «некоторые благородные особы давали в доме [пензенского] гражданского губернатора два спектакля, один в пользу инвалидов, а другой для вспомоществования жителям ... города Нижнего Ломова, потерпевшим от бывшего там пожара. При сем случае собрана 1000 рублей»⁶¹.

В дни государственных торжеств театральные представления становились частью праздничного ритуала. Так, 12 декабря 1809 г. саратовцы отмечали день рождения императора Александра I. Утром в кафедральном Троицком соборе города была отслужена литургия, на которой присутствовало «здешнее дворянство и купечество», после литургии и проповеди последовал благодарственный молебен «с возглашением многолетия Его Императорскому Величеству и всему августейшему Его Дому», далее следовал традиционный в таких случаях губернаторский обед для дворян и купечества. На вечер была отложена «увеселительная» часть праздника: иллюминация города, спектакль «в пользу одной бедной сироты» и «маскерад» в доме благородного собрания⁶².

Силами учителей и их подопечных спектакли ставились в учебных заведениях региона. Однако в 1820 г. по приказу попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого эти представления были запрещены. Впоследствии театральные кружки возобновили свою работу под пристальным вниманием учебного начальства⁶³. Пензенские гимназисты и семинаристы – завсегда и местного театра, возвращаясь на «вакации» домой, устраивали любительские спектакли, привлекая к постановкам родственников и многочисленных знакомых. Так, по инициативе В.Г. Белинского и его гимназических товарищей подобный кружок те-

атралов-любителей появился в Чембаре.⁶⁴ Однако эти представления ограничивались лишь дружеским кругом и не имели выхода на широкую аудиторию.

Таким образом, в конце XVIII - первой четверти XIX в. театр являлся неотъемлемой частью культуры досуга и развлечений чиновников, духовенства и разночинцев, проживавших не только в губернских, но отчасти и уездных городах региона. Являясь публичным искусством, он создавал условия для формирования качественно новой социокультурной среды предындустриального русского города. Саратовский корреспондент «Северной почты» отмечал: «Самая *общезительность* становится здесь время от времени приятнее и веселее. Есть у нас театр, который построен очень хорошо и вместителен для всего города»⁶⁵. Безусловно, театр, являясь институциональной формой городской культуры развлечений, был, с одной стороны, отражением общественных вкусов и ценностей, а с другой – способствовал формированию новой модернизированной культурной традиции в городах региона.

Конкуренцию театру мог составить только цирк. Посещение балаганов, цирков, выступления вольтижировщиков и фокусников были весьма распространены среди столичной публики. Даже императорская семья посещала известный балаган Христиана Лемана, построенный на масленицу на Адмиралтейской площади⁶⁶. В средневожских городах фокусников и циркачей чаще всего можно было встретить на больших ярмарках, в праздничные дни или во время дворянских выборов, когда «благородные особы» со всей губернии приезжали в столицу.

Удивительным для симбирян зрелищем стал первый запуск аэростата 23 апреля 1811 года. Симбирский корреспондент сообщал в «Северную почту»: «Пребывающий здесь иностранец Тушель доставил ей (публике. – А.Б.) сие удовольствие. ... Он поднялся с аэростатом своим в 7 часов вечера и, пролетев через большую часть города, опустился благополучно от оною не в дальнем

расстоянии. Г[осподин] Тушель предпринял такое путешествие посредством бумажного шара, и действием огня, по примеру Монгольфиера»⁶⁷. В начале XIX века жители губернской столицы могли полюбоваться выступлением акробатов на берегу озера Маришки. Артисты прыгали с высоких лестниц в воду, держа зажженные факелы в руках⁶⁸. Целую серию представлений – огненных шоу давал в Симбирске и Казани в январе 1811 г. некий «гиспанец Рожер», прозванный «несгораемым»⁶⁹.

Фейерверки и иллюминация были неотъемлемым атрибутом любого праздника. Столь экстремальные развлечения при ограниченном контингенте команды огнеборцев грозили самыми непредсказуемыми последствиями. Пожар 2 февраля 1836 г., разразившийся в знаменитом петербургском балагане Х. Лемана и унесший жизни 126 человек, был печальным подтверждением этого тезиса⁷⁰. Не обошло подобное несчастье и жителей Саратова. Во время публичных гуляний на даче губернатора Панчулидзева, в дни Казанской ярмарки, «где было значительно стечение благородных особ, купечества и простого народа», 8 июля 1825 г. иностранец Симон Броун устроил фейерверк. Во время представления на пиротехнические снаряды попали искры, в результате чего несколько ракет сдетонировало и полетело в толпу. От ранения в челюсть учитель военно-сиротского отделения Николай Цырин скончался на месте, несколько его учеников были ранены, один из которых получил тяжелые увечья. Комитет министров, обсуждая это громкое происшествие, рекомендовал поставить под государственный контроль подобного рода развлечения и привлекать к запуску фейерверков только специально обученных мастеров⁷¹.

Квинтэссенцией городских развлечений была ярмарка. Фейерверки, балаганы, воксалы, «медвежья комедия», выступления циркачей и фокусников, спектакли, балы, гостевания сменяли друг друга в немалом калейдоскопе ярмарочных событий.

Несомненно, самой знаменитой была все-российская Макарьевская ярмарка (в 1817 г., переведена в Нижний Новгород)⁷². Региональные ярмарки, проходившие в губернских и некоторых уездных городах (Саранск Пензенской губернии, Корсунь Симбирской губернии и др.), уступая ей по объему денежных средств и совершенных сделок, приближались к «Макарию» по насыщенности, количеству и разнообразию публично-зрелищных действий. Автор одного из первых травелогов И.М. Долгоруков, описывая Саранскую ярмарку, отмечал, что «между Макарьевской и Саранской ярмонок тотчас откроется разница. Та для одних торговых расчетов, другая – почти вся для удовольствия»⁷³. Не последнее место среди мужских ярмарочных развлечений занимали азартные игры. Женщинам доставляло удовольствие бесконечно рассматривать товары в лавках, каждый день быть на званых обедах и балах⁷⁴. Во время ярмарки городской ритм становился динамичнее, размеренность провинциальной жизни отходила на второй план, столь любимый провинциальным обывателем послеобеденный сон в ярмарочной кутерьме был совершенно неуместен. Свет, блеск фейерверка, разноцветные краски, голоса зазывал – атрибуты праздника заполняли все городское пространство. В.А. Инсарский писал о пензенской ярмарке: «Гулять по рядам было особенно приятно, ... все блестело... самым эффективным образом»⁷⁵.

Во время ярмарочных дней торг и обмен подспудно присутствовали во всех сферах коммуникативного взаимодействия, на что очевидно указывает описание саранской ярмарки в воспоминаниях пленного вюртембержеца Ф.Ю. Зодена: «Ярмарка продолжалась 15 дней и служила местом встреч дворянства. Это время менее использовалось для приобретения необходимых вещей. Ярмарка скорее служила местом для новых знакомств и возобновления старых. И вообще, в течение этого времени только радовались жизни. На ярмарке знакомились молодые люди. Возникали любовные

связи, которые зачастую заканчивались свадьбами»⁷⁶.

Ярмарка, являясь социокультурным феноменом эпохи, представляла собой форму социально-коммуникативной ситуации, в которой важнейшую роль выполняла игра. По словам Н.Н. Лавриновой, ярмарка становилась «своеобразной площадкой, где встречались представители разных социальных слоев и культур, происходил взаимообмен культурными ценностями и элементами, их синтез»⁷⁷.

Важнейшим способом отдохновения и вместе с тем установления новых общественных связей для провинциального дворянства и чиновничества были путешествия и посещения курортов, в первую очередь минеральных вод (Липецкие, Кавказские и др.). С 1810-х годов дворянством и чиновничеством Среднего Поволжья и Приуралья в качестве места отдыха и лечения начинают «осваиваться» Сергиевские минеральные воды. Однако их необустроенность и отсутствие каких-либо развлечений делали это место малопривлекательным для «благородной публики». Так, единственным развлечением молодой дворянки Анны Нееловой (Стрелковой), посетившей воды в 1815 г., была прогулка по окрестностям с обзором «любопытных мест» и встреча «новоприезжих посетителей»⁷⁸. Отметим, что впоследствии Сергиевские минеральные воды приобретут большую популярность. В 1840-1850-е годы сюда будут собираться до 300 дворянских и купеческих семей из Казани, Уфы, Оренбурга, Пензы, Челябинска, Самары и других городов⁷⁹.

Общественный характер развлечений относился не только к модернизированным, но и традиционным формам городской культуры, сохранявшимся как в уездных, так и в губернских городах. Подавляющее их большинство было связано с традиционным праздничным календарным циклом. К началу XIX века сакральный смысл этих действий отошел на второй план, уступив место развлекательной составляющей праздника. Повсеместно были распространены масленич-

ные забавы – гуляния, катания с ледяных гор, святочные увеселения, кулачные бои⁸⁰.

Вместе с тем бытование некоторых «общественных обрядов» и развлечений позволяет говорить об определенном отличии городской культуры развлечений не только между уездными и губернскими центрами, но и внутри одного региона. В частности, речь идет о такой народной игре, как взятие снежного городка, популярной в Самаре вплоть до середины XIX века. Ю.Н. Смирнов, изучая этот феномен, обратил внимание на локальный характер ее бытования в рамках средневожского региона. Так, в отличие от жителей Самары, симбирянам эта забава не была знакома⁸¹. Корреспондент ИРГО Г.Н. Потанин считал, что укорененность этой игровой традиции в культуре развлечений жителей Самары напрямую была связана с бунтарским прошлым города и особым характером «самарян», в которых «самая раздольная степь и простор развивали в них дух удалства»⁸². Отметим, что другие конные забавы – катание на тройках по улицам и льду рек и скачки – были повсеместно любимы горожанами. Впоследствии эти забавы переродились в один из первых институализированных видов спорта в провинции – конный.

Недостаток увеселений в обыденном распорядке жизни провинциальных городов компенсировался зрелищностью природных явлений. «Удовольствия провинции ... не требуют денег. Они созданы почти исключительно самою природою самым душевным образом», – писал В.А. Инсарский⁸³. Весной, во время половодья, горожане собирались посмотреть на бурлящие воды, летом выбирались на пикники, гуляния за городом и катание на лодках. Особенно ярко эти «сезонные» развлечения были заметны в досуговой повседневности учащихся местных светских и духовных школ. Пензенские семинаристы и гимназисты нередко в погожий летний денек выпрашивали у начальства «рекреацию» – дополнительный свободный день отдыха, проводя его в лесу или на речке⁸⁴.

В большинстве уездных городов в конце XVIII - первой четверти XIX в. не существовало обустроенных рекреационных зон – общественных садов и парков, поэтому любимыми местами для гуляний были близлежащие рощи и берега рек. К примеру, излюбленным местом прогулок самарян был живописный берег реки Самары, а также урочища «Осинки» и «Дуброва», которая впоследствии стала частью сада генерала Г.Н. Струкова, а затем общественным садом Самары⁸⁵. Струковский сад был уникальным явлением для уездных городов. Разбитый в 1820-е годы напротив дома своего владельца, в 150 саженьях от Волги, он стал первым публичным облагороженным рекреационным пространством в уездном городе Среднего Поволжья. В этот же период начинают формироваться общественные места для прогулок в Пензе («Верхнее гуляние», 1821 г.) и Саратове («Липки» – Александровский бульвар рядом с Троицким собором, 1825 г.). Альтернативой для саратовской публики был благоустроенный сад с беседками, столиками, аллеями, прудом на даче губернатора А.Д. Панчулидзева, куда могли попасть совершенно бесплатно все желающие. Саратовцы «находили тут продавцов мороженого и разного рода сладостей и закусок»⁸⁶. Таким образом, к концу изучаемого периода идея общественного сада, воплощенная в Северной столице в XVIII веке, постепенно начала проникать и в общественную среду средневожских городов.

В конце XVIII - первой четверти XIX в. в досуговых практиках и культуре развлечения жителей уездных и губернских городов Среднего Поволжья наблюдались очевидные различия. Это касалось как общественных, так и индивидуальных досуговых практик. Рецепция модернизированных форм досуга и развлечений являлась своеобразной формой коммуникации между разночинной и дворянской культурами, между губернским и уездными городскими сообществами. Особенно отчетливо это заимствование проявлялось в театральном искусстве, организации публичных обе-

дов, балов, танцевальных вечеров. В меньшей степени давлению европеизированной культуры подвергались музыкальные предпочтения горожан-провинциалов, на которые в чиновничьей, мещанской и купеческой среде огромное влияние оказывала эстетика православия и формы православной духовной музыки.

Укоренение модернизированных досуговых практик в городской повседневности уездных центров происходило крайне медленно. Своеобразным полем для сосуществования традиционных публично-зрелищных и модернизированных форм городской культуры развлечений выступало ярмарочное пространство. Массовые зрелищные формы (балаганы, фейерверки, театр и т.д.) получили свое коммерческое развитие, что сопровождалось усилением риска эксплуатации объектов развлекательной инфраструктуры. Подтверждением этому стали трагические происшествия в 1825 г. в Саратове и в 1836 г. в Санкт-Петербурге.

Культура развлечений жителей уездных городов была в большей степени связана с традиционным календарным циклом и религиозными праздниками, а формы досуга носили ярко выраженный коллективный, а не индивидуальный характер. Как показало изучение данного вопроса на материалах уездных и губернских центров Среднего Поволжья, при доминировании общих тенденций в развитии городской культуры развлечений в локальных городских сообществах сохранялись специфические черты в общественных обычаях и досуговых практиках. Более детально, на наш взгляд, этот вопрос представляется возможным осветить посредством изучения материалов, хранящихся в фондах НА РГО.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978. 328 с.; Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.

- ² *Малинова-Тзиафета О.Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860-1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.; *Уварова Е.Д.* Как развлекались в российских столицах. СПб.: Алетейя, 2004. 280 с.
- ³ Развлекательная культура России XVIII – XIX в. Очерки истории и теории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 6.
- ⁴ *Мальшева С.Ю.* Праздный день, досужий вечер: культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX в. М.: Acabemia, 2011. 191 с.
- ⁵ *Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* Цирк и театр в досуговой повседневности провинциального уральского купечества // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. № 1 (121). *Кострикина О.А.* Повседневный досуг провинциального горожанина в первой половине XIX века (на примере малых и средних городов Ярославской губернии). URL: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uv-ar-vii/povsednevnyu-dosug-provincialnogo-gorozhanina> (Дата обращения 02.02.2022); Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский, Е.В. Ключина, Л. Хэлфнер. Ульяновск: Средневожский научный центр, 2000. 693 с.; *Черничкина В.А.* Светские новшества в городской праздничной культуре российской провинции в последней трети XVIII – первой половине XIX в. URL: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Istoria/73279.doc.htm (Дата обращения: 02.02.2022).
- ⁶ *Куприянов А.И.* Праздничные общественные обряды и развлечения городского населения Западной Сибири в первой половине XIX века. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 23-33.
- ⁷ *Смирнов Ю.Н.* «Взятие снежного городка» на Волге: самарский вариант в истории зимней народной игры // Центр и периферия. 2017. № 2. С. 87-101.
- ⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 5,6,7; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 93. Оп.1 Д. 17, 18, 24; *Мешков И.И.* Записки И.И. Мешкова, чиновника Саратовской и Пензенской губерний, в царствование императора Александра и Николая Павловичей // Русский архив. 1905. № 6. С. 177-242; *Вигель Ф.Ф.* Записки: в 2 т. М.: Юрайт, 2019. Т.1. 332 с.; *Инсарский В.А.* Половодье: Картины провинциальной жизни прежнего времени. СПб.: Тип. Второго отделения С.Е.И.В.К., 1875. 493 с.; *Попов К.И.* Записки о Саратове К.И. Попова // Саратовский край. Вып.1. Саратов: Саратов. общ-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. С. 155-236.
- ⁹ *Свербеев Д.Н.* Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799 -1826). В 2 т. М.: Изд. Софьи Свербеевой, тип.-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1899. Т.1. 525 с.; *Долгоруков И.М.* Журнал путешествий из Москвы в Нижний 1813 года. М., 1870. 122 с.
- ¹⁰ *Зоден Ф.Ю.* Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии. Пенза: ПГПУ, 2006. 64 с.
- ¹¹ Россия конца XVIII – середины XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой: публикация, источниковедческий анализ и комментарии мемуаров: В 2-х т./ Прохорова Н.Ф. и др.; под науч. ред.М.В. Астахова. Самара: «Медиа-книга»; ООО «Книжное издательство», 2017. Т.1. 268 с.; Т.2. 224 с.
- ¹² Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Разряд 34. Оп. 1. Д. 15, 19.
- ¹³ *Артамонова Л.М.* Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной истории» середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. XV. № 5. С. 229-237; *Смирнов Ю.Н.* Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного русского города // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 361-377.
- ¹⁴ Российский государственный исторический архив (Далее - РГИА). Ф. 1286. Оп. 3 (1825 г.). Д. 10. Л. 1, 4-4об, 8 об.; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Т. 1. Д. 138. Л. 1; Д. 398. Л. 73-80 об.
- ¹⁵ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т.1.С. 481; *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка/ Под науч. ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1871. С. 130.
- ¹⁶ *Кострикина О.А.* Указ. соч.
- ¹⁷ *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Указ. соч. С. 379.
- ¹⁸ Россия конца XVIII – середины XIX в... Т. 2. С. 39.
- ¹⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Далее - ОР РНБ. Ф. 163. Д. 5. Л. 5.
- ²⁰ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 5. Л. 16.
- ²¹ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л. 15, 26.
- ²² *Мешков И.И.* Указ. соч. С. 187.
- ²³ ОР РНБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
- ²⁴ Российский государственный архив литерату-

- ры и искусства (Далее - РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.
- ²⁵ Научный архив русского географического общества (Далее - НА РГО). Р. 34. Д. 15. Л. 48 об.
- ²⁶ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 266.
- ²⁷ *Попов К.И.* Указ. соч. С. 172.
- ²⁸ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 349- 350.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2 (1821 г.). Д. 109. Л. 1.
- ³⁰ Положение о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях во всех губернских, портовых и уездных городах 14 марта 1821 г. Б. м., 1821. 16 с.
- ³¹ *Штер М.П.* Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1829. С. 2-89.
- ³² РГИА. Ф. 1286. Оп. 2 (1812 г.). Д. 133. Л. 6.
- ³³ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 371-374.
- ³⁴ ОР РНБ. Эрм. 885. Д. 246. Л. 10 -37 об.
- ³⁵ НА РГО. Р. 34. Д. 15. Л. 46-47.
- ³⁶ Письма графа М.М. Сперанского к его дочери // Русский архив. 1868. № 7, 8. С. 1107.
- ³⁷ *Майорова А.С.* Русская культура в Саратовском Поволжье в конце XVIII – первой половине XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. С. 201.
- ³⁸ *Пишчевич А.С.* Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная. 1764-1805. М., 1885. С. 159.
- ³⁹ Национальный архив Республики Татарстан (Далее -НА РТ). Ф. 92. Оп.1. Д. 1859. Л. 12-13.
- ⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 80. Л. 8.
- ⁴¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 81. Л. 10.
- ⁴² *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 105.
- ⁴³ *Иванов Д.П.* Сообщения при чтении «Биографии Белинского» А.Н. Пыпина // В.Г. Белинский. Письма / Под ред. Е.А. Ляцкого. В 3-х т. СПб., 1914. Т. III. С. 435.
- ⁴⁴ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 110.
- ⁴⁵ *Бирюкова А.Б.* Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2009. С. 32.
- ⁴⁶ Пензенская энциклопедия/ Гл. ред. К.Д. Вишневский. М.: Большая рос. энцикл., 2001. С. 605.
- ⁴⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 138. Л.1; *Дьяконов В.* Лицедеи, певчие и музыканты. Из истории саратовских театров. Саратов, 1991. С. 56; *Молебнов М.* Пензенский крепостной театр Гладковых. Пенза, 1955. С. 32; *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 162.
- ⁴⁸ *Гриценко Н.П.* Очерки по истории г. Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области: в 2 ч. Ульяновск, 1948. Ч. 1. С. 62; *Мартынов П.Л.* Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск: Симбирск. губ. учен. арх. комиссия, 1898. С. 198-199.
- ⁴⁹ Ульяновская – Симбирская энциклопедия: в 2-х т. / Ред.-сост. В.Н. Егоров. Ульяновск: Симб. Кн., 2004. Т.2. С. 321.
- ⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л.13.
- ⁵¹ *Попов К.И.* Указ. соч. С. 166.
- ⁵² *Дьяконов В.* Указ. соч. С.69.
- ⁵³ Северная почта. 1810. 12 февраля. № 30.
- ⁵⁴ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 209; *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 256; *Иванов П.Д.* Указ. соч. С. 434.
- ⁵⁵ *Молебнов М.* Указ. соч. С. 27- 35; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 398. Л. 74-80 об.
- ⁵⁶ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 256.
- ⁵⁷ *Вяземский П.А.* Записные книжки // Пензенский временник любителей старины. 1991. Вып. 5. С. 6.
- ⁵⁸ *Де-Пуле М.Ф.* Отец и Сын // Русский архив. 1875. Т. 117. № 5-6. С. 183.
- ⁵⁹ Северная почта. 1810. 1 января. №18. 19 марта. № 40, 24 сентября. № 94; 1811. 13 мая. № 38. 1819. 3 марта. № 19.
- ⁶⁰ Северная почта. 1810. 19 марта. № 40.
- ⁶¹ Северная почта. 1814. 9 марта. № 18.
- ⁶² Северная почта. 1810. 1 января. № 18.
- ⁶³ *Бирюкова А.Б.* Указ. соч. С. 243.
- ⁶⁴ *Иванов Д.П.* Указ. соч. С. 437-438.
- ⁶⁵ Северная почта. 1810. 12 февраля. № 30.
- ⁶⁶ *Дмитриев Ю.* Цирк в России: от истоков до 1917 г. М., 1977. С. 93.
- ⁶⁷ Северная почта. 1811. 17 мая. № 39.
- ⁶⁸ *Бирюкова А.Б.* Указ. соч. С. 248.
- ⁶⁹ Северная почта. 1811. 24 января. № 8.
- ⁷⁰ *Некрылова А.Н.* Указ. соч. С. 211.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1286. Оп.3 (1825 г.). Д. 10. Л. 1, 4-4об, 8 об.
- ⁷² Россия конца XVIII – середины XIX в. Т. 1. С. 167-166; *Долгоруков И.М.* Указ. соч. С. 52.
- ⁷³ *Долгоруков И.М.* Указ. соч. С. 52.
- ⁷⁴ *Долгоруков И.М.* Указ. соч. С. 52-54.
- ⁷⁵ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 227.
- ⁷⁶ *Зоден Ф.Ю.* Указ. соч. С. 19-20.
- ⁷⁷ *Лавринова Н.Н.* Социальные аспекты ярмарки в пространстве городской культуры// Неофилология. 2020. Т.6. № 21. С. 178.
- ⁷⁸ Россия конца XVIII- середины XIX в. ... Т. 1. С. 142.
- ⁷⁹ *Бирюкова А.Б.* Указ. соч. С. 250.
- ⁸⁰ Там же. С. 246-247.
- ⁸¹ *Смирнов Ю.Н.* Взятие снежного городка на Волге... С. 99.
- ⁸² НА РГО. Р. 34. Д. 15. Л. 25.
- ⁸³ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 450.
- ⁸⁴ *Иванов Д.П.* Указ. соч. С. 435.
- ⁸⁵ НА РГО. Р.34. Д.15. Л. 27 об.
- ⁸⁶ *Попов К.И.* Указ. соч. С. 169-179.

**LEISURE AND ENTERTAINMENT OF THE URBAN POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA
REGION AT THE END OF THE XVIII – THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURIES**

© 2022 A.B. Biryukova

Samara State Technical University

The article is devoted to the study of leisure practices and entertainment culture of the urban population of the Russian province in the late 18th – the first quarter of the 19th centuries on the materials of the Middle Volga region. The author argues that the choice of forms of leisure was determined by the affiliation of the city dweller to a certain social, gender and age group, as well as the sociocultural community with which he identified himself. Attention is paid to both modernized and traditional forms of leisure and entertainment.

Keywords: city, Middle Volga region, leisure practices, entertainment culture, theater, circus, fairs, choral singing, ball, recreational areas, drinking houses, fireworks.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-5-17

УДК 94(47)

ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ УЕЗДЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2022 В.В. Морозан

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 27.04.2022

В статье рассматривается эволюция дворянского землевладения в Царскосельском уезде с конца XVIII в. до начала XX в. Большое внимание уделено землепользованию и хозяйственной деятельности помещиков уезда. Автор на примере нескольких имений дворян рассмотрел как способы эксплуатации земельных владений дворянами, так и методы реализации отдельных участков на земельном рынке. В целом методы ведения хозяйства дворянами типичны для большинства поместий уезда. Схожи и способы распродажи ими своих земельных угодий. Хотя автор воздержался от оценок причин побуждавших дворян к реализации своих поместий, можно предположить, что основной из них была непригодность этой группы лиц к эффективному ведению хозяйства. Из приведенных в статье сведений о хозяйственной жизни уезда можно сделать вывод, что в конце XIX – начале XX в. в С.-Петербургской губернии наблюдались значительные перемены в аграрном секторе, с существенными переменами в составе земельных собственников. Очевидно, что процесс вытеснения дворян из этого сектора обрел необратимый характер.

Ключевые слова: дворянство, землевладение, землепользование, Санкт-Петербургская губерния, аграрный рынок XVIII-XX в.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-18-43

С.-Петербургская губерния в XVIII в. не относилась к числу территориально-административных районов Империи с самым значительным числом помещичьих имений. Относительно невелико было и число владельцев поместий с крепостными крестьянами. Формирование поместного землевладения в присоединенной к России в XVIII в. Ингерманландии прошло относительно долгий путь. Его основой стали пожалованные царскими властями имения, которые раздавались на протяжении всего указанного столетия. Однако в условиях отсутствия крестьянского населения в Ингерманландии новым землевладельцам приходилось переселять крепостных людей из коренной части Империи на вновь обретенные владения. Эта особенность стала причиной малочисленности в этом историческом районе С.-Петербургской губер-

нии имений с большим количеством крепостных крестьян. Зато доля имений без крепостных крестьян была относительно велика. К началу XIX в. в ингерманландской части столичного района сложилась весьма однообразная картина помещичьего землевладения, в которой преобладали средние и мелкие по числу крестьян имения. Иным образом обстояли дела в присоединенных к Ингерманландии в конце XVIII в. Лужском и Новолодожском уездах. В этих частях С.-Петербургской губ. была несколько иная картина помещичьих владений как по числу крепостных крестьян, так и по их площади. Так, согласно сведениям о количестве помещиков Новолодожского уезда за 1798 г., общее количество дворян-землевладельцев составляло 184 человека. Среди них наибольшее количество крестьян было у П.С. Пасевьева (959 душ), затем у С.В. Шкурина (791 душа), И.М. Левашева (517 душ) и М.Е. Хризоскульеве (510 душ). Лиц, владевших более 100 крепостными крестья-

Морозан Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории народов стран СНГ. E-mail: v_moga@mail.ru

нами, было 12 человек. Зато мелкопоместных дворян, владевших 20 и менее числом крестьян, было 114.¹ Очевидно, что для этого уезда характерны были мелкопоместные имения.

Отмеченная выше особенность ингерманландской части столичной губернии проявлялась и Царскосельском уезде, именовавшемся в конце XVIII в. Софийским (таблица 1). В последнем десятилетии XVIII в. в нем состояло всего 35 имений с крепостными крестьянами. Кроме того, в уезде было 4 владения только с дворовыми людьми и еще 51 поместье, вовсе не заселенное крепостными крестьянами (см. таблицу 1). Эти цифровые показатели относятся к 1791 г. и не претерпели существенных перемен до конца века.² Отметим, что наибольшим количеством крестьян владела графиня Мария Николаевна Скавронская (1795 душ). В то время как занимавшие после нее последующие места по численности крепостных крестьян Александр Григорьевич Демидов и Иван Абрамович Ганибал владели 371 и 310 душами соответственно.³

В первой половине XIX в. положение дел в рядах помещиков Царскосельского уезда хотя и менялось как по составу собственников, так и по размерам владений, но перемены эти были крайне медленными. К концу 1830-х гг. в уезде было почти 60 дворян-землевладельцев, большая часть из которых владела относительно небольшим количеством крепостных крестьян. Большинство дворянских фамилий, проживавших в XVIII в., продолжали сохранять свои владения и в первой трети XIX в. К примеру, имение Тайцы продолжало принадлежать представителям рода Демидовых. В частности, в 1830 г. его собственником был Петр Григорьевич Демидов. Мыза Тайцы относилась к числу одних из самых крупных владений в уезде, имея площадь в 16 727,24 дес. земли. Пахотной земли было 844,73 дес., сенокосной 1014,29 дес., неудобной под реками, болотами и дорогами - 1713,14 дес., под строевым и дровяным лесом - 8632,16 дес. и под мелким и редким лесом - 4522,92 дес.

Всего в имении числилось по 7-й ревизии 1815 г. 505 крепостных крестьян мужского пола.⁴ Крестьяне частью были посажены на оброк, частью выполняли тягло. Имение давало до 998 четвертей господского и крестьянского озимого и ярового хлеба. Они промышляли не только хлебопашеством, но и мелкими ремеслами, а также занимались разными подрядными работами при деревне Устье по реке Оридж. На этой же реке занимались рыбной ловлей (таблица 2).

В таблице 2 представлены почти все помещики Царскосельского уезда, владевшие землей и крестьянами. Сведения собраны автором из нескольких источников и могут содержать ряд мелких неточностей. В частности, возможны ошибки в годах рождения дворян, так как эти данные основывались на устных показаниях, полученных от помещиков уезда. Очевидно, и в части численности крепостных крестьян могут наблюдаться разночтения, так как помещики могли указывать число своих крестьян либо по 8-й ревизии 1833 г., либо по фактическому положению на 1838 г. Кроме перечисленных в таблице 2 дворян в уезде состояли и собственники мыз и дач, не заселенных крестьянами. Таких собственников было чуть более 20 человек.

Из приведенных в таблице 2 данных видно, что большинство перечисленных помещиков относилось к категории мелких и средних собственников. Такое положение дел было характерно для всей С.-Петербургской губернии первой половины XIX в. По этой причине состав владельцев более 100 крепостных крестьян был немногочисленным. К моменту начала реализации в губернии Положения 19 февраля 1861 г. в ней было всего 176 таких имений. Наибольшее число подобных поместий располагалось в Лужском уезде (51), а наименьшее - в Гдовском уезде (2). Немногочисленным было число таких помещиков-крепостников и в Царскосельском уезде, где средних и крупных владений было 17. Общая же численность крестьян в них достигала 4660 человек. Следует учитывать,

что имения дворян часто состояли из нескольких селений или частей имений. Так, у князя Петра Львовича Витгенштейна общее имение под названием Дружноселье состояло из 6 деревень: Рыбицы (59 крестьян), Большово (185), Лашново (181), Лязово (32), Курчино (47) и Куровицы (192). У князя Васильчикова таких деревень было 5, у Веймарн - 5, у Данаурова - 8. Кроме того, в уезде было 17 имений с числом крепостных крестьян менее 100 (таблица 3).

Экономические отношения помещиков и их крепостных крестьян основывались главным образом на оброчных обязательствах. Их размеры не были одинаковыми и во многом зависели от прихоти хозяев. Впрочем, барщина в имениях уезда также применялась, но не повсеместно. Она состояла из трех мужских и трех женских дней в неделю. Ниже мы приводим основные нормы обременений, лежащих на крестьянах Царскосельского уезда в 1861 г.: у помещицы Волковой - 34 руб. 29 коп. с тягла и 10 дней отработок в течение года; у князя Васильчикова - 25 руб. с тягла, 2 дня конных и 2 дня пеших мужчины, 4 женских дня и 4 дня подводы; у помещика Ваймерн - 30 руб. с тягла, 10 дней конных и 9 дней пеших; у помещика Данаурова - 30 руб. с тягла, 10 дней мужчины и 3 дня женщины; у помещиков Карташевских - 17 руб. с души и 15 дней мужчины летом; у помещицы Лыщинской - 36 руб. с тягла, 15 дней мужчины и 9 женщины; у помещика Платонова - 30 руб. с тягла и 4 дня летних; у помещиков Струбинских - 20 руб. с тягла, 2 дня конных и 2 дня пеших мужчины, и 2 дня женщины, а также подводы; у баронессы Черкасовой - 30 руб. с тягла, 19 дней мужчины и 12 дней женщины и по 1 десятина выжать хлеб; у помещика Н. П. Чернова - 30 руб. с тягла, 12 дней мужчины и 4 женщины, и 1 десятину выжать хлеб; у помещика В.П. Чернова - 45 руб. с тягла, 12 дней мужчины и 4 женщины и 1 десятину выжать хлеб, у помещицы Ченовой - 45 руб. с тягла, 12 дней мужчины и 4 женщины.⁵

Сопоставляя число имений в С.-Петербургской губ. начала и середины XIX

в., можно прийти к выводу, что в составе собственников произошло мало изменений. Хотя земельные владения в результате купчих сделок переходили время от времени от одного собственника к другому, основной переход поместий имел наследственный характер. Так, в 1827 г. смена земельных собственников по С.-Петербургской губ. была в 55 случаях, в 1828 г. – 55 случаев, в 1829 г. – 46 случаев, в 1830 г. – 23 случая, в 1831 г.- 43 случая, а в период с 1832 по 1838 г.- всего 38 случаев.⁶ Отметим, что в числе указанных случаев наблюдался медленный рост перехода земельных владений к лицам, не принадлежавшим к дворянскому сословию. Во второй половине XIX в. этот процесс заметно ускорился. Подавляющая часть разночинных приобретателей становилась мелкими земельными собственниками, владения которых в основном располагались на незначительном расстоянии от С.-Петербурга. Многие из новых собственников приобретали землю целью либо заняться огородничеством, либо обустроить себе дачу. Неслучайно огородничество было одной из самых быстро развивающихся отраслей хозяйствования в окрестностях С.-Петербурга. Что касается Царскосельского уезда, то, к примеру, в 1827 г. отмечено всего три случая перехода собственности у дворян. В частности, мыза Калитино с деревнями перешла от действительного статского советника Германа Густава Радинга по наследству к его сыну полковнику Герману Германовичу Радингу. Таким же образом досталась мыза Пятая Гора с деревнями Ольге Константиновне Брискорн и ее дочерям Ольге и Елизавете от тайного советника Федора Михайловича Брискорна. И лишь князь Павел Алексеевич Голицын купил у графа Сергея Петровича Румянцева его деревню Выти.⁷ В последующие годы количество изменений в составе собственников было также невелико. Так, в 1830 г. в Царскосельском уезде было всего 5 таких случаев: 1) имение генерал-лейтенанта Александра Петровича Квашнина перешло к его сыну Петру Александровичу, 2) по купчей

крепости д. Раглицы перешла от генерал-майора Александра Сергеевича Шкурина к Мине Борисовне Гану, 3) имение Василия Ивановича Маркова перешло к его детям, 4) по купчей крепости имение графини Софьи Владимировны Строгановой Василевская с д. Матрешкино и пустошью Гулмолово перешли к надворному советнику Андрею Ивановичу Кремеру, 5) мыза Тайцы перешла от Григория Александровича Демидова к его сыну Петру Григорьевичу.⁸

Нередко переходы имений приводили их к дроблению на более мелкие владения, как в случае с мызой Пятая Гора, которая в конце XIX - начале XX в. была распродана частями. Процесс дробления особенно усилился после Крестьянской реформы 1861 г., когда части владений не только доставались наследникам, но и распродавались участками в основном не дворянам. О процессе дробления имений указывают и статистические сведения. Так, по данным М.М. Островского, с 1863 по 1887 г. в губернии было совершено 9314 сделок по продаже земли. В этих сделках принимали участие 3 660 продавцов и 11 517 покупателей. Всего же из рук в руки перешло 1 739 458 дес., что составило 81% от частного землевладения.⁹ Благодаря этому процессу множилось число землевладельцев не дворян. Так, если в 1878 г. в Царскосельском уезде был 81 помещик, которые владели 92 957 дес. земли,¹⁰ то в 1899 г. таких собственников стало 50 с общим владением в 48 622 дес. земли (таблица 4). Всего же в конце века в этом уезде числилось 89 землевладельцев разных сословий, не считая крестьян.

Всего дворяне Царскосельского уезда с 1878 г. по 1899 г. потеряли 44 335 дес. земли, или чуть меньше половины своих владений. В основном свои земли теряли мелкие земельные собственники. Впрочем, в конце XIX - начале XX в. стали распродавать свои владения и крупные помещики. Изменившаяся конъюнктура на земельном рынке и долговые обременения, лежащие на дворянских имениях в отмеченное время, способствовали усилению желаний у

этих землевладельцев освободиться от части своих владений. Сдавая в залог Государственному Дворянскому земельному банку свои имения, многие помещики не справлялись с долговыми обязательствами, что и приводило к продаже всего поместья или отдельных его частей. Ниже мы приводим ряд случаев подобных продаж заложенных имений.

Так, в 1889 г. имение Зинаиды Семеновны Виночкиной при мызе Пятая Гора, состоящее из нескольких деревень с общей площадью в 8854 дес. земли, было заложено владелицей в Дворянском земельном банке за 24 600 руб. на срок 48 лет и 8 мес. Затем Виночкиная вновь обратилась в банк с просьбой выдать ей дополнительную ссуду по специальному займу. 25 января 1894 г. Совет банка после переоценки имения постановил выдать ей ссуду в размере 134 700 руб. на 66 лет и 6 мес.¹¹ Отметим, что в районе расположения поместья З.С. Виночкиной в залоге в Дворянском земельном банке было еще несколько имений. Княгиня Е.Э. Трубецкая заложила мызу Дылицы площадью 2600 дес. удобной земли, оцененную Советом банка в 104 000 руб., то есть по 40 руб. за десятину. Л.Х. Гарнака заложил усадьбу Смольково площадью 1130 дес. удобной земли и оцененную вместе с постройками в 33 388 руб., или по 30 руб. за десятину. М.А. Любоцинская сдала в залог 5205 дес. удобной земли при усадьбе Ляды по нормальной оценке десятины в 20 руб. Примечательно, что княгиня Трубецкая в 1910 г. начала распродавать свое имение мелкими участками под дачи по цене от 50 коп. до 4 руб. за кв. саж. земли. Таким же образом стала поступать и Любоцинская.

Структура имения З.С. Виночкиной была типична для многих помещичьих владений уезда. Усадьба занимала 23 дес. земли. При господском доме был яблоневый сад и ягодник на 2 дес. Был там и обыкновенный сад с разными культурными насаждениями (4 дес.) и огород (2 дес.). На усадебном участке располагались господские и хозяйственные постройки (3 дес.) и парк (12 дес.). Хозяйка

выделила 510 дес. под пашню, 760 дес. под сенокос, 1025 дес. под выгон и 5682 дес. находились под лесом. В хозяйстве было 28 лошадей, 20 коров, 1 бык, 10 нетелей и 4 теленка. Именем занималась сама хозяйка, а за работниками следил приказчик с годовым жалованием в 300 руб. В состав этого имения в Сосницкой волости входили полумызы Холоповицы и Карголозы и земли при деревнях Холоповицы, Озеро, Село, Пятая Гора, Донцы и Глумицы. От господской усадьбы до С.-Петербурга было 63 версты и 45 верст до Царского Села. Ближе всего было до Гатчины (20 верст), а в 4,5 верстах находилась станция Елизаветино Балтийской железной дороги. Все земельные владения З.С. Виницкой состояли в одной окружной меже из 8000 дес. удобной и 854,1 дес. неудобной земли. В черте имения находились крестьянские селения, выделенные в ходе Крестьянской реформы с небольшими наделами. В частности, в деревне Пятая Гора было 8 дворов, в Озеро и Глумицах - по 35 дворов, в Холоповицах - 30 дворов, в Село - 20 дворов, в Донцах (Донцо) - 20 дворов.¹² Все крестьяне получили в надел по 4 дес. земли на душу, что не могло в полной мере удовлетворить их хозяйственные интересы. Они нуждались не только в пахотной земле, но и в сенокосах, так как собственных выгонов они не имели. Крестьяне кроме земледелия занимались отхожими промыслами в С.-Петербурге, а также перебивались местными заработками: обжиганием извести, вырубкой и вывозом леса и другими подработками. В 4 верстах от юго-восточной границы имения при д. Домище (Даймище) находился металлический завод братьев Ивана и Александра Ивановичей Чикиных, на котором были заняты до 1000 человек рабочих. Многие крестьяне окрестных деревень были заняты на этом предприятии. Кроме того, имение Пятая Гора располагалось в районе проживания эстонских поселенцев, которые с охотой брали в аренду всякие годные для окультуривания земли и сами разрабатывали их в пашни и сенокосы. Все перечисленные особенности данно-

го имения указывают на то, что оно имело крайне выгодное расположение, удобные коммуникации и перспективный район экономического развития. Следует учитывать, что в Царскосельском уезде хлебопашество не относилось к основному виду земледелия. В этой части губернии отдавали предпочтение молочному хозяйству, сбору ягод и грибов, огородничеству и прочим видам деятельности.

Условия найма работников ничем не отличались от условий в соседних имениях. Годовому рабочему платили от 70 до 90 руб. Поденщикам: мужчинам в сенокос по 75 коп., женщинам по 40 коп. в день. Размер сдельной оплаты за одну десятину земли зависел от вида произведенных работ: вывозка и раскидка навоза - 7 руб. 50 коп., обработка под рожь без молотыбы - 18 руб., обработка под овес - 15 руб., косыба и уборка клевера - 7 руб. 50 коп., косыба и уборка обыкновенного сена - 6 руб.¹³

Произведенные продукты продавались в разных местах уезда: рожь - местным крестьянам, а овес, мясо и прочее - в Гатчине. Цены на продукты за пятилетие с 1888 г. колебались существенно: одна четверть ржи от 7 до 10 руб., одна четверть овса от 4 до 5 руб. 50 коп., одна четверть ячменя от 6 руб. 50 коп. до 7 руб. 50 коп., пуд мелкого сена от 20 до 30 коп.¹⁴

Среднегодовой валовой доход имения составлял 11 800 руб. при средних расходах на его содержание 5100 руб. Таким образом, чистый доход достигал 6700 руб. Статьи доходов были разные: за выгон скота крестьянами 9 деревень владелица получала до 1250 руб.; за аренду сенокосов - 1338 руб.¹⁵ Активно практиковалась сдача в аренду отдельных участков земли. Так, в 1893 г. арендаторами в имении были 39 эстонцев-поселян, которые обрабатывали участки от 15 до 18 дес. Эта аренда дала З.С. Виницкой в 1893 г. 1833 руб. дохода.¹⁶

До смерти Виницкой 17 января 1905 г. имение почти сохранялось в целостности, хотя хозяйка испытывала трудности со своевременными платежами по долгам

банку. В 1904 г. она не смогла погасить ни капитальный долг, ни проценты по нему. Вступив же в наследство, ее дочери Зинаида Михайловна Васильева и Александра Михайловна Лагранж не стали утруждать себя приведением в порядок хозяйства, а обратились 16 февраля того же года в банк с просьбой разрешить продажу имения частями. В прошении также шла речь о предоставлении наследницам рассрочки по погашению долга на 3 года, с тем чтобы в течение последующих 5 лет долг оплачивался равными платежами ежегодно.¹⁷ Первые продажи земли З.М. Васильева и А.М. Лагранж осуществили в 1907 г., реализовав первоначально 14,2 дес., затем 9,2 дес. По этим двум случаям продажа земли производилась крестьянам мелкими участками, в частности, 3,1 дес. купил Алексей Петрович Петров, 3,2 дес. - Абрам Андреевич Ахтеяйнен и 3 дес. - Филипп Абрамович Пастель. В конце 1907 г. наследницы вновь нашли покупателей, реализовав 3 участка общей площадью 82,25 дес. В 1908 г. эти продажи продолжились. Так, в июне указанного года они уступили покупателю участок в 14,2 дес. земли.¹⁸

Примечательно, что в 1908 г. дочери Виноцкой решили разделить имение матери между собой, выделив А.М. Лагранж 1991,81 дес., из которых 283,16 дес. находились под усадьбой и мызой Пятая Гора. Ей же пришлось взять на себя и долги по ссуде. З.М. Васильевой же переходили в собственность 265,91 дес. земли при озере Кюрлево. Оставшуюся землю решили продать главным образом мелкими участками местным крестьянам и поселенцам площадью от 2 до 14 дес. В дальнейшем эти собственники продавали земли из своих долей разными участками. К концу 1911 г. все заложенные в банки земли З.С. Виноцкой были распроданы. Среди покупателей в 1911 г. были братья Иван и Александр Ивановичи Чикины, которые приобрели лесной участок размером 128 дес. для своего завода. А.П. Вернандер купил 210 дес., М.С. Хмелинский - 1752 дес., а 229 дес. были разделены на 14 участ-

ков для продажи крестьянам. Последним покупщиком оказался К.А. Афанасьев, которому отошли 24 дес. 640 кв. саж. земли.¹⁹

Судьба имения последнего приобретателя сложилась схожим образом с судьбой владений З.С. Виноцкой. Коллежский асессор Константин Алексеевич Афанасьев купил указанный выше участок, состоявший при д. Пятая Гора в 10 верстах от с. Кикерино, 7 сентября 1909 г. Банк разрешил произвести отчуждение этого участка для продажи К.А. Афанасьеву 18 апреля 1909 г. с обязательным досрочным погашением долга прежнего заемщика. Однако вскоре Афанасьев умер, а земля с образовавшейся задолженностью банку по духовному завещанию от 14 декабря 1911 г. отошла в 1912 г. его сыну Алексею Константиновичу Афанасьеву. Очевидно, его отец незадолго до смерти обратился в банк за отсрочкой платежа по имевшейся ссуде, которая была ему одобрена на 3 года. Однако сын залогодателя не стал сохранять свое имущество, продав 24 мая 1912 г. имение мещанину Михаилу Карловичу Ирману.²⁰

Финансовые трудности у К.А. Афанасьева начались задолго до приобретения у наследников Виноцкой земель у д. Пятая Гора. В 1903 г. он был вынужден продать большой участок леса площадью 1081 дес. земли, прилегающего к селу Рождество Царско-сельского уезда. В имении была небольшая усадьба на площади 1 дес. земли, пашня в 8 дес. и сенокос в 60 дес. Согласно купчей крепости, утвержденной старшим нотариусом С.-Петербургского окружного суда от 28 июня 1903 г., эта земля была уступлена потомственному почетному гражданину Александру Алексеевичу Любищеву, который был вынужден погасить лежавшую на К.А. Афанасьеве ссуду 16 сентября 1903 г.²¹

В том же 1903 г. Константин Афанасьев обратился в Дворянский земельный банк за ссудой, заложив другое имение под названием «Хутор – Опыт», которое располагалось в Сосницкой волости Царскосельского уезда при деревне Глумицы и было в конце XIX в. вымежевано из состава имения

З.С. Веницкой. Оно находилось в 73 верстах от С.-Петербурга, в 53 верстах от Царского Села и в 10 верстах от станции Елизаветино Балтийской железной дороги. Всей земли в имении было 23 дес. и 20 кв. саженей удобной и 1 дес. 620 кв. саженей неудобной. Удобная часть имения состояла из усадьбы площадью 500 кв. саж., пашни – 11 дес. 1500 кв. саж., покоса – 2 дес. 1680 кв. саж. и леса – 8 дес. 1040 кв. саж.²²

Место расположения имения было густонаселенным. На расстоянии до 3 верст находились перечисленные уже выше деревни Холоповицы, Глумицы, Озеро, Село, Донец, Пятая Гора и другие. Кроме коренного населения в данном районе поселилось много пришлого люда. Покупая небольшие участки земли, они образовали целую сеть хуторов, которых было около 200.

Крестьяне летом занимаются земледелием, выращивая в основном овес и разные травы, а зимой большая часть коренного населения, как уже отмечали выше, описывая имения З.С. Веницкой, уходило на отхожие промыслы в С.-Петербург и др. места. Земли, окружавшие имение Афанасьева, принадлежали надельным крестьянам деревни Глумицы и тем собственникам, которые купили свои участки при содействии Крестьянского поземельного банка.

Спрос на земли в данной местности был большим как со стороны местного крестьянства, так и пришлого населения, которое стремилось к приобретению земли в собственность. Коренное население арендовало у местных помещиков разные уголья, частью за деньги, а частью за отработку или за исполную отработку. В качестве исполой обыкновенно заарендовывались лесные покосы. Годовая арендная плата за десятину культурных угодий колебалась от 6 до 7 и более рублей. Пришлое население обыкновенно заарендовывало небольшие участки из-под вырубленного леса для обращения в смешанные уголья на срок от 5 до 12 лет с годовой платой от 3 до 5 руб. за десятину на круг. На участки, имевшие 50% и более культурных угодий, арендная плата

колебалась около 5 руб. за десятину. За период с 1898 по 1903 г. при содействии Крестьянского поземельного банка в данном районе было совершено очень много подобных сделок. Продажная же цена десятины удобной земли колебалась от 85 до 147 руб. Всего за это время было 68 сделок.

Ближайшие К.А. Афанасьеву помещики к 1903 г. также заложили свои имения в Дворянском земельном банке. Так, в 1889 г. было заложено имение Кикерино И.Ф. Лиленфельд-Тоаля площадью в 1537 дес., в 1890 г. - имение Вохново А.П. Платонова общей площадью 2644 дес., в 1902 г. - имение Торосово барона Г.М. Врангеля площадью 1336 дес., а в 1903 г. - имение Калитино барона Ю.П. Толя, перешедшее затем к барону Рейхенбаху, площадью 2 642 дес.²³

Сельхозпродукция, произведенная в этом районе помещиками, сбывалась, главным образом на месте. Средние цены за пуд были следующими: рожь - 1 руб. 10 коп., овес и ячмень – 90 коп., сено – 25 коп., клевер – 40 коп. Молоко в летнее время продавалось дачникам по 6 коп. бутылка или 12 коп. кружка. В остальное время доставлялось в Петербург в разные молочные фирмы по цене от 10 до 11 коп. за кружку.

В июле 1909 г. в имении произошел пожар. Все хозяйственные постройки усадьбы сгорели, остался лишь господский дом с мезонином. Дом деревянный на каменном фундаменте, крытый лучиной, был оценен в 500 руб. При усадьбе была лошадь и 2 свиньи, 1 плуг, борона и телега. До покупки Афанасьевым данного хутора он находился в аренде у эстонца Пребурге. Именно он привел хутор в хозяйское состояние, так как до него этот участок состоял из вырубленного леса. К 1909 г. пашня хутора была хорошо разработана, обрабатывалась в многопольном севообороте с посевом трав и картофеля. Севооборот был шестипольным: пар, озимь, ярь, 2 года клевера с тимофеевой травой и ярь. Покос был чистым, и сено получалось хорошего качества, и его в среднем на десятину накашивалось не менее 80 пудов. Лес был мешаным с господством ли-

ственных пород деревьев в возрасте 20-25 лет с запасом на десятине 6-7 кубометров. Подлесная земля была вся пригодна для обращения в культурные угодья.

После купли имения К.А. Афанасьев некоторое время сохранял арендные отношения с Пребургом, взимая плату по 108 руб. ежегодно. Возможный же валовый доход мог доходить до 115-117 руб. При таких условиях эксплуатировать участок можно было только своими силами, так как найм работников неминуемо приносил бы одни убытки. Очевидно, по этой причине сын Афанасьева, Алексей Константинович, и продал это небольшое имение.

В 1886 г. генерал-майор А.Н. Витмер обратился с прошением о предоставлении ему ссуды под два имения, одно при д. Еглизи,²⁴ другое под названием «Черная Речка», на 48 лет и 8 мес.²⁵ Последнее из отмеченных поместий состояло из 428 дес. земли. Генерал купил его 8 октября 1871 г. Имение располагалось в Ижорской волости Царскосельского уезда, в 30 верстах от С.-Петербурга, в 14 верстах от Царского Села и в 3 верстах от Невы. Рядом с имением на расстоянии в полверсты находилась Анноловская бумажная фабрика. Имение было разделено на усадебную часть на 4 дес., пахотную на 30 дес., сенокосную на 40 дес. и лесную 330 дес. Еще были 24 дес. неудобной земли. В имении были 4 лошади и 2 коровы, которые принадлежали приказчику.²⁶

Примечательно, что Витмер заключил 24 августа 1881 г. с крестьянами д. Черная Речка контракт, по которому получил исключительное право охотиться в принадлежащих крестьянам лесах сроком на 12 лет, с 15 октября 1884 г. по 15 октября 1896 г. за 90 руб. в год. При этом Витмер имел такое же соглашение со смотрителем метеорологической обсерватории в Павловске на право последнего охотиться во всех лесах Витмера и крестьян д. Черная Речка в течение 7 лет по 1 апреля 1892 г. за ежегодную плату в 200 руб.²⁷

В имении был небольшой кирпичный завод, продукция которого в основном реализовывалась в Павловске и Царском Селе.

Впрочем, Витмер сосредоточил свое внимание главным образом на лесном хозяйстве ввиду значительной ценности леса и легкости его сбыта в ближайших местах. По словам хозяина, продажная стоимость березы составляла от 21-24 руб., ель и сосну брали от 14-18 руб., за осину давали до 12 руб. за куб. сажень. Лес продавался генералом с его собственного двора в Павловске. С успехом шла торговля и дровами на топку и для писчебумажных фабрик. Полевому же хозяйству он придавал второстепенное значение. В среднем ежегодный валовый доход составлял 2663 руб., а чистая прибыль - 1309 руб.²⁸

Банк выдал А.Н. Витмеру 1 ноября 1886 г. суду в размере 9100 руб. 7 марта 1895 г. ссуда была пересрочена на 66 лет и 6 мес. При этом имение было еще заложено в С.-Петербургско-Тульском поземельном банке под 12 300 руб. Ссуды оказались для генерала чрезмерно обременительными, что привело к необходимости обратиться в банк за разрешением продать часть имения. 18 марта 1902 г. ему позволили продать 50 дес. земли, но с условием досрочного погашения 1200 руб. из общей суммы долга. В мае 1908 г. Витмер решил реализовать все имение потомственному почетному гражданину Александру Яковлевичу Боброву.²⁹

Что касается поместья при д. Еглизи, то его площадь составляла 1488,16 дес., располагалось оно в 25 верстах от г. Павловска, между Московским шоссе и дорогой из Павловска в Лисинское лесничество. Вдоль всего имения с юга на север протекала р. Саблинка. К границам имения примыкали владения Волярлярского (Ингано) и Родофинкина при обширных болотах. Все имение было разделено просеками на 14 кварталов. Работы по разделению леса на просеки были проведены в 1868 г. А.Н. Витмер же приобрел эти владения в 1871 г. у наследников барона Г.В. Жомини. Его хозяйственная деятельность почти целиком была направлена на эксплуатацию леса. Рубка производилась выборочно «с уборкой вершинника и сучьев». Пашня и луга были запущены, а поля, окультуренные прежде, были обраще-

ны в покосы, и только незначительная часть земель в урочище реки Тервизи и Толбузи в количестве 20 дес. сдавалась крестьянам д. Еглизи по контракту на 12 лет под пашню.⁵⁰ На р. Саблинке при бароне Жомини была построена плотина для орошения заливных лугов. Однако при новом хозяине она пришла в запустение.

В 1911 г. Витмер обратился в банк с просьбой о перезалоге имения при д. Еглизи, объяснив, что нуждается в погашении долга по частной закладной. Кроме того, он испытывал трудности и при погашении текущих платежей по долгу Дворянскому земельному банку. В этой связи он просил о перезалоге с выдачей ему дополнительно 100 000 руб.⁵¹ Однако просьба Витмера была отклонена. Заемщик все же получил 1 ноября 1886 г. ссуду в размере 68 500 руб. Затем ссуда была дважды пересрочена, сначала на 51 год и 9 мес., потом на 66 лет и 6 мес. В 1908 г. Витмеру разрешили продать участок из этого имения в размере 71,12 дес., который был реализован более мелкими участками местным крестьянам.⁵² О причинах такой безмерной эксплуатации своих владений можно лишь догадываться, сделав предположение, что Витмер жил не по средствам.

Отмеченные выше продажи частей имений в Царкосельском уезде были явлением обычным, так как такой способ реализации земли на местном рынке приносил наибольший доход. Так поступало большинство собственников, постепенно расставаясь со своими владениями либо оставляя себе усадебные части под дачи. В частности, по такому пути пошла Любовь Григорьевна Катенина, владевшая имением Новое Лисино и дачей Сойловская общей площадью 2893,4 дес. земли. Л.Г. Катенина была дочерью Григория Григорьевича Гогеля и внучкой генерал-адъютанта Григория Федоровича Гогеля, главноуправляющего Царкосельским дворцовым управлением. Имение Новое Лисино досталось ей от матери Марии Григорьевны Гогель, которая приобрела его в 1898 г. у наследников камер-фурьера Р.Н. Ингано.

Отметим, что район расположения поместья Л.Г. Катениной был густо заселен крестьянами. К нему примыкали около 10 деревень с числом дворов от 8 до 47. Оно располагалось в 50 верстах от С.-Петербурга и в 25 верстах от Царского Села. Такая близость к городским центрам позволяла с успехом реализовывать земли мелкими участками для тех, кто планировал заниматься производством сена, огородничеством или устройством дач. Само имение было разделено на усадебную часть из 12,9 дес. земли, пашню - 112,1 дес., сенокосы - 485,25 дес.; пастбища - 104,18 дес.; лесную часть - 1850,97 дес. и прочую землю - 10,67 дес. В имении был большой 2-этажный каменный господский дом, большая деревянная дача, две малые дачи, каменная оранжерея, конюшня и амбар под одной крышей, бревенчатый скотный двор, бревенчатая баня, бревенчатая контора, два деревянных сарая для сена, три деревянных сарая для кирпича, две бревенчатые избы для рабочих, птичий двор, два деревянных каретных сарая, семь ледников, деревянный навес, две избы для лесников, большая каменная конюшня, большая деревянная конюшня, кузня. На случай воинского поста был деревянный барак для солдат и большой бревенчатый дом для кантонистов. Помещица содержала 5 лошадей, 32 быка, 18 дойных коров, 6 нетелей, 2 теленка, 5 свиней и разной птицы, в частности 40 гусей и 30 уток. Инвентарь состоял из конной молотилки, конной машины для кирпича, веялки, 4 плугов, 3 железных борон, конных грабель, жатвенной машины. Были экипажи, телеги и разный другой мелкий инвентарь.⁵³

Кроме хлебопашества владелица занималась заготовкой, скупкой и вывозом для продажи в Царское Село и Павловск лесных материалов из ближайших лесных дач, а также скупкой и продажей сена. В 12 верстах от имения на р. Ижоре находилась бумажная фабрика Лимгерта, а в самом имении - небольшой кирпичный завод. Кирпичный завод давал доход до 12 тыс. руб. в год. Кроме того, Л.Г. Катенина сдавала в наем дачи,

получая доход до 500 руб. в год. В имении добывался камень с доходом от 150 до 600 руб. в год.³⁴ Часть покосов сдавалась в долгосрочную аренду на 6 и 10 лет, часть - в одногодичную аренду. Остальные площади обрабатывались средствами владелицы.

Характерным для этих мест был высокий спрос на землю как продажную, так и в аренду. В районе расположения имения аренда одной десятины до 2 лет стоила 40-50 руб., до 5 лет от 30-40 руб., на остальные годы - по 20-30 руб. Луговые и лесные покосы арендовались «по частям огульно за деньги». Пахотные и хлебные поля пользовались у арендаторов низким спросом. Всего в Царскосельском уезде крестьянами заарендовывалось в начале XX в. до 15% всей обрабатываемой в уезде земли.³⁵

Продажная цена земли в районе имения колебалась от 50 до 100 руб. за дес., в зависимости от площади покупки. Так, в 1902 г. княгиня Ю.Н. Ухтомская продала через Крестьянский банк 26 дес. земли крестьянину Д. Гайле по 53 руб. 80 коп., крестьянину С. Рогулину 45 дес. по 50 руб., крестьянину К. Траутману 53 дес. по 50 руб. и двум товариществам 137 и 32 дес. земли по 50 руб.³⁶ В 1910 г. помещик Гейне продал из своего имения Шпаньково 60 дес. по 350 руб. за десятину, а в 1911 г. реализовал некоему Гершельману 428 дес. с усадьбой за 117 руб. дес.³⁷

Л.Г. Катенина имела долгосрочную аренду на 100 дес. земли сроком до 10 лет с местным жандармским дивизионом, который платил ей 8 руб. за десятину. Такой же долгосрочный контракт был заключен с Гусарским полком на право охоты в местном лесу.³⁸ Примечательно, что в 1905 г. Л.Г. Катенина решила заложить свое имение в Дворянском земельном банке по примеру ближайших соседей. Среди последних был упомянутый выше А.Н. Витмер, княгиня Ю.Н. Ухтомская (1185 дес.) и Е.С. Шпигель (510 дес.).

Произведенная сельскохозяйственная продукция сбывалась частью на месте, частью в Царском Селе, Павловске или С.-Петербурге. Провозная плата до С.-Петербурга составляла около 8 коп. за пуд,

до Царского Села и Павловска от 5 до 6 коп. за пуд. Рожь продавалась стоимостью около 90 коп., овес - 80 коп., а картофель 25-30 коп. за пуд, сено клевера - 40 коп., другие травы от 20 до 25 коп. за пуд., солома 15-20 коп. Сливочное масло по 12-14 руб. пуд, а молоко по 5 коп. бутылка.³⁹ Производство молока считалось перспективным занятием для этого района. Учитывая это, Л.Г. Катенина рассчитывала часть полученной в Дворянском банке ссуды потратить на значительное увеличение молочного хозяйства с закупкой большого количества дойных коров. При большом количестве покосных полей и пастбищ, а также близости железной дороги и хорошо налаженном молочном производстве можно было ожидать достойный доход. Управлением имением занимался приказчик, который получал в год 360 руб. жалования. В имении были два лесника с жалованием в 180 руб. каждый. В отличие от многих поместий в Царскосельском уезде в имении Катениной велись хозяйственные книги, хотя записи проводились нерегулярно.

Важной статьей дохода для владелицы была продажа лесного материала, в основном дров для отопления. Лес в хозяйстве был смешанным с преобладанием ели и по своему характеру был дровяным. Строевых пород было много, но в основном тонкомерные. Для более правильной эксплуатации леса по поручению бывшей владелицы в 1896 г. был составлен план лесного хозяйства, рассчитанный на сплошную рубку. Вся лесная площадь была разбита на 30 кварталов. Была установлена норма рубки леса в отношении хвойных пород не менее 100 лет, лиственных - 50 лет с ежегодной площадью не более 25 дес. Согласно этому плану, рубка производилась до 1904 г. В 1904 г. новая владелица поручила преподавателю Лисинской школы Александрову составить новый план лесного хозяйства, который лишь незначительно изменил нормы прежнего плана. В частности, отказались проводить вырубку для строевого материала, сосредоточив все работы исключительно для заготовки дров. Из записей конторских книг

следовало, что в 1902-1903 гг. было продано леса на 6453 руб. 85 коп., с получением чистой прибыли 5483 руб. 25 коп. В последующих 1903-1904 гг. было продано на 3627 руб. 85 коп., с чистой прибылью 3036 руб. 48 коп. В 1904-1905 гг. продано древесины на 8038 руб. 52 коп., с чистой прибылью 6735 руб. 72 коп. Наконец, в 1905-1906 гг. продано на 7065 руб., с чистой прибылью 5881 руб. 03 коп. Таким образом, средний чистый доход от лесозаготовки составлял 5284 руб. 12 коп.⁴⁰ Впрочем, расходы на содержание имения были достаточно высоки, составляя до 4800 руб. Общие же доходы достигали 8419 руб. В итоге чистая прибыль доходила до 3510 руб.⁴¹

Примечательно, что Л.Г. Катенина приступила к продаже мелких участков земли именно из лесной части своего имения в 1909 г. Вообще в районе ее имения с 1908 г. по 1915 г. продаж поместий целиком не было. В начале века владельцы предпочитали ликвидировать свои владения самостоятельно за наличный расчет, но после 1906 г. все более прибегали к услугам Крестьянского поземельного банка. В конце первого десятилетия стал наблюдаться усиленный наплыв колонистов в этот район, что резко повысило спрос на небольшие участки. Это в свою очередь ощутимо отразилось на продажных ценах, которые повысились. При содействии Крестьянского поземельного банка по Лисинской волости в указанные годы было произведено много сделок. Из одного только имения Новое Лисино с 1909 года было продано земли по 67 сделкам, которые указаны в таблице 5.

Из таблицы 5 видно, что на участки, состоящие исключительно из лесной земли (24 сделки), продажные цены колебались от 69 до 129,72 руб., составляя в среднем по 87,96 руб., а оценка банка колебалась от 60 до 78 руб., что в среднем составляло 67 руб. на одну десятину удобной земли. Значительное колебание продажных цен по этим сделкам зависело главным образом от стоимости произраставшего на

участке леса. Оценочную же стоимость банк устанавливал, как для земли под лесом, без учета стоимости на ней лесного материала.

Важно отметить, что процесс потери дворянами своих земельных владений в С.-Петербургской губ. не был равномерен как по отдельным периодам времени, так и по уездам. Если в 1863-1887 гг. площадь дворянских землевладений в губернии сократилась на 33,6%, то в период с 1887 г. по 1906 г. - лишь на 18,1%.⁴² При этом порайонные изменения отличались между собой существенно. На периферии в Гдовском, Лужском и Новолодожском уездах средний размер дворянских владений сократился к 1905 г. более чем на 70%, а в Шлиссельбургском и Царскосельском уездах на 50-50%, тогда как в Петербургском и Ямбургском уездах дворяне сохранили свои позиции.⁴³ Помимо того, в самих уездах также наблюдалось сокращение дворянских владений. Чем ближе были расположены имения к городским центрам, в особенности к С.-Петербургу, тем значительно было число купчих на землю.

В особенности это касалось Царскосельского, Петербургского, Петергофского и Шлиссельбургского уездов, в которых интерес к земельным сделкам со стороны землевладельцев и покупателей был чрезвычайно велик. При этом процесс распродажи земель в этих уездах после 1906 г. резко возрос. Для продавцов привлекательны были цены на землю, а для покупателей - эксплуатационные возможности. Одни желали обустроить купленные участки под дачи как для собственных нужд, так и для сдачи их в наем. Желание проводить летнее время на дачах появилось у петербуржцев задолго до Крестьянской реформы. Примечательно, что сдача в аренду на летнее время домов привлекала не только помещиков в окрестностях С.-Петербурга, но и их крестьян. К примеру, этим «бизнесом» были увлечены крестьяне Любоми Сергеевны Сабир, которая писала в 1846 г. об этом князю Д.П. Волконскому: «Имею честь объяснить, что

Таблица 1

Список дворян Софийского уезда на 1791 г.

п/н	Чин и имя господ дворян	Где находится и сколько душ
Владельцы вотчин		
1	Действительный тайный советник, генерал-прокурор, князь Александр Алексеевич Вяземский	Имение имел Александровская в Софийском уез. Управляющий коллежский асессор Лошаков. Находился в СПб. 158 душ муж. пола
2	Генерал-аншеф и обер-камергер граф Петр Борисович Шереметев	101
3	Действительный тайный советник, камергер, граф Александр Романович Воронцов	Жил в С.-Петербурге. 30 душ в общем владении с Семеном Романовичем Воронцовым
4	Генерал-аншеф, владимирский и костромской генерал-губернатор, граф Иван Петрович Салтыков	Находился во Владимире. Дворецкому велел никого не пускать. 13 душ
5	Действительная статс-дама, вдовствующая графиня Марья Николаевна Скавронская	1795
6	Генерал-поручик Иван Абрамович Ганибал	310
7	Генерал-майор Петр Абрамович Ганибал	139
8	Капитан артиллерии флота Исаак Абрамович Ганибал	
9	Капитан артиллерии флота Осип Абрамович Ганибал	109
10	Камергер, граф Андрей Иванович Тизенгаузен, 40 лет	Жена Екатерина Штапельберггер. 127 душ
11	Статский советник, присутствующий в Экспедиции о государственных доходах, Василий Михайлович Хлебников	18
	Статский советник Иван Иванович Козлов	34
	Полковник, флигель-адъютант Федор Федорович Буксгевден	170
	Тайный советник Петр Михайлович Салтыков	37
	Полковник С.-Петербургского пехотного полка Илья Федорович Вадковский	33 души в общем владении с камергером Федором Федоровичем Вадковским
	Унтер-шталмейстер Василий Иванович Марков	3
	Советник Ярославского наместничества, Гражданской палаты Федор Петрович Викентьев	4
	Обер-провиантмейстер Николая Походяшина жена Каролина Антоновна	51
	Поручик л.-гв. Семеновского полка, князь Василий Михайлович Несвицкий	2
	Коллежский асессор Василий Герасимович Евагринков	9
	Коллежский асессор Антон Аврамович Будаков	11

	Отставной секунд-майор Иван Андреевич Штигельман	92
	Титулярный советник Василий Борисович Шаблыкин	12
	Капитан Иван Васильевич Олехов	33
	Секретарь кабинета ее имп. величества Антон Елизарович Протопопов	11
	Сержант л.-гв. Измайловского полка Александр Яковлевич Сукин	
12	Советник Берг-коллегии Александр Григорьевич Демидов	371
13	Дочери покойного статского советника Гаврилы Григорьевича Замятина, девицы Татьяна и Иоанна Гавриловны Замятины	Жили в С.-Петербурге. 83
14	Надворного советника Федора Королева дочь Мария Королева	
15	Капитан-поручик л.-гв. Измайловского полка Александр Романович Ранцов	
16	Л.-гв. Измайловского полка сержанты Александр и Алексей Яковлевичи Сукины	
17	Жена полковника Александра Вындомского, Марья Аристарховна Вындомская	32
18	Дворянин Иван Лазаревич Лазарев	
19	Коллежский асессор Герасим Семенович Евагринков	27
20	Капитан-поручик л.-гв. Семеновского полка Алексей Осипович Кожин	
21	Поручик Каргопольского карабинерного полка Штигельман	
Владельцы дач по Петергофской дороге		
22	Вице-канцлер, действительный тайный советник, граф Иван Андреевич Остерман	
23	Сенатор, вице-президент Адмиралтейской коллегии, генерал флота и над портом главный командир, камергер, граф Иван Григорьевич Чернышов	
24	Действительный тайный советник, камергер и сенатор, князь Петр Никитич Трубецкой	
25	Обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин	
26	Обер-шенк и сенатор Александр Александрович Нарышкин	
27	Камергер, князь Александр Борисович Куракин	
28	Генерал-майор и флигель-адъютант л.-гв. Преображенского полка, премьер-майор, князь Сергей Федорович Голицын	
29	Генерал-майор, камер-юнкер, правитель канцелярии Совета Александр Николаевич Самуилов	
30	Тайный советник, камергер, граф Петр Александрович Бутурлин	

31	Вдова действительного статского советника Михаила Александровича Зыбина, Прасковья Андреевна	
32	Действительный тайный советник Владимир Григорьевич Елагин	
33	Статский советник и член Главной дворцовой канцелярии Владимир Игнатьевич Лукин	
34	Вдова статского советника Якова Яковлевича Убри, Екатерина Ивановна	
35	Капитан-поручик л.-гв. Семеновского полка Григорий Григорьевич Спиридонов	
36	Действительный тайный советник и сенатор Иван Михайлович Измайлов	
37	Статский советник и лейб-хирург Иван Филиппович Бек, 52 лет	Женат на вдове надворного советника Иоанна Давыдовича Зоммера, Елене Андреевне. Дети Александр, 7 лет, и Мария 5 лет, и сын жены Григорий, 8 лет
38	Вице-полковник Александр, секунд-майор Василий и поручик Дмитрий Николаевичи Чичерины	
39	Поручик л.-гв. Преображенского полка барон фон Фредрикс	
40	Капитан л.-гв. Семеновского полка Сергей Иванович Пуговишников	
41	Полковник Ковалинский	
42	Подпоручик л.-гв. Семеновского полка Дегтярев	
43	Статс-дама и директор имп. Академии наук, княгиня Екатерина Романовна Дашкова	
44	Баронесса Екатерина Михайловна Белосельская	
45	Мария Павловна Нарышкина, урожденная Балк-Полева	Владела только дачей. В Смоленской губ. 1678 душ и 1779 дес., в Ямбургском уезде 245 душ и 251 дес., в Московской губ. 398 душ и 427 дес., Владимирском наместничестве 613 душ и 591 дес., в Рязанском наместничестве 404 душ и 426 дес., в Вологодском наместничестве 82 душ и 79 дес. Всего 3420 душ и 3553 дес.
46	Девица Елизавета Никитична Шепелева	

Господа		
47	Камер-юнкер и л.-гв. Конного полка секунд-ротмистр Иван Александрович Нарышкин	
48	Сержанты Измайловского полка Александр и Преображенского полка Петр Александровичи Нарышкины	
49	Наследники покойного статского советника Алексея Александровича Яковлева	
Владельцы дач по Царскосельской дороге		
50	Действительный статский советник и лейб-медик Карл Федорович Крузе	
51	Действительный статский советник Александр Александрович Саблуков	
52	Капитан л.-гв. Преображенского полка Сергей Михайлович Танеев	
53	Вдова генерал-майора Михаила Ивановича Мордвинова, Екатерина Ивановна	
54	Надворный советник Степан Силыч Аничков	136
55	Вдова адмирала флота Семена Ивановича Мордвинова Наталия Ивановна	
56	Вдова статского советника Швевса, Катерина Ивановна	
57	Вдова камергера Алексея Попова, Елизавета Михайловна	
58	Поручик Невского пехотного полка Баташев	
Владельцы фабрик		
59	Генерал-поручик, барон Александр Николаевич Строганов	
60	Вдова генерал-аудитора-лейтенанта Петра Николаевича Хлебникова, Ирина Яковлевна	172

Источник: Реестр, учиненный в Софийском нижнем земском суде о дворянах Софийского уезда: кто из них о фамилии своих и о прочем подали в сей суд списки и которых не подали, и кто из оных находится в отлучках в других губерниях // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 12. Л. 4-8.

Таблица 2

Список помещиков Царскосельского уезда на 1838 год

п/н	Название имения и кто владелец
1	Астафьев, Николай Александрович, чиновник 4 класса и его жен Дарья Никитична (род. 1783 г.). Имели 2-х сыновей 32 и 30 лет. Владели приобретенными имениями в деревнях Козлово, Мишкино и Калли Чернышова, в которых 145 крестьян муж. пола и 116 жен. Жили в своем имении.
2	Офросимов, Михаил Александрович, генерал-майор (род. 1797 г.). Был женат на купеческой вдове Елизавете Андреевне. Имели сына Александра, 4 лет. В имении было 32 души крестьян, купленных в 1835 г. Служил в С.-Петербурге, где состоял командиром л.-гв. Финляндского полка.
3	Бибикова, Варвара Петровна, урожденная Мятлева (род. 1817 г.). Была замужем за генерал-лейтенантом артиллерии Ильей Гавриловичем Бибиковым. Дети: Александр, 1,5 лет, Михаил, 3 мес., Елена, 5 лет, и Екатерина, 3 лет. Владела 21 крестьянином муж. пола и 23 жен.
4	Бели. Наследницы покойного коллежского советника Франца Францевича фон Беля: Мария Францевна Ванцович (род. 1802 г.) и Юлия Францевна Шенрок (род. 1799 г.), урожд. фон Бель. Муж первой был коллежским советником, а второй майором учебного Морского экипажа. Дети первой: Анна, 14 лет, Мария, 13 лет, Елизавета, 9 лет, Екатерина, 8 лет, Варвара, 5 лет. Владели 2 деревнями: Ново Сиверское с 238 муж. и 265 женщ. и Изори с 60 муж. и 62 жен. Общая площадь земли 2844 дес.
5	Буксгевден, Павел Петрович, граф. Владел мызой Новолисинской с 7 деревнями. По 8 ревизии владел 272 крестьян муж. пола. Служил прапорщиком в 12 Конноартиллерийской бригаде. Был холост.
6	Бурмейстер Адольф Христофорович, кронштадтский комендант (род. 1784 г.), был женат на Каролине Христофоровне фон Кридер (род. 1788 г.). Их дети: Александр (род. 1817 г.), Яков (род. 1823 г.), Федор (род. 1825 г.), Иван (род. 1828 г.), Мария (в замужестве Зволинская). Владел 24 крестьянами и 192 дес. земли. В Ярославской губ. владел 1659 дес. земли и 17 крепостными крестьянами.
7	Васильчиков, Илларион Илларионович, граф, л.-гв. полковник, флигель-адъютант (род. 1806 г.). По духовному завещанию владел 427 муж. и 459 жен. в одном селе и 5 деревнях. Был холост.
8	Витгенштейн, Лев Петрович, князь, полковник (род. 1799 г.). Был женат на княгине Леонеле Барятинской. Дети: Петр, 6 лет, Федор, 2 лет, и Мария, 8 лет. В отставке. Владел 6 деревнями, из которых 2 деревни Лампово (184 муж. и 203 жен.) и Большово (178 муж. и 226 жен.) были подарены генерал-фельдмаршалу князю Петру Христиановичу Витгенштейну С.-Петербургским дворянским обществом, а от него уступлены его сыну Льву Петровичу. Остальные 4 деревни были куплены: Курцовицы (176 муж. и 193 жен.), Курчино (32 муж. и 39 жен.), Лязево (26 муж. и 38 жен.) и Рыбицы (69 муж. и 79 жен.). Дворовых было 15 муж. и 11 жен. А всего 680 муж. и 789 жен. Общая площадь земли 10 019 дес.
9	Воронцов, Михаил Семенович, граф, генерал-адъютант, и его жена Елизавета Ксавьерьевна. Дети: Семен, 14 лет и Софья, 11 лет. За ним по наследству в деревне Еглине было 43 муж. и 48 жен. В уезде не жили.
10	Гайюс, Елена Яковлевна (род. 1773 г.), вдова генерал-майора Николая Афанасьевича Гайюса. Ее сыновья: Эполинонд (род. 1805 г.), служил в Гусарском принца Оранского полку майором, и Федор (1808 г. рождения) служил майором в Симбирской губ. Владела деревней Машино с 20 муж. и 25 жен. и 100 дес. земли. Жила безвыездно в Машино.
11	Ган, Вильгельмина Борисовна (род. 1788 г.), жена действительного статского советника Федора Августовича Гана. Их дети: Евгений, 30 лет, Александр, 28 лет, Константин, 17 лет, Емилия, 25 лет, Наталия, 25 лет. Имение купила у генерал-лейтенанта Шкурина (56 муж. и 51 жен.).
12	Данаурова, Мария Федоровна (род. 1774 г.), вдова действительного тайного советника Михаила Ивановича Данаурова. Ее дети: Петр, 36 лет. Иван, 32 года, Дмитрий, 26 лет, Матвей, 42 лет. Владела по 8 ревизии 639 жен. в 10 деревнях. Общая площадь земли 14 961 дес.

13	Демидов, Алексей Петрович, полковник. Был женат на дочери статского советника Дениса Матвеевича Мельникова, Марии. Дети: Петр, Екатерина и Александра. При селе Никольском в Царкосельском уезде состояли 373 муж. и 414 жен.; при деревне Менкове 92 муж. и 101 жен.; при деревне Погосте 33 муж. и 34 жен.; при деревне Кузнецкой 65 муж. и 62 жен.; при деревне Малой Обще 9 муж. и 18 жен. и при Улыбашевской Лесной Поляне 5 муж. и 3 жен. Всего 679 муж. и 712 жен. В отставке в первый раз с 1797, а во второй раз с 1809 г. Общая площадь земли 4689 дес.
14	Демидов, Петр Григорьевич, ротмистр (род. 1808 г.), женат на дочери генерал-лейтенанта Безобразова, Елизавете Николаевне. Дети: Николай, 2 лет и Екатерина, 1 год. Имение родовое при мызе Тайцах с 386 дворовыми. Находился на службе в императорской свите.
15	Евагренов, Василий Васильевич (род. 1808 г.), в отставке. Владел 13 крепостными крестьянами и 299 дес. земли, а также домом в С.-Петербурге. В имении жила его двоюродная сестра Харитина Герасимовна Евагренова, девица (род. 1793 г.).
16	Ефремова, Ольга Дмитриевна (род. 1775 г.). Вдова действительного статского советника. Детей не имела. Владела оставшимся после мужа имением с 277 муж. и 324 жен. При ней проживал брат, титулярный советник в отставке Николай Дмитриевич Каратыгин (род. 1777 г.), холост. При ней была и девица Мария Яковлевна Савельева. Всего площадь земли 1451 дес.
17	Кутайсова, Анна Петровна, графиня (род. 1760 г.), вдова обер-шталмейстера Ивана Павловича Кутайсова. Дети: Павел (обер-гофмейстер, член Государственного совета, 54 лет), Мария (в замужестве графиня Васильева, 49 лет), Надежда (в замужестве княгиня Голицына, 42 лет). Владела в Царкосельском уезде в деревне Перевоз 77 муж. и 80 жен., в Шлиссельбургском уезде в д. Воскресенской 55 муж. и 70 жен. и в д. Рожествино 37 муж. 34 жен., а всего в трех деревнях 169 муж. и 184 жен. Жила в Москве.
18	Кандалинцева, Прасковья Петровна (род. 1763 г.), вдова надворного советника Федора Никитича Кандолинца, и ее сын Николай (род. 1797 г.). В 17 деревнях при мызе Войсковцы, полученных по наследству, состояли 427 крестьян муж. и 527 жен. Муж служил в Департаменте мануфактур и внутренней торговли.
19	Квашнин-Самарин, Петр Александрович, коллежский асессор (род. 1806 г.). Служил в С.-Петербурге в Министерстве иностранных дел. Был женат на дочери генерал-лейтенанта, Наталье Сергеевне Ховен. Дети: Мария, 6 лет, и Александр, 7 лет. Имение было родовое.
20	Кожин, Петр Артамонович, генерал-майор в отставке (род. 1797 г.). Был женат на дочери статского советника Ивана Андреевича Новикова, Наталье. На 1838 г. был вдовым. Дочери: Мария, 8 лет, и Екатерина, 7 лет. Владел в уезде 131 муж. В Порховском уезде также имел имение, а за женой в Московской губ. в Коломенском уез., в с. Алешкове 330 крестьян. Всего владел 1331 крестьян.
21	Левшина, Елизавета Федоровна (род. 1815 г.). Жена действительного статского советника Алексея Ираклиевича Левшина. Владела 6 деревнями с 333 муж. и 363 жен. Жила в Одессе.
22	Мамышев, Николай Родионович, обер-берг-мейстер 7 класса (род. 1778 г.). Жена Екатерина Зиновьевна, урожд. Комарова. Дети: Всеволод, 15 лет, Вячеслав, 14 лет, Николай, 7 лет, Людмила, 13 лет, Лидия, 9 лет, Екатерина, 4 лет. По купчей владели деревней Покровка с 48 муж. Еще 14 душ крестьян имели в Новгородской губ.
23	Маврин, Семен Филиппович, тайный советник, сенатор (род. 1778 г.). Дети Александра, 13 лет, Анна, 11 лет, Варвара, 4 лет. В Царском Селе владел 4 крепостными крестьянами и несколькими сотнями десятин земли. В других губерниях имел 4 тыс. крепостных крестьян и несколько десятков десятин земли.
24	Маврина, Анна Александровна, в замужестве за сенатором Семеном Филипповичем Мавриным. Владела в деревне Мустовке 4 душами крестьян и 70 дес. земли, доставшимся ей от отца, генерала от инфантерии Александра Яковлевича Сукина. Проживали в С.-Петербурге на Миллионной ул.

25	Максимова, Анна Яковлевна, урожденная Никонова (род. 1795 г.). Была замужем за действительным статским советником и гражданским губернатором Могилевской губ. Иваном Федоровичем Максимовым. Дети: Николай, Александр, Сергей, Елена, Варвара, София, Надежда, Вера и Любовь. Сельцо Архангельское, купленное при деревне Зайцево с 49 муж. и 35 жен. Периодически жили то в имении, то в С.-Петербурге.
26	Молдавская, Екатерина Антоновна (род. 1793 г.). Замужем за коллежским советником Александром Михайловичем Молдавским, директором Государственного Заемного банка. Дети: Антон (род. 1817 г.), служил кондуктором в Адмиралтейском экипаже, Николай (род. 1819 г.), служил во 2-м Департаменте С.-Петербургской палаты гражданского суда, Михаил (род. 1822 г.), Илья (род. 1832 г.), Андрей (род. 1835 г.). Владела имением Верховье с 10 крепостными крестьянами и 734 дес. земли. За мужем в С.-Петербурге на Васильевском острове был 2-этажный дом.
27	Марков, Николай Васильевич, полковник (род. 1800 г.). Служил в Уланском его высочества великого князя Михаила Павловича полку. Владел 12 крепостными крестьянами и 126 дес. земли. Кроме того, он получил по наследству часть того же имения, после смерти брата, полковника Михаила Васильевича Маркова
28	Мордвинов, Николай Семенович, граф, адмирал (род. 1755 г.). Был членом Государственного совета и Комитета финансов. В Царскосельском уезде владел 23 душами крестьян и 388 дес. земли. В других губерниях имел 5136 крепостных крестьян и 153 559 дес. Земли.
29	Нарышкин, Эммануил Дмитриевич (род. 1813 г.). Служил корнетом в Гусарском его величества короля Гановерского полку. Был холост. Владел деревней с 18 крепостными крестьянами муж. пола и 1239 дес. земли. В других губерниях владел 17 715 крепостными крестьянами и 122 745 дес. земли.
30	Перевощикова Екатерина Максимовна (род. 1796 г.). Жена статского советника Василия Матвеевича Перевощикова. Владела деревней Куровицы с 33 крепостными крестьянами муж. пола и 40 жен. Имение было куплено у фон-Брискорн в 1831 г. Постоянно жила в С.-Петербурге.
31	Платонов, Александр Платонович (род. 1806 г.). Служил ротмистром в Гатчине в л.-гв. Кирасирском полку. Был женат на Марии Антоновне, урожденной Дерфель. Дети: Александр, 5 лет, Валериан, 1 год, Ольга, 7 лет, и Наталья, 3 лет. Имением владел по купчей.
32	Протопопов, Гавриил Антонович, надворный советник в отставке (род. 1789 г.). Был женат вторым браком на Анне Федоровне (род. 1807 г.). Дети от первого брака: Павел, 25 лет, Михаил, 23 года, Владимир, 19 лет, Николай, 17 лет, Александр, 15 лет, Иван, 13 лет, Антон, 8 лет, Виктор, 5 лет, Александра, 21 год, Ольга, 10 лет, Екатерина, 7 лет. Владел пустошью Михайлово из 197 дес. Имение без крестьян было получено по дарственной записке 19 марта 1837 г. от отца Антона Елизаровича Протопопова. Жил в С.-Петербурге.
33	Пузыревская, Амалия Карловна (род. 1876 г.). Вдова генерал-майора и кавалера Петра Александровича Пузыревского. Детей не имела. Владела мызой Петровске Амальске с деревней Борисово, в которой было 24 муж. и 24 жен. Жила большей частью в С.-Петербурге.
34	Радинг Роман Германович (род. 1793 г.), полковник. Имение без крестьян было куплено отцом Германом Ивановичем Радингом в 1826 г.
35	Раевская, Елизавета Ивановна, урожденная Логинова (род. 1798 г.). Вдова коллежского асессора. Имела дочь, Анну Михайловну, в замужестве за отставным штабс-капитаном Хитрово. Владела при мызе Изваре с деревнями Леможа, Заполье, Озертицы, Сосново и Верести 453 муж. и 454 жен. Имение осталось от покойной матери, подполковницы Анны Ивановны Логиновой.
36	Родофиникин Александр Константинович, действительный статский советник (род. 1795 г.). Служил в Министерстве иностранных дел. Был женат на дочери гоф-маклера Карла Фелейзина, Юлии. Детей не имел. Владел имениями Говаличко, Поповка, Реполлово, Старое Лисино, Сумба, Ульяновка с 177 крепостными крестьянами.

37	<p>Радыгина, Мария Григорьевна (род. 1778 г.), девица, дочь надворного советника, и ее сестра Аграфена Григорьевна Чернова (род. 1782 г.), вдова генерал-майора. У последней был сын Николай Пахомыч, 21 года.</p> <p>Первая владела после отца Григория Ефимовича Радыгина при д. Заречье имением с 40 муж. и 58 жен. Вторая владела в той же деревне 63 муж. и 60 жен. Обе проживали в имении.</p>
38	<p>Савелова, Елизавета Михайловна, дочь провиант-мейстера Михаила Венюкова. Была женой титулярного советника и помещика Можайского уезда Павла Петровича Савелова (род. 1796 г.). Дети: Николай, 11 лет, Михаил, 8 лет, Константин, 3 лет, Марья, 17 лет, Надежда, 16 лет, Анна, 13 лет, Александра, 9 лет, Елизавета, 1 год. Владели деревней Черной с 231 муж. и 234 жен. Основные владения находились в Московской и Рязанской губерниях. П.П. Савелов служил при Департаменте уделов Министерства двора, имел звание камер-юнкера и был кавалером ордена св. Георгия 4-й ст.</p>
39	<p>Самойлова, Юлия Павловна (род. 1803 г., урожд. графиня Пален), жена капитана л.-гв. Преображенского полка графа Николая Александровича Самойлова. Владела имением Славянка. 26 140 дес.</p>
40	<p>Струбинский, Иван Семенович (род. 1780 г.). Выведенный за штат титулярный советник. Был женат на дочери действительного статского советника Петра Яблонского, Елене. Сын: Владимир, 3 лет. Владел деревнями при мызе Каменке: Каменка, Петрушкино, Васильевское, Матрешкино, Курьярон, Малое Еглино и Вжатье с дворовыми людьми и крестьянами (121 муж. и 138 жен.). Жили временами до возвращения в штат на мызе Каменка, а во время службы в С.-Петербурге.</p>
41	<p>Черновы, наследники генерал-майора Пахома Кондратьевича Чернова. Первоначально имение принадлежало его жене Аграфене Григорьевне, затем сыновьям: Владимиру Пахомовичу (род. 1817 г.), штабс-капитану л.-гв. Измайловского полка, и Николаю Пахомовичу (род. 1819 г.), поручику Кирасирского принца Вильгельма Прусского полка. В имении при д. Заречье состояли 63 муж. и 60 жен. крепостных крестьян.</p>
42	<p>Шкурин, Павел Сергеевич, генерал-майор в отставке (род. 1789 г.). Был холост. Владел при д. Заречье 132 муж. и 154 жен. В основном жил в Ораниенбаумском уез.</p>

Источник: О доставлении сведений о дворянах, владеющих недвижимыми имениями по Царскосельскому уезду // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 1237. Л. 12-67; Список дворян Царскосельского уезда, имеющих 25 и менее душ на 1843 г. // Там же. Д. 1473. Л. 14-35; Статистические сведения по Царскосельскому уезду // Там же. Оп. 3. Д. 1194. Л. 28 - 38.

Таблица 3

Список дворян Царскосельского уезда,
во владении которых было менее 100 крепостных крестьян на 1861 г.

п/н	Название имени и кому принадлежало	Число крестьян	Число дворовых	Число тяглов	Надел земли (в десятинах)		
					Усадебной	Пахотной	Сенокосной
1	Новозаречьи / Ф.П. Арнингу	14	-	7	2,5	36	18
2	Турово / М.С. Борщеву	55	6	22	2,97	127	111
3	Елагино /князю М.С. Воронцову	60	-	-	2,15	43,14	7,22
4	Большое Диво / графине Олсуфьевой и Всеволжской	78	-	32	-	-	-
5	Перевоз / княгине Н.И. Голицыной	94	-	58	Не разделено с господской		
6	Машино / Гайюс	18	1	10	1,5	15	60
7	Амальинское / Заржецкому	30	4	10	2	35	-
8	Глинко / Калаговой	34	5	16	60	-	-
9	Руново / Карташевскому	13	-	7	-	-	-
10	Кобрино / Карташевской	48	-	20	-	-	-
11	Верховье / Молдавской	15	-	4	12	14	34
12	Вырица / Ракьеву	42	8	23	5	75	45
13	Кемская / Хоруженко	36	-	19	-	-	-
14	Выти / Чадовой	31	-	15	-	-	-
15	Заречье /Н.П. Чернову	26	5	14	4,5	60	40
16	Заречье/В.П.Чернову	25	4	12	4	75	30
17	Батово/баронесе Корф	41	6	17	4,9	24	42,21

Источник: Выписка из описания помещичьих имений по Царскосельскому уезду // РГИА. Ф. 1291 Оп. 33. Д. 8. Л. 426-431.

Таблица 4

Список дворян - землевладельцев Царскосельского уезда на 1899 г.

п/н	Фамилия Имя Отчество и звание землевладельца	Название имени	Количество десятин
1	Афанасьев Константин Алексеевич	Ивановское	1081
2	Балашова Екатерина Андреевна, жена действительного статского советника	Большое Еглино	136
3	Бестужева Василия Андреевича, поручика, наследники	Тарасино	400
4	Брянчанинов, генерал	Ивановская гатчинская мельница	76
5	Вакуловский-Дощинский Аркадий Аркадьевич, генерал-лейтенант	Мариновка	259
6	Веригина Елизавета Ивановна, вдова полковника	Малое Заречье	147
7	Виницкая Зинаида Семеновна, жена надворного советника	Пятая Гора	8067
8	Витгенштейн Федор Львович, светлейший князь	Дружнолесье, Вырица, Белягорка	16 658
9	Витмер Александр Николаевич, генерал-майор	Черная Речка, Еглизи	1351
10	Глинка-Маврин Николай Борисович, л.-гв. штабс-ротмистр	Леутовка	114
11	Гогель Любовь Григорьевна	Новое Лисино и дача Сонловская	2393
12	Гониг Карл Леопольдович	Поповка	67
13	Горчаков Иван Александрович, действительный статский советник	Мыза Суйда	251
14	Гумилева Анна Ивановна, жена статского советника	Поповка	182
15	Демьянович Виктор Николаевич, генерал-майор	Бугры	36
16	Депп Евгений Николаевич	Курковицы	285
17	Дервиз Павел Павлович фон, барон	Самарино	4
18	Дерфельден Христофор Платонович	Маргусы	669
19	Ивашкин Николай Владимирович	Бугры	84
20	Кайзерлинг Альфред Гугович, граф	Александровка, тоже Козловка	354
21	Карташевского Якова Григорьевича, действительного статского советника наследники	Кобрино и Руново	840
22	Корнеев Павел Сергеевич	Имение при д. Петровской и мыза в Никольское	1525
23	Крузе Федор Михайлович, фон, кандидат права, поверенный	Песчанка	12
24	Лилиенфельд-Тоаль Карл Павлович, л.-гв. поручик	Сиворицы	901
25	Любощинская Мария Антоновна, вдова действительного статского советника	Песчанка	455
26	Магнус Роман Васильевич	Дивенка	1130

27	Мазуров Роман Алексеевич, капитан 1-го ранга	Веряжка	378
28	Максутова Софья Ивановна, княгиня	Феклистово	128
29	Маркова Марфа Ивановна	Поповка	38
30	Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич, герцог	Староскворицкое	3821
31	Мордвинова, графа, наследники	Лесная дача при д. Большой Дивенке	267
32	Набокова Мария Фердинандовна, жена статс-секретаря, члена Государственного совета	Ватово	741
33	Невельский Владимир Александрович, капитан 1-го ранга	Мыза Мой Приют	200
34	Новинская Елизавета Александровна, жена штабс-капитана	Белягорка	3299
35	Парамонов Николай Матвеевич, коллежский секретарь	Тарасино	621
36	Платонов Павел Александрович, генерал-майор	Тарасино	830
	Платонова Наталия Александровна	Воханово	2693
37	Рукавишников Иван Васильевич, тайный советник	Рождество	528
38	Рукавишникова Ольга Николаевна, жена тайного советника	Выра	158
39	Рыкачев Степан Васильевич, генерал-лейтенант	Бугры	25
40	Строганов Николай Сергеевич, граф	Орлино	2131
41	Толь Юлий Петрович, барон, штабс-ротмистр	Калитино	2453
42	Урель Софья Федоровна		27
43	Ухтомская Юлия Николаевна, княгиня	Ухтомское	978
44	Феоктистова Мария Николаевна, жена надворного советника	Елизаветино	8
45	Фредерикс Владимир Борисович, барон, генерал-адъютант	Сиверское и мыза Маргусы	1200
46	Хитрово Софья Петровна, вдова тайного советника	Пустошь Гертопо	446
47	Чикин Иван Иванович, прапорщик	Участки при д. Дамищи, имение Лоси-Верх, пустошь Веряжка	1671
48	Шишкова Арсения Михайловича, статского советника наследники	При д. Вере	10
49	Юсупова Зинаида Николаевна, княгиня	Княже-Лисино	3397
50	Якимович Ольга Сергеевна	Койерово	83

Источник: Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1900 год. СПб., 1900. С. 114 – 119.

Таблица 5

Продажа мелких участков земли из имения Новое Лисино в 1909 - 1913 гг.

Год покупки	Крестьяне - покупщики	Количество купленной земли		Состав угодий с точностью до 0,25 дес.		На десятину удобной земли	
		Удобной (в дес.)	Всего (в дес.)	Покос сухо-дольный	Покос лесной	Цена (в руб.)	Оценка (в руб.)
1909	С.И. Сузи	9	9,6	-	9	75	60
1909	А. Мюллер	8,184	8,184	-	8,75	75	60
1909	П. Сузи	9	9,25	-	9	75	60
1909	С. Мюллер	9	9	-	9	75	60
1909	Я. Сузи	9	9	-	9	75	60
1909	А. Сузи	10	10	-	10	75	60
1909	И. Мюллер	9	9	-	9	75	60
1909	П. Мино	23,6	25,98	3,5	19,75	90,8	70,20
1909	И. Сузи	16,18	17,5	5,5	11,5	90,8	65
1909	П. Иганен	10	10,44	-	10	90,5	65
1909	А. Мина	9,12	9,12	1	8,5	115,7	80,60
1909	А. Мина	9,12	9,12	4	5,5	115,7	86,80
1909	П. Мина	9,12	9,12	6	3,5	110,5	95,20
1909	О. Мина	8	8	1	7	137	75
1909	А. Мина	7	7	2	5	85,7	81,40
1909	М. Мина	8	8	-	8	69	70
1909	С. Мина	8	8	-	8	69	70
1909	И. Мина	9,12	9,12	6,25	3,25	121	96,30
1909	И. Мина	10	10,11	-	10	106	65
1909	А. Нарвинен	9,12	9,12	8	1,5	110,5	103,60
1909	И. Спельман	15	22,27	1	14	100	67,30
1909	А. Репп	15	15,15	3	12	98,3	72
1909	П. Репп	15	15,17	2	13	105,6	69
1909	П. Тарасов	8	8	2	6	125	85,50
1909	И. Пекконен	8,21	9,4	1,25	7,5	140,45	71,75
1909	А. Мина	18,14	19,15	1	17,5	56,45	56,45
1909	П. Мина	9,19	10,2	2,5	7,5	64,28	64,28
1909	А. Сузи	9,96	9,14	3,25	6,25	55,43	55,43
1909	И. Мина	9,96	9,14	2,25	7	55,57	55,57
1909	А. Мина	9,96	9,14	0,75	7,5	49,82	49,82
1909	А. Спельман	9,48	9,5	-	9,25	97,93	78
1909	И. Спельман	9,4	9,4	-	9,25	98,25	78
1909	А. Спельман	9,6	9,6	-	9,25	129,72	78
1909	А. Спельман	9,6	9,6	-	9,25	129,72	78
1909	А. Спельман	9,4	9,4	-	9,25	125,4	78
1909	П. Спельман	10	10	3,5	6,5	124,5	71
1909	М. Спельман	9,21	9,21	-	9,75	124,5	78,54
1909	А. Спельман	9,21	9,2	-	9,75	87,05	78,54
1909	И. Спельман	9,19	9,2	-	9,75	85,44	68,40
1909	П. Паянен	6,11	6,16	5	1,5	122,45	68,30
1909	М. Рога	24,16	25,76	-	-	72	72
1909	И. Прокофьев	16,16	17,41	-	-	82,46	82,46
1910	А. Мина	10	10,1	1,5	8,5	60	60

1910	А. Сузи	10,3	10,12	1	9,5	61,90	61,90
1910	С. Мина	11,12	12,1	3,25	8,25	69,56	69,56
1910	И. Карну	9,12	9,2	0,25	9,25	63,25	63,15
1910	И. Тарасов	9,12	9,2	5,5	4,25	142,11	84,63
1910	С. Фриз	9,12	9,2	0,25	9,25	63,15	63,15
1910	И. Гильди	9	9,3	-	9	116,66	68
1910	И. Пичкин	10	10,19	-	10	75	75
1910	Е. Никитин	11,18	12,1	0,75	11	140,42	80,60
1910	И. Никитин	12	12,27	5,75	6,25	166,66	92,33
1910	А. Мина	8,12	8,17	2	6,5	147,05	78,70
1910	А. Мина	9,1	10	0,25	9,5	138,46	78,97
1910	А. Котов	9,18	9,2	-	9,75	138,46	78,97
1911	А. Парвинен	10	10,16	-	10	70	65
1911	И. Игонен	10	10,2	-	10	70	65
1911	И. Пичкин	10	10,84	-	10	70	72
1911	И. Буренкин	10	10,62	3	7	75	75,5
1913	А. Гильди	9,23	9,22	-	9	127,77	58
1913	Е. Спельман	12,58	12,58	9	3	158,33	75,50
1913	И. Тимак	9,2	9,2	1	7,75	94,10	71,53
1913	Ф. Спельман	7	9,2	-	7	78,57	68

Источник: Поверочная опись имения Новое Лисино Царскосельского уезда С.-Петербургской губ. 12 июня 1915 г. // РГИА. Ф. 593. Оп. 15. Д. 2256. Л. 7.

принадлежащий мне участок в селе Благовещенском, известном под названием Старая и Новая деревни, и примыкающий к черте города, заселен крестьянами, которые не имея достаточной земли под хлебопашество, извлекают способ для уплаты лежащих на них повинностей единственно отдачей на летнее время выстроенных ими удобных и довольно красивых домов в виде дач людям, кои при небольших способах существования и по близости селения к городу, переселяются туда с семейством для пользования сельским воздухом».⁴⁴ Другие покупатели рассматривали купленные участки как выгодное вложение, намереваясь использовать их под пашню или огородничество. Рост населения С.-Петербурга, следовательно, и потребления горожанами огородных культур стимулировали увеличение производства этих продуктов, которые с успехом можно было выращивать на небольших земельных участках и получать достаточный доход. Немалый доход приносила и продажа сена.

Распродавая части своих имений, большинство дворян продолжало сохранять за собой часть родовых или приобретенных

земельных владений. Часто эти сохранные части состояли из относительно небольших площадей, на которых располагались господские строения, обретавшие в дальнейшем функции загородных дач. При этом число таких владений год от года множилось как в сельской местности, так и в городской черте. К примеру, в 1883 г. в Царскосельском уезде дворян, владевших недвижимыми имениями, числилось 625 человек. Из этого числа было 127 землевладельцев, в том числе 11 обладателей заводов и 40 собственников дач с мелкими земельными участками. К указанному общему числу собственников можно отнести 142 домовладельца в Царском Селе, 145 домовладельцев в Гатчине, и 211 в Павловске.⁴⁵ Но в начале XX в. число дачников стало быстро возрастать за счет купли-продажи земельных владений в этом уезде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Список Новоладожского уезда господам благородным дворянам, кто из них при выборах присутствовать будут и кто законным причинам быть не может // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2085. Л. 9-11.

- ² Список учиненном в Софийском нижнем земском суде о господах дворянах Софийского уезда. 1791 г. // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 12. Л. 209-212.
- ³ Реестр, учиненный в Софийском нижнем земском суде о дворянах Софийского уезда: кто из них о фамилии своих и о прочем подали в сей суд списки и которых не подали, и кто из оных находится в отлучках в других губерниях // Там же. Л. 4-8.
- ⁴ Описание имения Тайцы П.Г. Демидова // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 918. Л. 4.
- ⁵ Выписка из описания помещичьих имений по Царскосельскому уезду // РГИА. Ф. 1291 Оп. 33. Д. 8. Л. 426-431.
- ⁶ О переменах в поземельном владении и во владельцах С.-Петербургской губернии. // РГИА. Ф. 1350. Оп. 306. Д. 26. Л. 2 об.
- ⁷ Ведомость петербургского землемера о последовавших переменах в земляных владениях и владельцах по С.-Петербургской губернии в течение 1827 г. // Там же. Л. 2.
- ⁸ Список имений, перешедших к другим собственникам в Царскосельском уезде // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 1008. Л. 59-60.
- ⁹ *Островский М.М.* Помещичье хозяйство Петербургской губернии в конце XIX - начале XX в. (по материалам земской статистики и Государственного Дворянского земельного банка). Дис. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Ленинград, 1980 г. С. 30.
- ¹⁰ *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 440.
- ¹¹ Копия журнала С.-Петербургского отделения Государственного Дворянского земельного банка. 9 июля 1891 г. // РГИА. Ф. 593. Оп. 15. Д. 2230. Л. 42-44.
- ¹² Поверочная опись имения Пятая Гора. 19 сентября 1893 г. // РГИА. Ф. 593. Оп. 15. Д. 2232. Л. 16.
- ¹³ Там же. Л. 19.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 22.
- ¹⁶ Список арендаторов эстонцев в имении Пятая Гора // Там же. Л. 24-25.
- ¹⁷ Отношение директора торгового отдела Государственного Дворянского земельного банка к управляющему С.-Петербургским отделением Государственного Дворянского земельного банка от 7 марта 1905 г. // Там же. Д. 2233. Л. 104.
- ¹⁸ Отношение директора торгового отдела Государственного Дворянского земельного банка к управляющему С.-Петербургским отделением ГДЗБ от 7 марта 1905 г. // Там же. Д. 2233. Л. 104.
- ¹⁹ Заключение торгового отдела Государственного Дворянского земельного банка // Там же. Л. 181.
- ²⁰ Талон справка отчуждения имений в полном составе // Там же. Д. 2222. Л. 9.
- ²¹ Талон справка отчуждения имений в полном составе // Там же. Д. 2225. Л. 30.
- ²² Поверочная опись имения «Хутор – Опыт» // Там же. Д. 2224. Л. 10 об.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Заявление А.Н. Витмера в Государственный Дворянский земельный банк. 12 мая 1886 г. // Там же. Д. 2235. Л. 1.
- ²⁵ Копия журнала С.-Петербургского отделения Государственного Дворянского земельного банка. 14 июля 1886 г. // Там же. Д. 2234. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Л. 5.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ Там же. Л. 7.
- ²⁹ Талон справка, приобщаемый к делу. Отчуждение имения в полном составе // Там же. Л. 62.
- ³⁰ Заключение члена-оценщика А. Вернандера по произведенной им специальной оценки имения Еглизи генерал-майора А.Н. Витмера // Там же. Д. 2235. Л. 35.
- ³¹ Копия журнала С.-Петербургского отделения Государственного Дворянского земельного банка. 11 августа 1909 г. // Там же. Д. 2239. Л. 4.
- ³² Там же.
- ³³ Оценочная опись имения Новое Лисино. 7 сентября 1905 г. // Там же. Д. 2255. Л. 5.
- ³⁴ Поверочная опись имения Новое Лисино. 10 октября 1905 г. // Там же. Л. 37.
- ³⁵ Краткий статистический очерк крестьянского землевладения и промыслов в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1907. С. 126.
- ³⁶ Поверочная опись имения Новое Лисино. 10 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 593. Оп. 15. Д. 2255. Л. 37 об.
- ³⁷ Там же. Л. 38.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Л. 40.
- ⁴⁰ Описание имения Новое Лисино // Там же. Л. 49.
- ⁴¹ Описание имения Новое Лисино // Там же. Д. 2256. Л. 13.
- ⁴² *Островский М.М.* Указ. соч. С. 66.
- ⁴³ Там же. С. 67.
- ⁴⁴ Л. Сабир – Д. П. Волконскому. ЦГИА СПб. Ф. 192. Оп. 1. Д. 535. Л. 6.
- ⁴⁵ Списки дворян, владеющих недвижимостью в Царскосельском уезде на 1883 г. // ЦГИА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 176. Л. 2-38.

**NOBILITY LAND OWNERSHIP AND LAND USE
IN THE TSARSKOYE SELO DISTRICT OF THE ST. PETERSBURG PROVINCE
IN THE LATE 18th - THE EARLY 20th CENTURY**

© 2022 V.V. Morozan

St. Petersburg State University

The article deals with the evolution of nobility land ownership in the Tsarskoye Selo district from the late 18th to the early 20th century. The author pays special attention to the land use and economic activities of the landlords of the district. On the example of some noble estates, the author examines both the methods of land exploitation by the nobles and the ways of selling individual plots of land on the land market. He argues that the ways of farming were basically typical of most of the estates in this district, and the ways of selling land were also similar. Although the author has refrained from evaluating the reasons why the nobles sold their lands, it seems quite likely that the main reason was their inability to efficiently manage the economy. The economic data provided in the article prove that the agriculture of the St. Petersburg province in the late 18th – the early 20th century experienced major changes associated with a change in the composition of landowners. It is obvious that the process of ousting the nobles from this sector of the economy had assumed an irreversible character.

Keywords: nobility, land ownership, land use, St. Petersburg province, agricultural market of the 18th – 19th centuries.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-18-43

УДК 94(470+571)1918/1920

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ В ВОЙСКАХ СОВЕТСКОГО ВОСТОЧНОГО ФРОНТА (1918 – 1919 ГГ.)

© 2022 Г.М. Ипполитов

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Статья поступила в редакцию 18.03.2022

В период братоубийственной Гражданской войны в России, во фронтовой стадии ее протекания (1918-1920 гг.) зародился, окреп и утвердился военно-исторический феномен политической работы в Красной армии. Одним из его основных направлений стала организационно-партийная работа. Она включала в себя вопросы внутривнутрипартийной жизни, организационного строения политических органов и организаций Российской коммунистической партии (большевиков) [РКП (б)] в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), способы, формы и методы партийной работы в соединениях и частях, вопросы повышения ее действенности и эффективности, руководства ею, а также вопросы подбора и расстановки кадров политического состава Красной армии. В настоящей статье автор представил обзор истории организационно-партийной работы в войсках советского Восточного фронта в 1918-1919 гг., раскрыл сущность, содержание организационно-партийной работы в войсках советского Восточного фронта, формы и методы ее проведения. Статья представляет собой фрагмент будущей монографии, над которой автор завершает работу.

Ключевые слова: Красная армия, советский Восточный фронт, политическая работа, организационно-партийная работа, политические органы, партийные организации, коммунисты, политработники.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-44-54

Будущий историк с изумлением отметит, что, стараясь предусмотреть шансы победы, ответственные лица иной раз считали более тщательно количество имеющихся налицо коммунистов, чем количество пушек и пулеметов.

Из отчета о деятельности Политического управления Реввоенсовета Республики¹

В огне братоубийственной российской Гражданской войны, во фронтовой стадии ее протекания (1918-1920 гг.), родился и окреп уникальный военно-исторический феномен – политическая (партийно-политическая) работа в Красной армии (РККА)². Он в конечном итоге существовал и успешно функционировал на протяжении всей

истории Вооруженных сил Советского государства. Его сущность и содержание сводились, судя по анализу источников и литературы, к следующему – идеологическая и организаторская деятельность военных советов, командиров, политических органов, партийных организаций Советской армии и Военно-морского флота (СА и ВМФ). Причем, что представляется исключительно принципиальным подчеркнуть, политическая (партийно-политическая работа) являлась составной частью руководства Коммунистической партией Советского Союза

*Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Самарского научного центра Российской академии наук.
E-mail: ipro1953@yandex.ru*

(КПСС) Вооруженными силами СССР (ВС СССР)⁵.

Ясно, что политическая работа была многоаспектной и велась по различным направлениям. Одним из таковых в период братоубийственной Гражданской войны в России стала организационно-партийная работа в РККА. Данное направление являлось сложным и многоаспектным, в первую очередь по содержанию. Ведь оно включало в себя, судя по анализу источников и литературы: *во-первых*, вопросы внутрипартийной жизни; *во-вторых*, организационного строения политических органов и организаций РКП (б) в РККА; *в-третьих*, способы, формы и методы партийной работы в соединениях и частях; *в-четвертых*, вопросы повышения действенности организационно-партийной работы и эффективности руководства ею; *в-пятых*, вопросы подбора и расстановки кадров политического состава Красной армии⁴.

Данные аспекты организационно-партийной работы в войсках советского Восточного фронта⁵ и будут освещены в статье.

Автор всемерно опирался на историографические наработки предшественников, обеспечивая к ним бережное, корректное и критическое отношение⁶. В основу источниковой базы этого краткого исторического обзора легла в первую очередь делопроизводственная документация, извлеченная для анализа из фондов федеральных архивных учреждений.

Исследование рассматриваемой проблемы позволяет заключить: Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков) [ЦК РКП (б)] в первую очередь, а также и высшие органы военного управления Советского государства уделяли повышенное внимание проблеме развертывания и совершенствования организационно-партийной работы в РККА, в том числе и войсках советского Восточного фронта. Наглядное подтверждение тому – факт создания сети политических органов в РККА. Они, в плане их функционирования, стали носить двойственный характер:

с одной стороны – руководящие партийные органы РКП (б) в Красной армии объединяли всех армейских коммунистов; с другой стороны – в военно-административном отношении подчинялись соответствующему армейскому командованию⁷. Именно на политические органы возложили всю полноту единоличной ответственности за состояние организационно-партийной работы.

Между тем вначале, даже в частях, ведущих боевые действия, партийной работой пытались руководить местные партийные организации. Так, в августе 1918 г. Уральский областной комитет РКП (б) по согласованию с Военным советом III армии взял на себя все руководство партийно-политической работой в войсках⁸. Партийные организации прибывших на фронт частей спешили немедленно связаться с местным партийным комитетом, получить от него указания директивного плана. Например, партийные организации 11 Петроградской дивизии, прибыв в сентябре 1918 г. на Восточный фронт, немедленно установили связь с Казанским комитетом РКП (б)⁹.

Практика, позволявшая местным партийным организациям руководить партийными ячейками частей и соединений, вступила в противоречие с одним из краеугольных принципов в системе партийно-политической работы в РККА – жесткой ее централизацией. Кроме того, нельзя не отметить, что руководство партийными частями и соединений со стороны местных партийных комитетов не отличалось конкретностью. Неудивительно: местные партийные организации не могли четко представлять задачи, решаемые частями, ведущими боевые действия. Они не могли быстро сориентироваться в изменениях оперативно-тактической, а уж тем более оперативно-стратегической обстановки. Это означает, что местные партийные комитеты не могли выдвинуть перед армейскими организациями задачи, требующие оперативного разрешения. Следовательно, возникла необходимость поиска новых организационных форм.

И они появились. В июле 1918 г. 4 армия Восточного фронта на партийной конференции членов РКП (б) избрала «Центральный Комитет Российской Коммунистической партии 4 армии». 13 августа он получил письмо из ЦК РКП (б), в котором содержалась рекомендация решительной борьбы со всеми недостатками в войсках. Здесь же излагались советы о том, как создать организационную структуру «Центрального Комитета Российской Коммунистической партии 4 армии»¹⁰.

Летом 1918 г. был создан «Центральный комитет партии коммунистов 5 армии». Он принял свою Инструкцию, в которой нормативно закрепил за собой статус высшей партийной инстанции для всех структур данного оперативно-тактического объединения РККА, компетентной решать все вопросы партийной жизни¹¹.

В I армии также появился свой партийный комитет. На армейской партийной конференции (сентябрь 1918 г.) он принял уже не Инструкцию (как в IV-й и V-й армиях), а «Устав Российской Коммунистической партии (большевиков) 1-й армии». В нем было зафиксировано, что всей партийной работой в войсковых частях руководит армейский партийный комитет, избираемый каждые три месяца. В Уставе также закрепили положение о том, что армейский партийный комитет: *во-первых*, утверждает вновь образовавшиеся ячейки в армии; *во-вторых*, контролирует и направляет работу отдельных членов партии; *в-третьих*, принимает «ответственные шаги и меры, обеспечивающие победу в борьбе с контрреволюцией»¹².

Создавались и дивизионные партийные комитеты. Согласно «Уставу Российской Коммунистической партии (большевиков) 1-й армии» при каждой дивизии организовывался дивизионный комитет, подчинявшийся в работе армейскому партийному комитету. Дивизионные партийные комитеты избирались съездами представителей полковых и батареинных ячеек, находившихся в пределах дивизии, и обязаны были

контролировать и направлять партийную работу в соединении, организовывать новые партийные ячейки, объединять деятельность существующих¹³. В итоге на Восточном фронте они возникли в 1918 г., судя по сведениям Всероссийского бюро военных комиссаров (Всебюровоенком), почти в каждой дивизии¹⁴.

Казалось, была сформирована организационная структура, соответствующая ситуации. Но здесь возникли трудности в руководстве такими партийными комитетами РКП (б). Так, в одном из отчетов Высшей военной инспекции, принимавшей участие в строительстве партийно-политического аппарата в РККА, отмечалось, что партийные коллективы фронтовых частей предоставлены сами себе, «часто не получают руководящих указаний, инструкций»¹⁵. С разрастанием войск, участвующих в боевых действиях, взаимодействие партийных организаций затруднялось еще больше. Это хорошо заметил член Реввоенсовета (РВС) II армии С.И. Гусев. Он писал, что «полковые комитеты вырвались из рук армейского комитета, связь с ними стала неправильной и случайной, руководство их работой свелось к нулю»¹⁶. Эта ситуация вела к осознанию, что организациями РКП(б) в войсках должны руководить политические отделы. Так, заведующий политотделом IV армии П. Войтек, сообщая о своем опыте, писал, что должна существовать одна организация, «ведущая как политическую, так и партийную работу, эта организация – Политотдел армии». Армейский комитет РКП (б) должен был, по предложению П. Войтека, слиться с политотделом армии. С партийными ячейками полков «Политотдел армии связывается через Политотдел дивизии»¹⁷. Видимо, подобную позицию можно расценивать как реализацию установок ЦК РКП (б) на централизацию партийно-политической работы в Красной армии и повышение роли политорганов как руководящих партийных органов.

Именно на Восточном фронте политорганы стали впервые предметно руководить организациями РКП (б) в красных войсках.

Важная веха в утверждении прерогативы политорганов по руководству организациями РКП (б) – совещание представителей политотделов Восточного фронта, созданное 23 октября 1918 г. в Симбирске. Подавляющее большинство участников совещания высказались за предоставление политотделам прав партийного органа и сосредоточение в их руках всей партийно-политической работы, за ликвидацию армейских и дивизионных партийных комитетов организаций РКП (б). Совещание установило, что параллельное существование партийных комитетов и политотделов, сплошь состоявших из коммунистов, представляется ненужным осложнением. «Существующие партийные комитеты должны слиться с политическими отделами, и члены их ведут работу в политических отделах»¹⁸. Совещание представителей политотделов Восточного фронта в Симбирске разработало Положение о политотделах как руководящих партийных органах в армии, о задачах и направлениях их деятельности¹⁹.

В начале января 1919 г. ЦК РКП (б) подтвердил, что политотделы являются партийными органами²⁰.

Важно и то, что реввоенсоветы фронтов стали уделять повышенное внимание оттачиванию стиля работы первичных политорганов. Сотрудников политотдела дивизий обязали следить за правильной организацией коммунистических ячеек, работой культурно-просветительных комиссий в частях, регулированием отношений между военнослужащими и местным населением и т. д.²¹

При этом необходимо подчеркнуть, что на Восточном фронте искали неординарные пути в деле совершенствования организационной структуры политорганов. Документальное свидетельство тому – протокол заседания Центрального Бюро коммунистических организаций народностей Востока от 20 июня 1919 г., отложившийся в РГВА (фонд Политического Управления РККА). Из него явствует, что создавались мусульманские подотделы при Политотделах армий Восточного фронта. В протоко-

ле зафиксировано буквально следующее: «Принимая во внимание, с одной стороны, большой процент красноармейцев-мусульман на Восточном фронте (число коих в отдельных армиях колеблется от 30 до 70%), требующий интенсивного развития среди них политработы и концентрирования в этих целях более или менее ответственных политработников из мусульман в отдельных армиях, а с другой стороны, отсутствие указаний в штатах политотделов армий, предусматривающих случаи возможности образования национальных секций или политотделов при них, признали необходимым: возбудить перед ЦК РКП (б) вопрос о необходимости организации при политотделах действующих на Восточном фронте армий мусульманских подотделов применительно к штатам политотделов дивизий и внесения соответствующего дополнения в приказ Реввоенсовета Республики о политотделах армий»²².

Значимость организационно-партийной работы усиливалась таким обстоятельством: в РККА по ходу Гражданской войны оформилась относительно устойчивая тенденция к росту числа коммунистов. Так, если за первое полугодие 1918 г. в армию вступило более 40 тыс. коммунистов-добровольцев²³, то к весне 1919 г. только на Восточном фронте насчитывалось около 25 тыс.²⁴ Причем политическая линия ЦК РКП (б) на увеличение числа коммунистов в РККА настойчиво проводилась на протяжении всей братоубийственной Гражданской войны во фронтовой стадии ее протекания. Если в 1919 г. в рядах Красной армии воевало, по сведениям К.Е. Ворошилова, 120 тыс. коммунистов, то к 1920 г. - уже более 300 тыс. человек²⁵.

Ясно, что подобные количественные показатели вели к качественным переменам. Коммунисты оказывали позитивное партийное влияние на уровень боеспособности красных войск. Неслучайно же В.И. Ленин в одном из запросов в Реввоенсовет Республики среди вопросов о боевом состоянии армии специально выделил такой: каково в

войсках «число коммунистических ячеек»²⁶. Отметим, что в отечественной историографии 1990-х гг. эти факты неправомерно ставились под сомнение. В том числе и положительный потенциал процесса наращивания количества коммунистов в войсках Красной армии²⁷.

Каковы источники пополнения красных войск коммунистами? Это, *во-первых*, организация партийных мобилизаций коммунистов на фронт; *во-вторых*, проведение так называемой партийной недели.

Партийные мобилизации коммунистов на фронт. Они представляли собой чрезвычайную форму организационно-партийной работы РКП (б) в условиях российской Гражданской войны. Ее сущность – массовые и персональные призывы коммунистов в ряды Красной армии²⁸. Причем первую массовую партийную мобилизацию в РККА провели в связи с тяжелым положением на Восточном фронте по постановлению ЦК РКП (б), принятому в июле 1918 г. В итоге летом и осенью 1918 г. на фронт были посланы десятки тысяч членов партии, не считая пришедших в армию по общим военным мобилизациям. Например, 23 мая 1919 г. в I, III, IV и Туркестанскую армии Восточного фронта прибыло, по далеко не полным данным, около 6000 коммунистов, из них половина – в Южную группу войск²⁹.

Эти коммунисты вносили весомый вклад в политическую работу в войска. Например, еще летом 1918 г. в отчете партийного комитета IV армии ЦК РКП (б) подчеркивалось, что до приезда мобилизованных коммунистов в частях никакой политической работы не проводилось. «Когда приехал целый ряд товарищей (из центра), – говорилось в докладе, – сейчас же был образован агитационно-просветительский отдел, в некоторых частях образовались партийные ячейки»³⁰. Причем ЦК РКП (б) постепенно отказывался от чрезмерной централизации в деле распределения мобилизованных коммунистов. Если 13 июля 1918 г. В.И. Ленин телеграфировал в Наркомвоен на имя Н.И. Подвойского,

что всех партийных работников необходимо «направлять исключительно в распоряжение Революционного военного совета»³¹, то 18 мая 1920 г. ЦК РКП (б), рассмотрев вопрос о порядке назначения на должности мобилизованных коммунистов, решил, что назначения будут производиться непосредственно политорганами армий³².

Вряд ли здесь можно сомневаться и в такой оценке партийных мобилизаций, данной ЦК РКП (б) в конце 1919 г.: «Без этих мобилизаций мы не сделали бы ни шагу вперед, при огромном протяжении фронта, при постоянном приросте сил у наших противников и возрастающей помощи им со стороны иностранного империализма»³³.

Проведение так называемой партийной недели представляло собою, подобно и партийным мобилизациям, чрезвычайную форму организационно-партийной работы РКП (б) в условиях российской Гражданской войны. Ее суть – массовый прием в ряды РКП (б) рабочих и крестьян, проводившийся осенью 1919 г., в обстановке одного из самых тяжелых для Советского государства периодов фронтовой Гражданской войны. Газета «Правда» сообщала о том, что о результатах партийной недели в РККА можно судить по сведениям, которые поступают из различных отдельных армий. «В одной только армии (и не из самых больших) было записано новых членов 2789 из числа красноармейцев и командного состава. Цифры эти не являются окончательными, потому что подсчет еще не закончен. В некоторых дивизиях записалось до 1000 человек»³⁴. И на Восточном фронте налицо успехи в этом деле. Газета «Боевая правда» сообщала: за партийную неделю в III армии Восточного фронта приняли в члены РКП (б) не менее 3 тыс. новых членов³⁵.

Особенно необходимо подчеркнуть в контексте изложенного выше следующее обстоятельство: партийные мобилизации, партийная неделя позволяли в том числе восполнять и понесенные в боях потери коммунистов. А они резко снижали боеспособность войск. Например, 17 декабря 1918 г.

Н.Г. Толмачев доложил на заседании Уральского областного комитета РКП (б) о том, что боеспособность Третьей армии резко снизилась и в результате потерь, которые понесло партийное ядро. Например, полк Красных орлов в конце ноября имел около 700 членов партии, а после боев под Пермью - лишь 300. В 4-м Уральском полку из 500 членов партии осталось 130. Подобное положение было и в других подразделениях³⁶.

При этом необходимо подчеркнуть, что ЦК РКП (б) требовал бережного отношения к каждому коммунисту на фронте. На данное обстоятельство персонально указывалось Председателю РВСР Республики Л.Д. Троцкому. Отмечалось, в частности, что без внимательного отношения к работникам-коммунистам на фронте, без полной товарищеской солидарности невозможно проведение политики ЦК РКП (б) в военном деле³⁷.

Анализ источников и литературы привел нас к следующему заключению: одним из главных направлений организационно-партийной работы на Восточном фронте стало увеличение численности коммунистов и создание сети организаций РКП (б) в частях и соединениях, главным образом в первом эшелоне оперативного построения войск³⁸.

Войсковые организации РКП (б), по замыслу их создателей, были призваны стать и цементирующим ядром красных войск. Это стало практическим претворением в жизнь специального постановления ЦК РКП (б) от 29 июля 1918 г. о мероприятиях по укреплению Восточного фронта. В нем содержалась, в частности, такая директивная установка: «Во всех без исключения частях на фронте и в тылу должны быть созданы твердые партийные ячейки, с включением в них известного числа старых воспитанных работников партии»³⁹.

ЦК РКП (б) постоянно подчеркивал важность увеличения численности коммунистов и создания сети организаций РКП (б) в частях и соединениях, главным образом в первом эшелоне оперативного построения войск. Судя по делопроизводственным

документам и материалам, которые отложились в РГАСПИ (в частности, по всевозможного рода аналитическим запискам и докладом), в ЦК РКП (б) посчитали: решение задачи, указанной выше, станет всемерно способствовать «увеличению продуктивности» политической работы⁴⁰. Поэтому в тыловых частях, учреждениях, штабах предписали оставить минимальное число работников-коммунистов – не больше 50-60%⁴¹. Как следствие, в августе 1920 г. в войсках советских фронтов насчитывалось, по неполным данным, 2962 партийные ячейки, объединявшие 120 185 членов и кандидатов партии. В 12 военных округах насчитывалось 3975 ячеек, имевших в своем составе 157 858 членов и кандидатов партии⁴².

Исследование рассматриваемой проблемы показывает, что решение задачи увеличения численности коммунистов и создания сети организаций РКП (б) в частях и соединениях, главным образом в первом эшелоне оперативного построения войск, развернулось на советском Восточном фронте. Здесь постепенно оформилась тенденция к количественному росту. Так, в I и III армиях было учтено в конце 1918 г. 130 партийных ячеек, объединявших около 9 тыс. коммунистов. На I партийной конференции (начало декабря 1919 г.) учли уже около 90 ячеек с 2250 коммунистами⁴³. При этом Реввоенсовет Республики возложил в том числе обязанность следить «за правильной организацией коммунистических ячеек» на сотрудников политотдела дивизий⁴⁴.

Однако проблема создания ротных коммунистических ячеек стояла остро. В советской историографии имеются сведения, что ротные ячейки встречались редко. Возникновение их приходится на конец 1918-начало 1919 года. Они получили широкое распространение лишь после VIII съезда партии, особенно после партийной недели. Имеются данные о существовании ротных ячеек в 1-м Камышинском полку, действовавшем на ижевско-воткинском направлении, а также в полку, стоявшем

в Верхотурье⁴⁵. Неслучайно на партийной конференции III армии Восточного фронта, при участии С.И. Гусева, приняли специальную резолюцию о необходимости создания ротных ячеек⁴⁶.

Не всегда успешно решалась и проблема приема новых членов в ряды РКП (б) непосредственно в полках, бригадах, дивизиях, которые вели боевые действия. Например, в I армии даже в середине 1919 г. из общего числа коммунистов 75% были направлены по партийным мобилизациям и лишь 25% приняли в партию непосредственно в войсках армии⁴⁷. В войсках этой же армии количество зарегистрированных членов РКП (б) составляло к началу сентября 1918 года всего около 200 человек⁴⁸.

В целом значительное увеличение числа коммунистов и расширение сети партийных ячеек не всегда шло на пользу качеству. И эта констатация носит принципиальный характер. Поэтому политорганы, выполняя указания ЦК РКП (б), стали проводить перерегистрацию членов большевистской компартии в красных войсках. Ее цель – повышение качества партийных рядов. Летом 1919 г. провели первую перерегистрацию членов РКП (б) в Красной армии, в ходе которой прекратили прием новых членов. Положительные результаты были достигнуты⁴⁹.

Что характерно: в поле зрения политических органов Восточного фронта постоянно находились вопросы расстановки коммунистов на наиболее трудных участках. Для этого у них имела соответствующая нормативная основа – решение Бюро ЦК РКП (б) от 19 декабря 1918 г. Им обязали организовывать командирование ответственных партийных работников в войска в строгом соответствии с требованиями фронта. Причем в данных требованиях должно быть точно указано, «для какой именно работы требуется тот или иной товарищ»⁵⁰. И органы военного управления Советской России оказывали здесь конкретную помощь. Например, Всебюровоенком во второй половине 1918 г. отправил в войска 3452 агитатора, инструктора-организатора и других ответственных

партийных работников. Из них 40,7% были направлены на Восточный фронт так как он в то время являлся главным⁵¹.

Исследование рассматриваемой проблемы показывает, что основной формой работы организаций РКП (б) в частях и соединениях Восточного фронта стали партийные собрания. Они приносили пользу, так как проводились в гуще партийной красноармейской массы. На этих партийных собраниях принимались соответствующие решения (резолюции), которые члены партийных ячеек должны были реализовывать на практике. Другая форма здесь – партийные конференции дивизий, корпусов, армии. Причем право созыва армейских партийных конференций и совещаний предоставили начальнику политотдела армии, но только с разрешения армейского Реввоенсовета⁵². Это связано с тем, что только РВС мог оценить в полном объеме оперативнотактическую обстановку, которая складывалась в полосе ведения боевых действий армией, и, соответственно, возможность проведения столь масштабного партийного мероприятия. На такие партийные конференции делегировались коммунисты из низовых партийных ячеек⁵³. Обсуждались очень серьезные проблемы, вскрывали недостатки в боевой жизни и деятельности красных войск.

Между тем установлено, что в становлении организационно-партийной работы в войсках Восточного фронта шел поиск новых форм. Имело место (правда, редко) проведение съездов армейских коммунистов. Например, с 28 по 30 января 1919 г. в Глазове прошел первый съезд коммунистов III армии. На него прибыли 129 делегатов: работники политорганов, военные комиссары, командиры-коммунисты, рядовые красноармейцы. В повестке дня стояли вопросы о текущем моменте, о состоянии партийно-политической работы в частях, о путях строительства Красной армии, о предстоящем VIII съезде РКП (б). Делегаты военно-партийного форума подвели итоги партийно-политической деятельности.

Отмечалось, что в армии улучшилась политико-воспитательная работа, усилилась ответственность при выполнении боевых задач. Горячо говорили и о проблемах строительства Красной армии и совершенствовании структуры партийно-политического аппарата. Подчеркивали, что руководство им должен возглавлять член Военного совета, назначенный ЦК РКП. В принятых резолюциях отмечалась руководящая роль партии в деятельности войск⁵⁴.

Конечно, не все решения партийных собраний, конференций, съездов неукоснительно претворялись в жизнь в силу как объективных (сложность оперативно-стратегической, оперативно-тактической обстановки; отсутствие необходимых материально-технических ресурсов и пр.), так и субъективных причин (неорганизованность политорганов, нехватка опыта и пр.). Тем не менее есть основания для того, чтобы классифицировать практиковавшиеся формы организационно-партийной работы в качестве действенных (в основном).

Важным направлением в организационно-партийной работе являлись подбор и расстановка кадров политического состава. Здесь следовало учитывать, что Главное командование Красной армии постоянно держало в поле зрения проблему комплектования политработниками частей РККА, которые отправлялись на фронт как пополнение. Данная проблема всегда проходила по разряду приоритетных. Так, 23-25 февраля 1919 г. главнокомандующий всеми Вооруженными силами Республики И.И. Вацетис докладывал В.И. Ленину и Реввоенсовету Республики, что в Красной армии налицо «крайний недостаток политработников». Тех должностных лиц, в руках которых можно было бы сосредоточить все политическое воспитание войсковых частей, без которого «немыслима вся боевая деятельность революционных войск»⁵⁵. Как следствие, с декабря 1918 г. по 15 августа 1920 г. в Красную армию, согласно опубликованным данным, было отправлено только через Политуправление РСФСР 20 838 политработников⁵⁶.

Причем не остался здесь без внимания Центра и советский Восточный фронт. Так, в сводке Военно-политического отделения Оперода Наркомвоен приводятся следующие данные: с 21.07.1918 по 2.09.1918 г. на Восточный фронт отправили: агитаторов – 991; организаторов – 46; ответственных партийных работников – 13. Также в этой сводке отмечено, что Агитационно-Просветительный отдел Всебюровоенкома направил с 13 по 28 ноября 1918 г. еще 87 агитаторов⁵⁷.

Таким образом, политическими органами и организациями РКП (б), функционировавшими на советском Восточном фронте, проводилась соответствующая организационно-партийная работа. Конечно, не все замыслы здесь удавалось реализовывать по следующим причинам: *во-первых*, сложность стратегической и оперативно-тактической обстановки, сильная динамика их перманентного изменения; *во-вторых*, недостаток в необходимых материально-технических ресурсах; *в-третьих*, неопытность некоторых сотрудников аппаратов отдельных политических органов, особенно дивизий и бригад.

В то же время сам факт наличия и функционирования на Восточном фронте сети политорганов, организаций РКП (б), а также политработников, работавших под руководством политических отделов, свидетельствует о том, что в организационно-партийной работе имела место ее относительная эффективность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Политико-просветительная работа в Красной Армии // Исторический архив. 1959. №6. С.33.

² Спрашивается, почему употребляется два термина – политическая работа и партийно-политическая работа? Дело в том, что изначально появились термины «политическая работа», «политработа». В частности, они фигурируют в военной переписке В.И. Ленина (См., например: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.51. С.328). Отдельно фигурировал также в документах того времени [Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.157. Оп.2. Д.160. Л.99],

«политическо-просветительная работа» (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 61. Л. 49.), «культурно-просветительная работа» (РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 3. Л. 1). После окончания российской Гражданской войны утвердился термин «партийно-политическая работа». Небезынтересно, что в молодой советской историографии первой половины 1920-х годов предпринимались попытки вывода ее дефиниции. Так, Л.С. Дегтярев писал, что партийно-политическая работа в РККА в 1918 – 1920 гг. представляла собой «своеобразное сочетание внутривнутрипартийной, политико-просветительной, административно-политической и организационно-политической работы» (Дегтярев Л. С. Политработа в Красной армии. М.; Л., 1925. С. 5.). С точки зрения современного уровня накопления исторических знаний подобная дефиниция в основном охватывает сущность и содержание военно-исторического феномена «партийно-политическая работа» (в современной его трактовке). Ниже в статье термины «политическая работа», «партийно-политическая работа», «политработа» употребляются на равных основаниях. Хотя заметим, что некоторые различия (правда, несущественные) в них все-таки имеются.

³ О серьезных недостатках в работе партийных организаций и политорганов Одесского военного округа и Краснознаменного Балтийского флота по приему в партию и воспитанию молодых коммунистов: постановление ЦК КПСС 22 июня 1965 г. // КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М.: Воениздат, 1969. С. 377-378; О мерах по улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте: постановление ЦК КПСС 21 января 1967 г. // КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М.: Воениздат, 1981. С.414-417; Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР (1918-1973 гг.): исторический очерк. М.: Воениздат, 1974.394 с.; Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР: историко-теоретический очерк. М.: Воениздат, 1983. – 344 с.; Политорганы Советских Вооруженных Сил: историко-теоретический очерк. М.: Воениздат, 1984. 432 с.

⁴ Материалы 2-го Всероссийского совещания политработников Красной Армии и Флота (1920 г.) // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 8. Д. 28. Л. 18-29: VIII съезд РКП (б): стенограмма заседаний военной секции и закрытого заседания секции // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 135-191; № 10. С. 171-190; № 11. С. 144-178; Инструкции

партийным ячейкам красноармейской части и тыла. Самара: Политотдел. Упразднена Туркфронта, 1919. 15 с.; Петров Ю.П. Строительство политорганов, партийных, комсомольских организаций армии и флота. 1918-1968 гг. М.: Воениздат, 1968. 542с.; Политорганы Советских Вооруженных Сил: историко-теоретический очерк; Кольчев В.Г. Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны 1918–1920. М.: Воениздат, 1979. 407 с.

⁵ *Восточный фронт РККА* – оперативно-стратегическое объединение советских войск во время российской Гражданской войны. Сформирован 13 июня 1918 года на восточном направлении (постановлением СНК). Расформирован 15 января 1920 года [Директивы Главного командования Красной Армии (ДГКА). М.: Воениздат, 1969. С.597-598]. Армии Восточного фронта РККА (1-я; 2-я; 3-я; 4-я; Туркестанская армия; Запасная армия Республики) участвовали в боевых действиях в Среднем Поволжье, Прикамье и на Урале против Чехословацкого корпуса, Народной армии КОМУЧа, Сибирской армии, армий русского Восточного фронта адмирала А.В. Колчака. В 1919 году заняли предгорья Урала, а затем всю Сибирь. Командующие армиями фронтов: М.А. Муравьев (июнь - июль 1918), И.И. Вацетис (июль - сент. 1918), С.С. Каменев (сент. 1918- май 1919, май - июль 1919), А.А. Самойло (май 1919), П.П. Лебедев (июль 1919), М.В. Фрунзе (июль - авг. 1919), В.А. Ольдерогге (авг. 1919 - янв. 1920). [см., например: *Ненароков А.П.* Восточный фронт. 1918. М.: Наука, 1969. 280 с.; *Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.) Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974.352 с.; *Агеев А.* Контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте осенью 1918 года. // Военно-исторический журнал (ВИЖ).1982. № 3. С.66-73; *Агеев А.* Оборона войск Красной Армии на Восточном фронте весной 1919 года. // ВИЖ.1984.№ 10. С.75-81; Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – Февраль 1921 гг. : Сб. док. и материалов. Ашхабад: Ылым, 1972. 285 с.; В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918–1920). Сб. док. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. 416 с.; М. В. Фрунзе на Восточном фронте: Сб. док. Куйбышев: Кн. изд-во, 1985. – 272 с.; *Ганин А.В.* Попытка упразднения Восточного фронта летом 1918 года. Малоизвестный эпизод советского военного строительства // ВИЖ, 2016. №8. С. 14–18 и мн. др.].

⁶ *Петров Ю. П.* Строительство политорганов, партийных, комсомольских организаций

- армии и флота. 1918–1968 гг...; *Колычев В. Г.* Указ. соч.; *Капитонов А. Г.* Партийно-политическая работа в частях Красной Армии Восточного фронта в 1918 – 1919 годах // Труды Куйбышевского авиационного института. Вып.65. Куйбышев [Б/и], 1975.С.29-45; *Семыкин В.А.* Организационно-партийная работа политических органов и партийных организаций РКП (б) действующей армии в 1918–1920 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3(2). С. 451–457; *Кисилев А.С.* Партийно-политическая работа в Красной армии в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции / А.С. Кисилев, С.Д., Половецкий //Военный академический журнал.2019. №1 (21). С.51-59; *Константинов С.Н.* Деятельность Коммунистической партии по созданию и укреплению Восточного фронта в годы военной интервенции и гражданской войны. 1918-1920 гг.: Дис... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1990. – 247 с.; *Ситников В.В.* Военно-организаторская и мобилизационная деятельность органов военного управления Симбирской губернии в 1918-1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2008.299 с.; *Наумов Е.О.* Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2017. 291 с.
- ⁷ Об утверждении единой структуры политорганов Красной Армии. Приказ Революционного военного совета Республики № 117 от 22 января 1920 г. // РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 61. Л. 54–54 об.
- ⁸ РГВА. Ф. 185. Оп. 2. Д. 594. Л. 3.
- ⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 161. Л. 64.
- ¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 67. Л. 554.
- ¹¹ Там же. Ф. 185. Оп. 2. Д. 808. Л. 194.
- ¹² Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 346. Л. 126.
- ¹³ Там же. Оп. 2. Д. 346. Л. 126.
- ¹⁴ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 161. Л. 16.
- ¹⁵ Там же. Оп. 7. Д. 133. Л. 46.
- ¹⁶ Правда. 1919. 3 янв.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 21. Л. 9.
- ¹⁸ Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 346. Л. 69.
- ¹⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 161. Л. 62–63 об.
- ²⁰ Инструкция ЦК РКП (б) партийным ячейкам красноармейских частей фронта и тыла, 5 января 1919 г. // Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918- февраль 1919): документы. М.: Воениздат, 1961. С. 50.
- ²¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 61. Л. 49.
- ²² Там же. Ф.9. Оп.4. Д.94. Л.10.
- ²³ *Кузьмин Г.В.* Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. М., 1977 // Чапаев [сайт]. URL: http://chapaev.ru/books/3/Grigoriy--Kuzmin_Razgrom-interventov-i-belogvardeytsev-v-1917---1922-g/ (дата обращения: 15.03.2022).
- ²⁴ *Петров Ю.П.* Военные комиссары в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1956. С. 72.
- ²⁵ *Ворошилов К.Е.* XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота: Речь на торжественном заседании Моск. совета р.к. и к.д. с участием общественных организаций и воинских частей, посвященном XX-летию Раб.-крест. Красной армии и Военно-морского флота, 22 февр. 1938 г. М.: Гос. воен. издат., 1938. С.10.
- ²⁶ *Ленин В.И.* В Реввоенсовет Республики, не позднее 25 февраля 1919 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. пятое. Т. 50. М.: Политиздат, 1970. С.262.
- ²⁷ См., например: *Волкогонов Д.А.* Троцкий. Политический портрет: в 2 кн. Кн.1. М.: Новости, 1992. – 412 с.
- ²⁸ *Петров Ю.П.* Партийная мобилизация в Красную Армию (1918-1920 гг.). М.: Воениздат, 1956. – 188 с.; *Липицкий С.В.* Военная деятельность ЦК РКП (б) 1917-1920. М.: Политиздат, 1973. – 319 с.; *Семыкин В.А.* Формирование организационной структуры политических органов и партийных организаций РКП (б) в действующей армии в 1918-1920 гг. (некоторые аспекты проблемы) // В мире научных открытий: научный журнал. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 11(59). С. 519-532.
- ²⁹ РГВА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 43. Л. 157.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 50. Л. 58.
- ³¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6591. Л. 1.
- ³² Там же. Ф. 17. Д. 801. Л. 14.
- ³³ Известия ЦК РКП (б). 1919. № 8. 22 дек.
- ³⁴ Правда. 1919. 7 ноября.
- ³⁵ Боевая правда. 1919. 11 окт.
- ³⁶ Революция защищается: Взгляд сквозь годы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. С. 170.
- ³⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Коммунистическая партия – организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны Советской республики. Март 1917-1920. Кн. 2. (март 1918-1920). М.: Политиздат, 1964. С. 279.
- ³⁸ Эшелонирование – рассредоточение или расчленение войсковых формирований на определенно необходимой дистанции в глубину (друг

- за другом) и уступами (вправо, влево) при передвижении, расположении на месте, а также при наступлении (или атаке) на противника. *Первый эшелон* – элемент оперативного построения (боевого порядка) войск (сил), первым вступающий в сражение (бой) и предназначенный, как правило, для выполнения основных задач в операции (бою). Состав и задачи как 1-го, так и 2-го эшелона определяются в решении на операцию (бой) [см., например: *Оперативное искусство // Военная энциклопедия. Т.6. М.: Воениздат, 2002. С. 63.; Общая тактика. Учебник. 3-е изд., испр. и доп. Красноярск: СФУ, 2017. 346 с.]*
- ³⁹ Из истории Гражданской войны в СССР. 1918-1922: Сб. док. и материалов в 3 т. Т. 1. Май 1918-март 1919. М.: Советская Россия, 1960. С. 345.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.52, 113 об.
- ⁴¹ Партийно-политическая работа в Красной армии (март 1919-1920): документы. М.: Воениздат, 1964. С. 306.
- ⁴² *Петров Ю.П.* Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота...С.97.
- ⁴³ *Семыкин В.А.* Основные направления деятельности политических органов и партийных организаций РКП (б) действующей армии в период фронтовой гражданской войны в России (1918-1920 гг.): моногр. Самара: Изд-во АС-ГАРД, 2015. С.107.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 61. Л. 49.
- ⁴⁵ *Дубровский С.* Строительство партийно-политического аппарата Красной Армии (с апреля 1918 года до VIII съезда РКП (б)) // Исторический журнал. 1941. №9. Сентябрь. С.48-49.
- ⁴⁶ Правда. 1919. 12 янв.
- ⁴⁷ РГВА. Ф.157. Оп. 2.Д. 176. Л.9
- ⁴⁸ Боевой путь Первой Революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918- февраль 1921 г. (Сборник документов и материалов). Ашхабад: Ылым, 1972. С. 51.
- ⁴⁹ *Петров Ю.П.* Строительство политорганов, партийных, комсомольских организаций армии и флота...
- ⁵⁰ Из истории Гражданской войны в СССР. 1918-1922: Сб. док. и материалов...Т.1. С. 169.
- ⁵¹ РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 88-89.
- ⁵² Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 61. Л. 49.
- ⁵³ *Дубровский С.* Указ. соч. С.48-51; *Семыкин В.А.* Указ. соч.: моногр. С.109, 111.
- ⁵⁴ Революция защищается. Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1989. С. 181.
- ⁵⁵ Директивы главного командования Красной Армии (1917-1920): Сб. док. М.: Воениздат, 1969. С. 153.
- ⁵⁶ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). Т.4. М.: Воениздат, 1978. С.253- 254.
- ⁵⁷ РГВА. Ф.9. Оп.11. Д.2. Л.18 и об.

FROM THE HISTORY OF ORGANIZATIONAL PARTY WORK IN THE TROOPS OF THE SOVIET EASTERN FRONT (1918 - 1919)

© 2022 G.M. Ippolitov

Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

The military-historical phenomenon of political work in the Red Army was formed, strengthened and established itself during the period of the fratricidal Civil War in Russia, namely at its front-line stage (1918-1920). Organizational party work was one of its main directions. It included issues of internal party life, the organizational structure of the political bodies of the Russian Communist Party (Bolsheviks) [RKP(b)] in the Workers' and Peasants' Red Army (RККА), forms and methods of party work in military units, its management and tasks of increasing its effectiveness, as well as issues of the recruitment of the political officer cadres of the Red Army. The author presents to the scientific community a short review of the history of organizational and party work in the troops of the Soviet Eastern Front in 1918-1919. The aim of the article is to reveal the essence and content of organizational party work in the troops of the Soviet Eastern Front, as well as the forms and methods of its implementation. The article represents a fragment of a future monograph, on which the author is completing work.

Keywords: Red Army, Soviet Eastern Front, political work, organizational party work, political bodies, party organizations, communists, political officers.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-44-54

Georgy Ippolitov, Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Department of History and Archeology. E-mail: ippo1953@yandex.ru

МЕТОДЫ РАБОТЫ СТАХАНОВЦЕВ ТОРФЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТОК

© 2022 Е.В. Воейков

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва. Пензенский филиал

Статья поступила в редакцию 02.04.2022

В статье исследуются отдельные аспекты истории стахановского движения в торфяной промышленности СССР на примере централизованных торфяных хозяйств Главторфа и торфоразработок отдельных промышленных предприятий и трестов на территории Куйбышевской, Пензенской областей и Мордовской АССР в годы довоенных пятилеток. Наиболее подробно рассмотрены методы работы стахановцев торфяной промышленности и основные факторы, препятствующие успешной работе ударников производства.

Ключевые слова: стахановцы, торфоразработки, Главторф, гидроторф.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-55-65

Стахановское движение стало уникальным явлением в истории предвоенного СССР, отразив в себе достижения и противоречия российского общества 1930-х гг. Тема стахановцев эпохи довоенной модернизации в последние десятилетия все чаще привлекает отечественных историков. В научных работах, в частности, исследуется труд ударников производства как в различных отраслях промышленности, так и на отдельных предприятиях¹. Активно разрабатывается данная проблематика и в региональном аспекте². Помимо промышленности все чаще внимание исследователей привлекают вопросы стахановского движения на транспорте³.

В силу многогранности указанной темы в данной статье движение ударников производства рассматривается в рамках торфяной промышленности России предвоенных пятилеток и только в аспекте используемых методов повышения производительности труда. История добычи торфа слабо изучена в отечественной историографии, данная отрасль топливной индустрии ока-

залась «в тени» угольной и нефтяной, по которым имеются как отдельные статьи, так и обобщающие работы, охватывающие как длительные периоды их развития, так и отдельные регионы⁴. По истории же торфяной промышленности России есть только отдельные публикации, посвященные торфоразработкам преимущественно в Поволжье и на Урале⁵. Обобщающий научный труд, опубликованный за последние несколько десятилетий по данной теме, выполнен специалистом в области технологий торфодобычания, к сожалению, без привлечения в качестве источниковой базы архивных материалов и газетных публикаций рассматриваемой эпохи⁶, что не позволяет отнести его в полной мере к историческим работам.

Стахановское движение в торфяной промышленности в рамках данной статьи было рассмотрено на примере торфяных хозяйств Главторфа и менее крупных торфоразработок на территории Среднего Поволжья. Главторф был образован в составе Наркомата тяжелой промышленности в 1933 г. На долю Главторфа в 1935 г. приходилось 60% общесоюзной добычи данного вида топлива. Тресты Главторфа вели заготовку для крупных электростанций страны (например, Шатурский – для Ша-

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки».
E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

турской ГЭС) и других предприятий, преимущественно на территории Московской, Ивановской, Ленинградской, Калининской, Западной, Свердловской областей и Горьковского края (в границах 1935 г.). Остальные торфоразработки страны представляли собой участки по добыче торфяного топлива в составе различных наркоматов для суточных, бумажных, спичечных фабрик, стекольных, сахарных, спиртовых, химических заводов⁷.

Топливный дефицит 1930-х гг. и резко выросший интерес к торфяному топливу были связаны с общим увеличением количества промышленных предприятий, ростом городского населения, отставанием темпов роста добычи угля и нефти от выросших потребностей и неравномерным размещением основных топливных баз по территории страны. Ситуация усугублялась нестабильной работой транспорта, который не справлялся с резко выросшим объемом перевозок. Поэтому уже в первой пятилетке был взят курс на повсеместное развитие добычи местных видов топлива: дров, торфа, горючих сланцев. Именно поэтому торфяная промышленность СССР увеличила объемы добычи с 5 млн тонн в конце 1920-х гг. до 33 млн тонн в 1940 г.⁸

В Среднем Поволжье в 1928 г. была создана Средне-Волжская область, преобразованная в 1929 г. в Средне-Волжский (Куйбышевский) край. Во второй - третьей пятилетках на данной территории были образованы Мордовская АССР, Куйбышевская и Пензенская области. Облторфоуправление Мордовской автономной области (МАО) в составе Средне-Волжского края было создано осенью 1931 г.⁹ В его состав вошли Пермские, Рузаевские, Чамзинские, Чумартовские торфоразработки и участки по добыче торфа отдельных промышленных предприятий МАО. На его базе во второй пятилетке образовался Мордовский торфяной трест в составе Наркомата местной промышленности (Наркомместпром) Мордовской АССР. В 1939 г. после ликвидации торфотреста существующие торфоразработки были переданы

образованному Управлению местной топливной промышленности (Александровское, Карасное, Чамзинское) и Саранской ТЭЦ (Кендянское, Пермское, Шингаринское)¹⁰. Свои торфоразработки также были у Мордовского спиротреста и Ширингушской суконной фабрики¹¹.

Основными заготовителями торфа Куйбышевской области в конце 1930-х гг. являлись Барышское и Ульяновское районные торфоуправления (РТУ), предприятия Куйбышевского спиротреста, Мелекесский льнокомбинат, три бумажные фабрики. На территории образованной в 1939 г. Пензенской области добычу торфа в 1940 г. вели Пензенский спиротрест, Красно-Октябрьское РТУ, бумажная фабрика «Маяк Революции», Управление местной топливной промышленности, Крахмалотрест, спичечная фабрика «Победа», стеклозавод «Красный гигант».

В архивных и опубликованных отчетах Главторфа периода 1934-1940 гг. приводятся общие количественные показатели стахановцев и проценты выполнения ими планового задания за отдельные годы. Поэтому автором данного исследования были проработаны публикации корреспондентов в журнале «Торфяное дело» (с 1936 г. – «За торфяную индустрию»), в которых имеются подробности о методах работы лучших рабочих торфяных предприятий. Существенные подробности удалось обнаружить в изданной в 1935 г. популярной брошюре стахановца Николая Зезюлина с описанием своей ударной работы на торфоразработках. Для выявления стахановских приемов работы на торфоразработках Поволжья использовались архивные материалы и публикации корреспондентов местных газет.

По системе Главторфа наиболее известными стахановцами были Н.А. Зезюлин и М.А. Войкин (Шатурский трест), С.Е. Канарейкин (Орехово-Зуевский трест), Ф.С. Климанов (Калининский трест), В.К. Большаков (торфопредприятие им. Классона), И.А. Киселев (Ивановский трест). В 1934 г., еще до рекорда А. Стаханова, на предприятии

«Монетное» Уральского торфотреста бригада И.П. Бочкарева выполнила задание сезона на 195%. В 1936 г. бригада И.Е. Неверова (Шатурский трест) на элеваторной добыче добилась показателя 270% нормы¹².

В сезоне 1938 г. на Мулловском участке Ульяновского районного торфоуправления (РТУ)¹⁵ на ручной резке торфа показатели у А. Подмарева составили 172%, на Гимовском у И.В. Шевалдова – 161%; на Калининском участке резчики торфа М. Носков, В. Хорев, С. Шишков вышли на уровень 218-228%¹⁴. На участках Красно-Октябрьского РТУ¹⁵ лучшие результаты были 201% и 202%¹⁶. В Мордовской АССР в сезоне 1937 г. наивысшие результаты показали резчики торфа Александровских торфоразработок: И.П. Гришуткин – 168%, И. П. Громов – 162%¹⁷. В 1940 г. на Кендянских торфоразработках П.К. Болотов выполнил сезонное задание на 196%, П.И. Чужайкин – на 183%, на Пермисских торфоразработках В. Шалюпин и Х.Таиров – на 179% и 150%¹⁸.

Кировский историк П.А. Чемоданов выделил четыре вида стахановских методов: «1. Применение подсобной рабочей силы и углубление разделения труда; 2. «Уплотнение» рабочего дня, т.е. снижение непроизводственных затрат сил и рабочего времени; 3. Внесение изменений рационализаторского характера в ход производственного процесса; 4. Усиление физического и умственного напряжения в процессе трудовой деятельности с целью получения более высокого результата»¹⁹.

Классификация П.А. Чемоданова в целом применима и к торфяной промышленности, но с учетом специфики данной отрасли. В первую очередь «секрет» работы стахановцев Главторфа и торфоразработок Поволжья заключался в **четком распределении обязанностей, подготовке рабочего места и инструмента**.

Семен Канарейкин 18 лет работал на машинно-формовочной добыче торфа. В 1937 г. он перешел работать на большой гидроторф. Методы своей работы С. Канарейкин определил следующим образом: «Еще в колхозе,

подбирая людей к себе в бригаду, я определяю каждому место при передвижке крана и закрепляю этого товарища за этим местом. Во время передвижки крана он не стоит и не дожидается, пока ему укажут его работу, а стремглав бросается к своему участку. Вся работа по передвижке крана до мелочей распределена и предугадана заранее. Вот почему у нас на передвижку крана уходит не более 30 - 40 минут, а у других бригадиров на это дело затрачивается 3 и больше часа»²⁰.

В 1934 г. на торфоразработках «Васильевский Мох» передовая бригада на добыче машинноформовочного торфа Федора Климанова вызвала на соревнование бригаду Семена Канарейкина Ореховского торфопредприятия. В 1934 г. бригадир Ф. Климанов добился результата выполнения 200%, в 1935 г. – 204%, в 1936 г. – 223%, в 1937 г. – 238%. Приемы передовой работы были сформулированы самим бригадиром: «Самое главное – дисциплина и правильная расстановка рабочей силы в бригаде... Словом, каждый рабочий стоит на своем участке и твердо знает, что ему нужно делать. В результате этого нам удалось передвижку машины в 1936 г. с 20 мин. сократить до 10 мин. Большое значение имеет также и подбор людей в бригаде»²¹.

Более подробно Ф. Климанов раскрыл свои секреты в беседе с корреспондентом журнала «За торфяную индустрию» летом 1937 г. При распределении обязанностей бригадир поставил работать с корчевателем пней одного определенного рабочего. Еще четверо рабочих получили от бригадира постоянное место около задней тележки транспортера. По поводу поддержания дисциплины строгий бригадир Ф. Климанов признался корреспонденту: «С утра я заходил в общежитие бригады и вместе с ней выходил на работу в утреннюю смену, следя, чтобы не было прогульщиков и отстающих. Также я следил и за дисциплиной и во время работы, чтобы не допускать преждевременного ухода рабочих»²².

Стахановец Шатурских торфоразработок Михаил Войкин применял аналогичные

методы: «Уже при вербовке т. Войкин знает, кто будет работать ямщиком²⁵, кто откатчиком, кто подкладчиком. В ямщики обычно т. Войкин отбирает самых крепких физически, причем учитываются все их особенности и привычки. Если ямщику, к примеру, сподручнее работать с правой стороны элеватора, то бригадир ни за что не поставит его на левую сторону элеватора... Откатчиками Михаил Войкин ставит наиболее молодых быстрых товарищей; стильщиками назначает наиболее ловких»²⁴.

Сходные приемы применяли при перевыполнении норм и торфяники Поволжья. Али Волков работал резчиком торфа на Вителевских и Жадовских торфоразработках Барышского РТУ²⁵ с 1929 г.; до этого в 1920-е гг. был относчиком торфа. Рационально организовать свой труд и добиться перевыполнения норм ему удалось во многом за счет многолетнего опыта работы в торфяной промышленности. А. Волков в газетной заметке поделился своим секретом: «Нормы выработки выполняем в силу того, что не делаем лишних движений, не занимаемся излишними разговорами и благодаря хорошей, четкой работе относчиков»²⁶.

Резчики Репьевских торфоразработок²⁷ Никифор и Екатерина Акимовы объясняли своё перевыполнение нормы приходом на работу до начала смены и подготовкой своих инструментов («всегда в порядке и хорошо отточены»)²⁸.

Нина Воронина, ударница Жадовского участка Барышского РТУ, в своём выступлении на пленуме торфяников в феврале 1936 г. утверждала, что при заблаговременной подготовке участка работы на сушке торфа (доски, корзины) можно перевыполнять норму в два раза²⁹.

Наиболее подробные сведения сохранились в объяснительных записках к годовым отчетам Красно-Октябрьского РТУ за 1937–1938 гг. На резной добыче здесь применялись такие приемы, как заблаговременная подготовка карьеров, прикрепление рабочего к конкретному участку на срок от трех до пяти дней, «подготовка запасного

инструмента». На операциях по сушке и уборке торфяниц освободили от подноски инвентаря; наряд на работу давался бригаде накануне, чтобы не терять время утром в начале рабочего дня. В результате в 1938 г. 10 звеньев резчиков торфа показали результаты от 157% до 202%; четыре бригады на сушке торфа выполнили программу в диапазоне 142–148%³⁰.

Аналогичные приемы применялись и на Кузнецком торфопредприятии Пензенского управления местной топливной промышленности в 1940 г. В объяснительной записке к годовому отчету указывалось: «Перевыполнение норм объясняется следующим: уплотнение рабочего дня, правильная расстановка бригад, своевременное указание рабочего места, своевременное приготовление инструмента»³¹.

Интересные подробности об индивидуальном подходе к членам бригады сохранились в рассказе корреспонденту журнала «За торфяную индустрию» известного стахановца Ореховского торфопредприятия: «К каждому товарищу нужен свой подход, продолжает рассказывать Семен Канарейкин. Вот, примерно, взять брандспойщика Моисеева. Шесть лет он работает у меня старшим смены. Когда я начинаю кричать на него – ничего толкового не получается. Моисеев теряет-ся, все валится у него из рук. Если же с лаской к нему подойти, спокойно рассказать и объяснить, что нужно делать, – парня прямо не узнать. Он начинает работать с удесятеренной энергией, заражая своим энтузиазмом и других товарищей. К другим, например, нужно подходить строго. Иначе парень развинтится, станет работать не так хорошо. Я учитываю способности и характер каждого из 27 членов моей бригады»³².

Еще одним методом стахановской работы в торфяной промышленности стало **рациональное использование инструментов и механизмов**.

Николай Зезюлин на Шатурских торфоразработках Московской области разработал свою систему рытья канав и выбирания пня из канав. Сам он так вспоминал об этом:

«Всю ночь насаживали мы на деревянные лопатки железные наконечники. Этот прием мы давно знали, только у нас он был не в почете. Провозились мы с этими лопатами до утра... Вернулись мы к вечеру. Мое звено выкопало 111 кубометров, иначе говоря, 311 процентов дневной добычи. Рекорд поставили»³⁵.

Определенные хитрости у бригады стахановца Н. Зезюлина имелись и для работы топором: «Важно также знать, как подрубать пень. Если корень рубить посередине, поставив лезвие топора поперек корня, то ничего не выйдет. Рубить надо как можно ближе к берегу канавы и лезвие топора держать под углом к корню. Таким способом можно отрубить с одного удара. Большое значение имеет и уход за инструментом, качество его. Топор должен иметь достаточную длину рукоятки и всегда должен быть очень острым»³⁴.

Бригадир-стахановец торфопредприятия им. Классона Василий Большаков зимой 1937–1938 гг. остался на своем производственном участке, чтобы принять участие в ремонте своего крана: «Вместе с членами своей бригады товарищами Жереховым и Шишкиным, которые также закрепились на торфопредприятии, т. Большаков начал готовить инструмент. Кто не знает, на торфопредприятии, какую роль в выполнении плана, в быстрой ликвидации аварий может сыграть болт, оправка, имеющийся под рукой ключ, топор. Все эти необходимые инструменты т. Большаков заранее и в нужном количестве заготовил, позаботившись, чтобы инструмент был хорошего качества»³⁵.

На машинной добыче в Красно-Октябрьском РТУ в сезоне 1937 г. практиковалась предварительная подготовка к передвижке машины и «строгое соблюдение рабочего места». Также в отчете упоминалось «улучшение торфяной лопаты»³⁶. Резчики Репьевских торфоразработок Средне-Волжского края Никифор и Екатерина Акимовы готовили свои инструменты всегда до начала смены.

В сезоне 1940 г. в Красно-Октябрьском РТУ «был пущен в эксплуатацию малый багер»³⁷, который сконструирован по инициа-

тиве главного механика и переоборудован исключительно собственными силами» из неработающей элеваторной установки³⁸. В архивных данных не сохранились фамилии рабочих, занятых в переоборудовании данного торфяного агрегата. Тут видится результат напряженного труда нескольких людей, очень хорошо знакомых с устройством элеваторной машины. Можно предположить, что эти мастера-практики как раз и были те самые передовики производства, ухитрявшиеся работать на старом изношенном оборудовании с превышением плановых показателей, как, например, бригада Н.П. Еськина, показавшая в сезоне 1939 г. на элеваторной установке результат выполнения плана 131%, в сезоне 1940 г. уже на вновь изготовленной багерной – 122,5%³⁹.

Еще одним приемом работы стахановцев стало **обучение малоопытных работников**. Бригадир Иван Попов на элеваторном способе добычи Ириновского торфопредприятия⁴⁰ Главторфа в мае 1937 г. обучил своим методам работы две отстающие бригады, ранее не работавшие на торфоразработках⁴¹. В результате одна из бывших отстающих бригад начала выполнять план 110–115%, вторая – до 140%.

Важно подчеркнуть, что повышенные нормы и плановые задания на многих торфоразработках выполнялись не в силу случайного стечения обстоятельств, использования примитивной физической силы отдельных работников или принудительного труда. В приведенных примерах отчетливо заметны проявления творческого мышления как руководящего звена торфяной промышленности, так и простых рабочих, находивших возможности без финансовых затрат на механизацию и кардинального изменения производственного процесса более рационально использовать рабочее время и инструменты, своевременный ремонт и улучшение качественных характеристик инструментов и оборудования.

Анализ методов работы стахановцев будет неполным без рассмотрения факторов,

препятствующих работе по превышению установленных норм.

Следует отметить, что проблемы простоев из-за **поломок механического оборудования** не обходили стороной и стахановцев торфяной промышленности. В интервью корреспонденту отраслевого журнала Н.А. Зезюлин в июне 1937 г. признавался: «В моей работе в начале сезона было много неполадок, и потребовалось личное вмешательство начальника Главторфа т. Шмидта, чтобы устранить недостатки на моем кране... За май простоев по механическим неисправностям и из-за разлива на моем кране было 127 часов». Н.А. Зезюлин отмечал по данному эпизоду, что несмотря на принятые меры «и сейчас ещё недостатков много», «за май простоев по механическим неисправностям... на моем кране было 127 часов»⁴². То есть несмотря на вмешательство руководителя Главторфа Я.П. Шмидта, полностью решить проблему наладки крана гидроторфа бригады стахановца Н.А. Зезюлина не удалось.

Проблемы с механическим оборудованием были в сезоне 1938 г. и в бригаде гидроторфа известного стахановца Семена Канарейкина на Ореховском торфопредприятии⁴³. В числе неполадок назывались следующие: «Прежде всего плохой монтаж торфонасосов аккумулятора на кране 35. В торфонасосах то и дело греются и выходят из строя подшипники; на 36 кране плохо забирает массу торфосос. Не проходит дня, чтобы не было простоя... К недобросовестному ремонту кранов надо еще прибавить полное отсутствие запасных частей»⁴⁴.

Перевыполнению норм часто мешала **плохая организация производственного процесса**. Вот отрывок из газетной заметки, написанной группой рабочих-ударников Репьевских торфоразработок в 1934 г. с характеристикой процесса работы под руководством двух разных бригадиров: «Мало добывали торфа, потому что на участке Назарова нет порядка и хорошего руководства. Придешь утром часов в шесть на участок, говоришь бригадиру: «Давай работу».

А бригадир отвечает: «Обождите». И пойдет еще с начальником участка отыскивать карьер. Пока они ходят, а время, глядишь, уж девять часов. Закрепленных за нами карьеров мы не имели. Иногда за день обходишь три – четыре места, ну и выполняешь норму на 40 -50 процентов... Сейчас работаем на участке № 2 (начальник т. Шмельков). Здесь участок такой же, а дело другое. Нас сразу закрепили за определенными карьерами, хорошо стали руководить нами, и выработка пошла вверх»⁴⁵. Данный материал особенно ценен, так как дает возможность увидеть проблемы работы ударников и стахановцев глазами самих рабочих. Как видно из приведенного отрывка, в первую очередь мешало выполнению и перевыполнению норм, по мнению самих участников производственного процесса, именно неумение руководителей правильно наладить работу на участке.

Не обходили стороной организационные проблемы и стахановцев, работающих на механическом оборудовании. Водитель формующей гусеницы Ореховского торфопредприятия Главторфа С.Ф. Корсаков в беседе с корреспондентом приводил данные: за май 1937 г. его машина добилась показателя 60 га при плане 530 га на три гусеницы. Причем эти 60 га были сделаны за пять дней. Две другие гусеницы сделали за месяц только 43 га. Большую часть времени механизмы простаивали. В частности, агрегат С.Ф. Корсакова простоял 250 часов из-за отсутствия торфа для формования кирпичей и 80 часов из-за отсутствия горючего⁴⁶.

Многочисленные **проблемы условий труда и быта** были характерны в 1930-е гг. для большинства отраслей индустрии. В торфяной промышленности СССР сезонный характер работ усиливал указанную тенденцию. Например, на совещании работников торфяной промышленности в Наркомтяжпроме 27–29 января 1938 г. электросварщик торфопредприятия Марково-Сборное⁴⁷ Главторфа пожаловался на условия работы: «В то время как жизнь рабочих рядом стоящих предприятий бьет ключом,

мы даже не получаем газет, не говоря уже о кино и других культурных развлечениях... У нас нет клуба, нет своей больницы. Бывали случаи, когда женщины рожали по дороге в больницу»⁴⁸.

В передовой статье журнала «За торфяную индустрию» в 1938 г. (то есть уже в первом году третьей пятилетки) констатировалось: «Ряд предприятий до последнего времени не уделяет должного внимания вопросам бытового обслуживания: в общежитиях грязно, неуютно, участковый персонал (главным образом коменданты поселка) груб в обращении с рабочими. Такие примеры встречаются на предприятиях Московской области, Ленинградской, Ярославской и др. Общественное питание не обслуживает всех рабочих полностью; неумение дать вкусный и дешевый обед вынуждает рабочих переходить на домашний стол. Доведение товаров, особенно промышленных, до потребителя – торфорбочего – еще не на всех предприятиях организовано»⁴⁹.

Еще более сложные бытовые условия наблюдались на торфоразработках Среднего Поволжья, где рабочие зачастую жили в бараках с протекающими крышами и без постельного белья, питались в столовых, где готовили пищу из недоброкачественных продуктов, часто не могли купить в магазинах необходимые продукты и промтовары. Например, в 1935 г. корреспондент местной газеты охарактеризовал условия на торфоразработках фабрики «Маяк Революции» следующим образом: «Стены в больших щелях, по бараку гуляет ветер, крыши протекают, от сырости на стенах появилась плесень. В помещении грязь и теснота»⁵⁰. На Шингаринских торфоразработках в 1938 г. в общежитиях отсутствовали столы, табуретки, ведра, чайники, стаканы, кружки; не функционировал медпункт, не были выписаны газеты и журналы. На Пермисских торфоразработках в столовой отсутствовали кружки, стаканы, миски, тарелки; вкус приготовленных блюд был, по отзыву побывавшего там инструктора обкома, «отвратительным». Оба торфяных хозяйства

не были обеспечены спецодеждой: рукавицами, фартуками, бахилами⁵¹.

Все перечисленное приводило к дефициту рабочей силы на торфоразработках. Также был распространен уход с работы на соседний участок или предприятие другой отрасли. В соответствии с терминологией того времени данный процесс именовался текучестью. В ситуации хронического недостатка рабочей силы на отдельных участках в ряде случаев удавалось добиться выполнения плановых заданий именно за счет рабочих-ударников. Гурьевский участок Барышского РТУ в сезоне 1934 г. с 18 июля начал выработку торфа сверх плана; успех был достигнут, по утверждению руководителя, «благодаря развернутому соцсоревнованию»⁵². Наибольшее число упоминаний о роли стахановцев в выполнении планового задания сохранилось по Мордовской АССР. Так, в частности, в объяснительной записке к годовому отчету Чамзинского предприятия за 1939 г. подчеркивалось, что перевыполнение планового задания (191,3%) было «достигнуто в основном применением стахановского метода работы, соцсоревнования и высокой производительности труда»⁵³. На Александровском предприятии в 1940 г. вместо плановых 10 тысяч тонн было добыто 12 тысяч; в объяснительной записке к годовому отчету по этому поводу имеется характерное примечание: «Перевыполнение сделано на основе соцсоревнования»⁵⁴.

Таким образом, в условиях хронического недостатка рабочей силы на торфоразработках и ее текучести стахановцы торфяной промышленности становились тем костяком, который и обеспечивал выполнение основной части плана. Движение за перевыполнение норм в регионе на ряде торфопредприятий имело массовый характер.

Например, на традиционно передовом предприятии им. Классона (Московская область) в сезоне 1940 г. в социалистическом соревновании участвовали 85,5% рабочих, из них 42% являлись стахановцами, 31,2% – ударниками⁵⁵. В целом по стране, по данным ВЦСПС на 1 января 1938 г., в торфяной

промышленности стахановцев насчитывалось 13,6% и ударников 21,9% от общего количества рабочих данной отрасли; на 1 января 1939 г. эти показатели составили 16,5% и 21,7%⁵⁶.

В сезоне 1938 г. по Барышскому РТУ ударников и стахановцев насчитывалось 321 человек; с учетом того, что к концу июня по РТУ работало 1237 рабочих, стахановцы составляли 25,9%⁵⁷. Летом 1940 г. на участках Барышского РТУ находилось 1263 рабочих, из них ударников – 419 человек (33,2%)⁵⁸. Высоких показателей добилось Красно-Октябрьское РТУ, где в 1939 г. из 1295 рабочих ударников и стахановцев насчитывалось 648 человек (50%), в 1940 г. из 1166 рабочих ударников и стахановцев было 664 (57%)⁵⁹.

Сходную точку зрения о компенсационном характере стахановского движения высказывает историк И.В. Чемоданов применительно к колхозному сектору Кировского края: «Стахановское движение в деревне... позволяло компенсировать потери, понесенные аграрным сектором в первые годы массовой коллективизации»⁶⁰.

Таким образом, основными методами работы стахановцев торфяной промышленности стали четкое распределение обязанностей в бригаде (что имело важное значение при механизированном способе добычи), рациональное использование инструментов и механизмов, обучение отстающих бригад. Главными препятствиями в организации стахановской работы являлись частый выход из строя механического оборудования, многочисленные недостатки организации производственного процесса и проблемы условий труда и быта.

К сожалению, в последние десятилетия в исторических работах наметилась тенденция к акцентированию внимания преимущественно на негативных проявлениях стахановского движения. Автор статьи солидаризируется с теми специалистами, которые отдают должное данному уникальному явлению российского социума эпохи 1930-х гг. Например, историк Оренбургской области констатирует: «Желание быть со-

причастным к строительству социалистического общества, лучшему будущему, подкрепленное соответствующими стимулами морального и экономического характера со стороны руководства страны и области, сделало стахановское движение уникальным явлением в истории»⁶¹.

Не следует забывать, что за цифровыми показателями стахановцев торфяной промышленности стоял тяжелейший труд десятков и сотен людей, сумевших за счет физического перенапряжения (нередко в ущерб здоровью), вероятно, также за счет традиционных российских творчества и смекалки, преодолеть все трудности и превзойти далеко не маленький уровень обычной нормы. Краткий перечень фамилий стахановцев, приведенных в данном исследовании, – дань памяти тем поколениям с неповторимой судьбой, пережившим рыбок модернизации довоенных пятилеток.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928-1938 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 106–107, 115–137; Зыкин И.В. «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г.–первой половине 1941 г. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2021. С. 220–231; Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. С. 128–153; Постников С.П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. С. 69–81; Чолахян В.А. Подготовка рабочих кадров в промышленности Нижнего Поволжья в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения», 2013. Т.13. Вып.3. С. 100–106.

² См., например: Воейков Е.В. Стахановцы лесозаготовок Поволжья в годы довоенной индустриализации // Известия Самарского науч-

- ного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 74–78; Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 г.: достижения, издержки, итоги. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2005. С. 196–201, 323, 433–437; Невзорова И.В. Зарождение стахановского движения в Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (32). С. 141–149; Чемоданов П.А. Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935–1941 годах (на материалах Кировской области). Киров: ИД «Герценка», 2019; Чолахян В.А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2007. С. 205–223, 275–294.
- ³ См., например: Климов И.П. Из истории стахановского движения на автотранспорте Урала в годы довоенных пятилеток // Новый исторический вестник. 2019. № 3 (61). С. 44–56; Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А. Трудовая активность железнодорожников в годы второй пятилетки. 1933–1937 (по материалам Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 1122–1127.
- ⁴ См., например: Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск: Энциклопедия, 2012; Курятников В.Н. Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30–50-е гг. XX века). Ч. 1, 2. Самара: Самарский государственный технический университет, 2008.
- ⁵ См., например: Воейков Е.В. Торфоразработки Среднего Поволжья в годы Гражданской войны и их роль в преодолении топливного кризиса 1918–1921 годов (по материалам Казанской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Том 11. № 2. С. 105–111; Родионов Н.Я. Мобилизация торфяных ресурсов Урала на нужды военного производства (1941–1945 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-1 (51). С. 168–172.
- ⁶ Копенкина Л.В. История торфяного дела в России. Тверь: Изд-во Тверского государственного технического университета, 2015. 228 с.
- ⁷ Корелин М.Н. Добыча торфа в 1935 г. и план на 1936 г. // За торфяную индустрию. 1936. № 6. С. 9–10.
- ⁸ Синуцын Н.А., Хазанов Я.Н. Развитие добычи торфа в СССР // 40 лет торфяной промышленности СССР / Под ред. А. Ф. Баусина. М.- Л.: Государственное энергетическое изд-во, 1957. С. 35.
- ⁹ Государственное казённое архивное учреждение «Центральный государственный архив Республики Мордовия» (ГКАУ ЦГАРМ). Ф. Р. 185. Оп. 1. Д. 90. Л. 15.
- ¹⁰ Рузаевка – райцентр, остальные населенные пункты расположены: Кендя – в Ичалковском районе, Киржеманы – в Чамзинском районе, Пермиси – в Большеберезниковском районе, Чумартово – в Темниковском районе, Шингарино – в Ковылкинском районе современной Республики Мордовия. Александровское хозяйство располагалось в одноименном населенном пункте южнее Ковылкино (современный райцентр), Карасное – в районе населенного пункта Пурдошки (Темниковский район).
- ¹¹ ГКАУ ЦГАРМ. Ф. Р. 1566. Оп. 1. Д. 125. Л. 43 об.
- ¹² Гзелишвили М.В. О лучших людях торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1936. № 7. С. 26; Знатные люди торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 3–5; Школьников Я.А. Знатные люди торфа // Торфяное дело. 1934. № 8. С. 3–5; Шлыков Б.Е., Школьников Я.А. Множить ряды стахановцев // За торфяную индустрию. 1937. № 10–11. С. 22–23.
- ¹³ Ульяновское РТУ осуществляло заготовки для группы текстильных фабрик Средне-Волжского края и Куйбышевской области. В конце 1930-х гг. оно состояло из Вьюнковского, Гимовского, Калининского и Мулловского участков.
- ¹⁴ Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической истории» (ГБУСО СОГАСПИ). Ф. 9391. Оп. 6. Д. 22. Л. 70 об.–71; Оп. 8. Д. 23. Л. 130.
- ¹⁵ Красно-Октябрьское РТУ было создано в 1932 г. и вело заготовку торфа для суконных фабрик «Красный Октябрь», «Коллективное творчество», «Творец рабочий» и «Мир хижинам». С 1939 г. находилось на территории Пензенской области.
- ¹⁶ Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Пензенской области» (далее – ГБУ ГАПО). Ф. Р. 2394. Оп. 1. Д. 847. Л. 4 об.
- ¹⁷ ГКАУ ЦГАРМ. Ф. П. 269. Оп. 2. Д. 740. Л. 12.
- ¹⁸ ГКАУ ЦГАРМ. Ф. Р. 662. Оп. 4. Д. 190. Л. 27, 93 об.; Стахановцы торфодобычи // Красная Мордовия. 1940. 10 августа.
- ¹⁹ Чемоданов П.А. Стахановские методы труда на предприятиях Кировского края (Киров-

- ской области) во второй половине 1930-х гг. // Общество. Наука. Инновации. Всероссийская ежегодная науч.-практ. конференция: сб. статей. Киров: Вятский государственный университет, 2017. С. 2691.
- ²⁰ Знатные люди торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 5.
- ²¹ Шлыков Б.Е., Школьников Я.А. Множить ряды стахановцев // За торфяную индустрию. 1937. № 10–11. С. 23.
- ²² Стахановцы торфяной промышленности о своей работе за май // За торфяную индустрию. 1937. № 7. С. 12.
- ²³ В данном случае ударение в слове «ямщик» ставится на первый слог, так как торфяники этой специальности работали стоя в карьере («яме»), откуда они лопатами выкидывали сырую торфяную массу на желоб элеваторной машины.
- ²⁴ Знатные люди торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 5.
- ²⁵ Барышское РТУ было образовано в мае 1931 г. в одноименном районе Средне-Волжского края. Включало Бутырские торфоразработки (заготовка топлива для суконной фабрики им. III Интернационала), Вителевские торфоразработки (для суконной фабрики им. Свердлова), Жадово-Павловские торфоразработки (для фабрики им. Ленина), впоследствии появились Гурьевский (для фабрики № 12 им. Гладышева треста грубых сукон) и Измайловский (для суконной фабрики № 11 им. Свердлова) участки // Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (ГБУСО ЦГАСО). Ф. Р. 779. Оп. 2. Д. 2221. Л. 34; Ф. Р. 2521. Оп. 10. Д. 27. Л. 32.
- ²⁶ Рассказ бригадира. Резчик Волков Али о своей работе // Общественный буксир. Барыш. 1932. 7 июля.
- ²⁷ Добычу на данном месторождении осуществлял Ульяновский городской топливный трест (гортоп).
- ²⁸ Больше заботы об условиях работы // Пролетарский путь. Ульяновск. 1934. 10 июня.
- ²⁹ ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 9391. Оп. 6. Д. 22. Л. 72.
- ³⁰ Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (ФКУ ГАРФ). Ф. А. 374. Оп. 15. Д. 1894. Л. 177; ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2394. Оп. 1. Д. 847. Л. 4 об.
- ³¹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2069. Оп. 1. Д. 7. Л. 175.
- ³² Знатные люди торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 5.
- ³³ Зезюлин Н. Моя жизнь – моя работа. М.–Л.: ОНТИ НКТП, 1935. С. 6.
- ³⁴ Зезюлин Н. Моя жизнь – моя работа. С. 8.
- ³⁵ Знатные люди торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 3–4.
- ³⁶ ФКУ ГАРФ. Ф. А. 374. Оп. 15. Д. 1894. Л. 177.
- ³⁷ Багерный способ добычи основывался на принципе соединения экскаваторного ковша с элеваторной машиной. Торф забирался из карьера ковшами и передавался в пресс торфяной машины.
- ³⁸ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2394. Оп. 1. Д. 1679. Л. 50–50 об.
- ³⁹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2394. Оп. 1. Д. 1679. Л. 52.
- ⁴⁰ Ириновское торфопредприятие входило в состав Ленинградского треста Главторфа, находилось в районе станции Рахья Октябрьской железной дороги (в настоящее время Ириновка и Рахья – населенные пункты Всеволожского района Ленинградской области) // Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив экономики» (ФКУ РГАЭ). Ф. 758. Оп. 1. Д. 802. Л. 36.
- ⁴¹ Стахановцы торфяной промышленности о своей работе за май (беседа со стахановцами, участниками актива Главторфа 5 июня 1937 г.) // За торфяную индустрию. 1937. № 7. С. 13.
- ⁴² Стахановцы торфяной промышленности о своей работе за май (беседа со стахановцами, участниками актива Главторфа 5 июня 1937 г.) // За торфяную индустрию. 1937. № 7. С. 12.
- ⁴³ Ореховское предприятие входило в Орехово-Зуевский трест Главторфа (в настоящее время Орехово-Зуево – город областного подчинения в Московской области).
- ⁴⁴ Знатные люди торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 5.
- ⁴⁵ О двух участках и двух начальниках // Пролетарский путь. Ульяновск. 1934. 10 июня.
- ⁴⁶ Стахановцы торфяной промышленности о своей работе за май (беседа со стахановцами, участниками актива Главторфа 5 июня 1937 г.) // За торфяную индустрию. 1937. № 7. С. 12.
- ⁴⁷ Марково-Сборное входило в состав Ивгосторфа (населенный пункт Марково расположен в Комсомольском районе современной Ивановской области) // ФКУ РГАЭ. Ф. 758. Оп. 1. Д. 802. Л. 36.
- ⁴⁸ Совещание работников торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 3. С. 9.
- ⁴⁹ Выше темпы добычи и сушки торфа // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 2–3.
- ⁵⁰ Сигналы с мест. Загляните в бараки Ахунских торфоразработок // Рабочая Пенза. 1935. 23 октября.
- ⁵¹ ГКАУ ЦГАРМ. Ф. П. 269. Оп. 2. Д. 740. Л. 5, 6.
- ⁵² Таиров Х. План добычи торфа выполнен до-

- срочно // Коммунист. Барыш. 1934. 18 июля.
- ⁵³ ГКАУ ЦГАРМ. Ф. Р. 662. Оп. 4. Д. 130. Л. 6 об.
- ⁵⁴ ГКАУ ЦГАРМ. Ф. Р. 721. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
- ⁵⁵ Обеспечить электростанции, фабрики и заводы высококачественным торфом // За торфяную индустрию. 1940. № 3. С. 4.
- ⁵⁶ Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Документы и материалы. М.: «Наука», 1971. С. 598; Индустриализация СССР. 1938–1941 гг. Документы и материалы. М.: «Наука», 1973. С. 366.
- ⁵⁷ ФКУ ГАРФ. Ф. А. 374. Оп. 15. Д. 2214. Л. 6 об., 7 об.
- ⁵⁸ ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р. 3859. Оп. 2. Д. 471. Л. 106 об.
- ⁵⁹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2394. Оп. 1. Д. 1233. Л. 33 об.; Д. 1679. Л. 52.
- ⁶⁰ *Чемоданов И.В.* Стахановское движение в сельском хозяйстве Кировского региона во второй половине 1930-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 10. С. 30.
- ⁶¹ *Невзорова И.В.* Зарождение стахановского движения в Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (32). С. 147.

METHODS OF WORK OF THE STAKHANOVITES OF THE PEAT INDUSTRY DURING THE SECOND AND THIRD FIVE-YEAR PLANS

© 2022 E.V. Voyeikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Penza Branch)

The author examines some aspects of the history of the Stakhanov movement in the peat industry of the USSR on the example of centralized peat farms of the Head Office of the Peat Industry (Glavtorf) and peat processing by individual industrial enterprises and trusts in the Kuibyshev, Penza regions and the Mordovian ASSR during the pre-war five-year plans. The main attention is paid to the methods of work of the Stakhanovites of the peat industry and the chief obstacles to the successful work of the shock workers.

Keywords: stakhanovites, peat processing, Glavtorf, hydraulic peat extraction.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-55-65

УДК 377.5:358.4:93

9-я ВОЕННАЯ АВИАЦИОННАЯ ШКОЛА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

© 2022 А.В. Фёдорова

Оренбургский государственный аграрный университет

Статья поступила в редакцию 04.02.2022

В статье впервые делается попытка дать краткую историю 9-й военно-авиационной школы первоначального обучения, одной из тридцати, созданных в СССР в 1941 году. Используя документальные материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, автор освещает деятельность школы с момента организации в июле 1941 года вплоть до ее расформирования в октябре 1945 года.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чкаловская (Оренбургская) область, город Бугуруслан, авиация, военно-авиационная школа первоначального обучения, курсы, подготовка польских лётчиков.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-66-72

Начавшаяся Вторая мировая война вызвала необходимость усилить подготовку и обучение авиационных кадров. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР №386 167-сс от 25 февраля 1941 года в Военно-воздушных силах Красной Армии начали организовывать школы пилотов первоначального обучения (ШППО), вводились новые учебные планы и программы. В течение 1941 года в СССР открыли 30 авиационных школ первоначального обучения.¹

В советский период к изучению подготовки пилотов на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны первыми обратились преподаватели авиационного вуза в Оренбурге. Монография «Оренбургское летное: очерк истории Оренбургского высшего военного авиационного Краснознаменного училища лётчиков имени И.С. Полбина» вышла в свет в 1976 году.²

Южно-Уральское книжное издательство в 1983 году выпустило «Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС».³ В главе VIII, посвященной Великой Отечественной войне, отмечено, что кадры

для фронта готовили «военные училища и курсы». Однако в «Очерках» отмечена только 1-я Чкаловская военно-авиационная школа пилотов.⁴ Остальные школы не названы, в том числе и авиационные.

Южно-Уральское книжное издательство в 1993 году опубликовало сборник-справочник «Урал ковал победу»,⁵ где в разделе «Военно-учебные заведения» указаны лишь 10 школ разного профиля подготовки, находившихся на территории Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны. Публикации, вышедшие к 2022 году, не ликвидировали имеющийся пробел. Несомненно, публикация сборника-справочника «Урал ковал победу» стала важным шагом в области изучения подготовки военных кадров в Чкаловской области в 1941–1945 гг. Однако в сборник не вошло значительное число военно-учебных заведений, перебазируемых на Южный Урал в начале войны, включая авиационные. Среди них – Академия командного и штурманского состава ВВС Красной Армии, Вторая Московская военная авиационная школа механиков спецслужб ВВС РККА, Полтавские военные авиационные курсы усовершенствования штурманов ВВС Красной Армии, 9-я и 10-я

Федорова Алла Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин. E-mail: publcentr@mail.ru

военные авиационные школы первоначального обучения, 11-я школа младших авиационных специалистов, 27-я учебная офицерская авиационная дивизия и др.

В монографии Р.В. Стрельца «Организация Южно-Уральского военного округа и его роль в подготовке военных кадров в годы Великой Отечественной войны» особый интерес представляет раздел, посвященный подготовке специалистов для Военно-воздушных сил Красной Армии.⁶ Однако военным авиационным школам первоначального обучения Р.В. Стрелец уделяет мало внимания.

В настоящее время в научных и краеведческих изданиях, в оренбургских архивах, музеях отсутствует информация о большинстве военных училищ, школах, курсах, учебных дивизиях, бригадах, местом дислокации которых в 1941–1945 гг. являлась Чкаловская область.

В Чкаловской (Оренбургской) области в 1941–1945 гг. дислоцировались три военные авиационные школы первоначального обучения: 6-я – в селе Чебеньки Сакмарского района, 9-я – в городе Бугуруслане и 10-я – в поселке Сорочинск.

В данной статье рассматривается история 9-й ВАШПО. В основу исследования легли документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Кроме того привлечены документальные свидетельства Оренбургского государственного архива социально-политической истории, Абдулинского городского архива и музея.

Не претендуя на полноту изложения истории авиационного военного учебного заведения, автор поставил задачу осветить наиболее важные события.

К созданию 9-й военной авиационной школы первоначального обучения приступили 22 июля 1941 года в городе Кирсанове Тамбовской области. Формирование возложили на полковника Ивана Николаевича Лебедева. Решением Военного Совета Орловского военного округа от 29 июля 1941 года за № 005422 вузу передали 18 самолетов У-2 мичуринского аэроклуба. Для школы построили полевой

аэродром и приступили к обучению полетам курсантов. Эвакуация в город Шадринск Челябинской (ныне – Курганской области) проходила с 6 ноября по 27 декабря 1941 года⁷. (Указанные сведения приводятся в деле №1 фонда 9-й ВАШПО Центрального архива Министерства обороны РФ, однако данные, вошедшие в описание фонда 60428, отличаются от использованных автором). Затем школа была перебазирована в город Бугуруслан Чкаловской (Оренбургской) области, куда поступила 16 марта 1942 года⁸.

Школу с 17 августа 1941 года по 10 октября 1945 года возглавлял полковник Николай Иванович Мирошниченко. Родился он в 1903 году. В Красной Армии – с октября 1923 года. Воевал в Средней Азии с басмачами в 1928 – 1931 гг. Заместителем по политчасти являлся подполковник Алексей Степанович Павлов. Командирами эскадрилий были назначены капитаны В.В. Иванов, А.И. Рак, С.К. Марченко. Задача наставников школы состояла в обучении курсантов пилотированию на учебном самолете и приобретении ими общих знаний по авиационной технике, теории авиации и военной подготовке. Курсанты должны были научиться пилотированию днем в простых условиях, групповым полетам в составе звена и получить практику полетов по маршруту.

Курсантов учили «наблюдать за положением самолета и корректировать его: ... следить, чтобы самолёт не опускал и не задирал нос; контролировать скорость, высоту; постоянно наблюдать за происходящим вокруг, а в военное время своевременно заметить противника. От этого зависит судьба экипажа. В больших самолетах надо еще следить за деятельностью экипажа.

...Но что бы не произошло, главная цель решений и действий летчика состоит в том, чтобы сделать все возможное для выполнения задания и сохранения жизни экипажа». Так писал известный в стране Герой Советского Союза Эндель Пусэп, обучавшийся в Оренбурге в 3-й школе летчиков и летчиков-наблюдателей им. К.Е. Ворошилова в 1929–1931 гг.⁹

Обучение проводилось на самолетах У-2, затем перешли на самолет УТ-2. У-2 разрабатывался как самолет для первоначального обучения. Он обладал прекрасными пилотажными качествами. Благодаря отличным взлетно-посадочным характеристикам он мог взлетать и садиться на площадки очень малого размера, зачастую совершенно не подготовленные. В годы войны его ласково называли и «огородник», и «кукурузник», «ночник». Такое отношение к себе снискал этот самолет потому, что безотказно трудился в войну. Немцы проклинали назойливый «рускартон» или «русфанер», причинивший им много беспокойства. Самолет У-2 создан под руководством Н.Н. Поликарпова в 1928 году. После смерти Н.Н. Поликарпова в 1944 году самолет в честь создателя переименовали в ПО-2.

Советская авиация часто употребляла для ночных бомбардировок самолет У-2 (ПО-2). Это одномоторный биплан многоцелевого назначения. Его использовали как самолет связи, как ближний разведчик, как легкий ночной бомбардировщик. Радиус действия У-2 позволял ему бомбить объекты, расположенные на расстоянии 60–80 км от переднего края обороны противника; при работе с передовых площадок радиус действия увеличивался еще на несколько десятков километров¹⁰. У-2 строился серийно на многих заводах до 1953 года, а эксплуатировался еще дольше. Всего было выпущено примерно 33000 самолетов этого типа¹¹.

Среди офицерского и сержантского состава военного учебного заведения встречались участники обороны Сталинграда, Ленинграда, Одессы¹². Начальник штаба школы майор Г.Н. Овчинников служил в Поставской военно-авиационной школе пилотов-бомбардировщиков, сформированной летом 1940 года в Поставах (Белоруссия). 24 июня 1941 года после неоднократных массированных налетов фашистской авиации Поставскую школу эвакуировали в Чкаловскую область. Некоторые офицеры 9-й ВАШПО имели высокие правительственные награды. Орденом Красной Звезды

были награждены подполковник П.И. Калмыков (3.11.1944 г.), командир эскадрильи капитан С.К. Марченко (28.02.1944 г.), командир отряда, старший лейтенант В.А. Мареев (2.08.1944 г.). Медаль «За оборону Сталинграда» получил подполковник П.И. Калмыков, медаль «За взятие Кенигсберга» – старший лейтенант В.А. Мареев. Передача боевого опыта курсантам проходила в процессе разбора конкретных ситуаций, проведения показательных занятий по различным видам боя.

В центре внимания руководства находились стажировки постоянного состава школы во фронтовых частях. В развитие приказа Наркомата обороны (НКО) от 9 июля 1942 года в апреле 1943 года командующий ВВС утвердил Положение о прохождении боевой стажировки. Фронтовую закалку офицеры 9-й школы пилотов прошли в феврале и октябре 1944 года¹³. Школа имела авиамастерские, которыми руководил старший техник лейтенант Г.Г. Бутузов.

Напряженная работа коллектива школы дала большой эффект. В 1942 году подготовили и выпустили 965 человек, выполнив 95% годового плана. При этом следует учитывать, что два месяца ушли на перебазирование и в течение двух месяцев ощущался недостаток в авиамасле. В условиях перебоев с горюче-смазочными материалами (ГСМ) командованию школы пришлось проявлять незаурядные способности для выполнения плана летной подготовки.¹⁴ С момента поступления горючего личный состав школы старался использовать малейшую возможность летать.

С марта по ноябрь 1942 года школа наряду со своей основной деятельностью сформировала и отправила на фронт 6 маршевых ближних бомбардировочных полков – 21, 374, 634, 640, 649, 987¹⁵. Так, в марте 1942 года летно-технический состав 640-го бомбардировочного авиационного полка убыл на фронт. В июле 1942 года получил наименование 640-й авиационный полк ночных бомбардировщиков. Участвовал в боях на Брянском фронте. К середине сентября 1943

года полк выполнил 3259 боевых вылетов. За время участия в Млавско-Эльбингской, Восточно-Померанской, Кенигсбергской, Берлинской стратегических наступательных операциях полк совершил более тысячи успешных боевых вылетов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1945 года 640-й бомбардировочный Млавский полк был награжден орденом Суворова III степени.

Вуз неоднократно посещали представители высшего командного состава: маршал К.Е. Ворошилов, командующие войсками Южно-Уральского военного округа генерал М.Т. Попов, генерал-полковник М.А. Рейтер, а также командующий ВВС ЮжУр ВО генерал-майор П.С. Степанов. Внимание руководителей Южно-Уральского военного округа к вопросам подготовки летных кадров воодушевляло командиров, преподавателей, инструкторов и слушателей. Росло их стремление к совершенствованию летного мастерства¹⁶.

Проблема с расквартированием курсантов вновь обострилась в 1943 году. Пришлось серьезно уплотняться. По решению ГКО в 1943 году в 9-ю авиашколу прибыло 500 фронтовиков из числа политсостава для дальнейшего обучения. Разместить курсантов в существующий «квартирный фонд» не представлялось возможным. 14 июля 1943 года суженный исполком Бугурусланского горсовета депутатов трудящихся принял решение использовать корпус, принадлежавший ранее расформированному госпиталю №3316, а в июле 1943 года занимаемый эвакуогоспиталем №4511. Данный корпус территориально находился отдельно от основных служб госпиталя¹⁷.

Аэродром, на котором проходили занятия, в зимнее время необходимо было убирать от заносов. На расчистку выходило 20 человек и подавалось 10 подвод¹⁸. Аэродромный отдел Управления ВВС Южно-Уральского военного округа обязал для обеспечения работы боевой авиации на период весенней распутицы производить на Бугурусланском аэродроме расчистку взлетно-

посадочных полос от снега до грунта размером 1200–2000 м¹⁹.

В 1943 году 9-я ВАШПО подготовила 1189 пилотов, что составило 105,2% в отношении плана Управления военными учебными заведениями ВВС Красной Армии (УВУЗ ВВС КА) и раньше срока на два месяца²⁰. За семь месяцев 1944 года школа выпустила 625 пилотов, курсанты налетали 34782 часа. Всего в 1944 году советская авиация получила из 9-й ВАШПО 1214 пилотов²¹. За этот период произошло всего 2 аварии, 6 поломок и 4 вынужденные посадки. Для сравнения: в 1943 году во 2-й Молотовской (Пермской) школе пилотов первоначального обучения ВМФ насчитывалось 62 летных происшествия, в результате которых разбилось четыре самолета У-2 и погиб один курсант²². Качество подготовки курсантов полностью отвечало требованиям и нормативам УВУЗ ВВС Красной Армии.

Отметим, что в ВВС по сравнению с 1941 годом налет на подготовку летчика увеличился в 1944 году более чем в 4 раза, а количество самолето-вылетов на обучение боевому применению возросло в 2,5 раза.

В 9-й ВАШПО прошли обучение польские военнослужащие. Численный рост 1-й Польской Армии во время Второй мировой войны заметно повысил ее потребность в офицерских кадрах и других специалистах. С этой целью с помощью советского командования значительно увеличили контингент польских слушателей и курсантов в советских военно-учебных заведениях.

Наряду с непосредственной помощью кадрами польским военным частям в годы войны были созданы польские отделы либо курсы при 27 военных училищах Красной Армии. «Список этих училищ очень длинен», – отмечает Здислав Романовский, автор статей о советско-польском военном сотрудничестве.²³

3 июня 1944 года, согласно приказу №063, в 9-ю военную авиашколу первоначального обучения зачислили солдат и офицеров Польской Армии²⁴. Задача подготовки авиационных кадров усложнялась

тем, что большинство польских курсантов не знали русского языка, не были знакомы с русской авиацией и техникой. Планировалось овладение техникой пилотирования, а затем обучение каждого боевым действиям в воздухе, а также поражению целей на земле.

Необычный энтузиазм курсантов и неустойчивый труд советских летчиков-инструкторов сделали невозможное. Они считали своим долгом как можно быстрее и лучше обучить своих польских друзей. Чрезмерная нагрузка буквально валила советских специалистов с ног.

Четыре месяца занятий были трудны еще и тем, что они велись на русском языке, которым подавляющее большинство курсантов владело плохо. И вот долгожданный час: в торжественной обстановке 23 октября 1944 года состоялся их выпуск как «окончивших обучение и направленных для дальнейшего прохождения службы»²⁵. Первые полеты с инструктором, первые трудности в воздухе, неуверенность новичка и последующий успех, когда машина становится послушной воле летчика, - все позади. Курсантов распределяли в боевые единицы. Всех восхищал быстрый успех. Этого результата достигли благодаря беспрекословной дисциплине и порядку, которые были характерны для советских военных школ.

9-я ВАШПО считалась одной из лучших в Южно-Уральском военном округе. В школе царствовал безупречный порядок, дисциплина, дружеские взаимоотношения, высокий боевой дух и сознательность.

Много сил организации учебного процесса отдавал ее начальник. Приведем характеристику, данную полковнику Н.И. Мирошниченко руководством Южно-Уральского военного округа в августе 1944 года: «Полковник Мирошниченко в должности начальника школы с августа 1941 г. Обладает большим опытом в летной работе, который умело применяет в руководстве школой, в результате чего в течение 1942 - 1943 гг. и 1944 г. школа, руководимая Мирошниченко, по всем показателям: в

учебном процессе, по дисциплине, военному порядку, организованности и выполнения выпуска пилотов среди первоначальных школ ВВС округа занимает ведущее место.

... Сам Мирошниченко является энергичным, дисциплинированным, решительным и требовательным командиром. Умело насаждает строгую воинскую дисциплину в школе и воспитывает офицерский, сержантский состав в духе уставных требований.

Вследствие умелого и твердого руководства Мирошниченко 9-я ВАШПО в течение 3-х лет среди первоначальных школ округа занимает первое место». Это строки из «Наградного листа» по случаю представления Николая Ивановича к правительственной награде.

Н.И. Мирошниченко особое внимание уделял командному, летному и техническому составу, но и предъявлял им высокие требования. Он требовал от техников исправности самолета, от пилотов – высокую степень готовности, а от командования – человеческого отношения к подчиненным. Своим личным примером и авторитетом он обязывал и других не отступать от этих правил, никому не прощал поверхностного отношения к делу.

Выпускники летной школы распределялись для прохождения службы в строевые части, лучшие выпускники оставались инструкторами в школе. В 1944 году «за высококачественную подготовку пилотов» 32 человека инструкторского и командного состава школы получили правительственные награды²⁶. Начальник 9-й ВАШПО полковник Н.И. Мирошниченко «за умелое руководство школой, за перевыполнение плана подготовки летных кадров Вооруженных Сил Красной Армии в 1942-1944 гг., за успехи в учебно-боевой подготовке школы» был представлен к высокой награде – ордену Ленина. Наградной лист подписал 31 августа 1944 года зам. командующего ВВС Южно-Уральского военного округа по вузам генерал-майор авиации Скоблик.

Николай Иванович Мирошниченко об-

ладал необыкновенным тактом, завоевал уважение и доверие подчиненных. Мирошниченко знал каждого, о каждом заботился и каждого ценил по достоинству. Прекрасный организатор, он нашел путь к сердцу молодежи так скоро и незаметно, как может сделать только человек с врожденным талантом воспитателя. Человек справедливый, он сумел создать в школе образцовый порядок, не злоупотребляя дисциплинарными взысканиями.

9-я ВАШПО по плановому заданию в 1942-1944 гг. должна была обучить 2980 специалистов. План выполнили на 112,9 %, всего выпустили 3365 человек²⁷.

Архивные источники помогают исследовать историю школы более детально. К примеру, одно из дел, с донесениями о боевом и численном составе 9-й ВАШПО, а также материалами о ее деятельности за 1942 год, включает 560 листов²⁸.

Подготовку летных кадров для Польской Армии позволяют изучить списки выпускников школы 1944 года, хранящиеся в фонде документов 9-й ВАШПО.²⁹

23 сентября 1945 года начальник 9-й военной авиационной школы пилотов первоначального обучения полковник Н.И. Мирошниченко вручил медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» офицерскому составу 9-й ВАШПО. Приведем их имена:

1. Зам. нач. школы по политчасти – подполковник Павлов Алексей Степанович
2. Начальник штаба школы – майор Овчинников Георгий Никитович
3. Ст. инженер школы – инженер-капитан Черваков Василий Алексеевич
4. Ст. нач. МГО – ст. лейтенант м/с Лескин Израиль Иосифович
5. Командир эскадрильи – капитан Иванов Владимир Владимирович
6. Командир эскадрильи – капитан Рак Александр Игнатьевич
7. Командир эскадрильи – капитан Марченко Семен Кириллович
8. Нач. отделения стр. и кадров – ст. лейтенант Киселев Ефим Иванович

9. Командир отряда – ст. лейтенант Захаров Алексей Романович

10. Начальник УЛО – подполковник Калмыков Павел Ильич

11. Начальник авиамастерских – ст. техник-лейтенант Бутузов Глеб Григорьевич

12. Начальник санслужбы – майор м/с Кириллов Иосиф Дмитриевич

13. Командир отряда – старший лейтенант Мареев Василий Андреевич

14. Командир отряда – старший лейтенант Каскевич Александр Антонович

15. Командир отряда – старший лейтенант Галушенко Игорь Павлович

16. Командир отряда – старший лейтенант Дегтяренко Анатолий Давыдович

17. Командир отряда – капитан Макейчик Леонид Андреевич

18. Зам. нач. политотдела – майор Антипенко Филимон Ерофеевич

19. Начальник штаба эскадрильи – капитан Скиба Яков Гаврилович

20. Пом. начальника УЛО – техник-лейтенант Коновальцев Михаил Яковлевич³⁰.

Таким образом, командование 9-й ВАШПО в годы Великой Отечественной войны сталкивалось с объективными трудностями и необходимостью решать одновременно множество задач организационного, бытового и материального порядка. Но в результате целенаправленной деятельности руководящего состава 9-й военной авиационной школы первоначального обучения объемы и сроки подготовки пилотов были приведены в соответствие с потребностями фронта, улучшились организация учебного процесса и материально-техническое обеспечение школы.

Преодолевая огромные трудности военного времени, только 9-я военная авиационная школа первоначального обучения, располагающаяся в гор. Бугуруслане Чкаловской (Оренбургской) области, подготовила для фронта более трех тысяч пилотов, пополнивших десятки авиационных полков. Их боевые маршруты пролегали на разных фронтах, они совершали успешные, но очень рискованные полеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО РФ). Ф.35. Оп. 11284. Д.1629. ЛЛ. 14–15.
- ² Копылов И.С., Лазукин А.Н., Райкин Г.Л. Оренбургское летное: очерк истории Оренбургского высшего военного авиационного Краснознаменного училища летчиков имени И.С. Полбина. – М.: Воениздат, 1976. 268 с.
- ³ Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1983. 416 с.
- ⁴ Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1983. С. 233.
- ⁵ Урал ковал победу. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- ⁶ Стрелец Р.В. Организация Южно-Уральского военного округа и его роль в подготовке военных кадров в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2004. С.43–49.
- ⁷ ЦАМО РФ. Ф.60428. Оп. 35982. Д.1. Л.1.
- ⁸ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д. 1. Л. 18.
- ⁹ Пусеп Э. На дальних воздушных дорогах. М.: Воениздат, 1975. С. 44.
- ¹⁰ Волков А.В. Самолеты на войне. М., Л. 1946. С. 82.
- ¹¹ Симаков В.Л., Шипилов И.Ф. Воздушный флот страны Советов. М.: Воениздат, 1958. С. 398; Самолеты победы. М.: Машиностроитель. 2005. С. 9–12.
- ¹² ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д. 54. ЛЛ. 65–66, 112–141.
- ¹³ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д. 76. Л. 70.
- ¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35985. Д.1. Л. 7.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д. 36. ЛЛ. 57–58, 60–63, 65–68.
- ¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д. 1. Л. 17.
- ¹⁷ Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф.371. Оп.7. Д.620. ЛЛ. 49–50.
- ¹⁸ ОГАСПИ. Ф.371. Оп.7. Д.619. ЛЛ. 3 об., 15.
- ¹⁹ ОГАСПИ. Ф.371. Оп.7. Д.616. Л. 57.
- ²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д.1. Л. 7 об.
- ²¹ Наградной лист полковника Н.И. Мирошниченко от 31 августа 1944 г. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=46725663&tab=navDetailManAward>
- ²² Подпратов Н.В. Подготовка пилотов морской авиации в Молотовской области в годы Великой Отечественной войны // Технологос. 2020. №3. С. 67.
- ²³ Романовский З. Братство, рожденное в боях // Братство по оружию. М.: Интерпресс, 1975. С. 80.
- ²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д. 62. ЛЛ. 111–118.
- ²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д. 68. ЛЛ. 262–270.
- ²⁶ Наградной лист полковника Н.И. Мирошниченко от 31 августа 1944 г. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=46725663&tab=navDetailManAward>
- ²⁷ Стрелец Р.В. Организация Южно-Уральского военного округа и его роль в подготовке военных кадров в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ун-та, 2004. С. 121.
- ²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д.24.
- ²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 60428. Оп. 35982. Д. 62, Д. 76. ЛЛ. 262–270.
- ³⁰ URL: http://m.vk.com/wall-176558385_1968.

9TH MILITARY AVIATION SCHOOL OF INITIAL TRAINING

© 2022 A.V. Fedorova

Orenburg State Agrarian University

The article represents a first attempt to give a brief history of the 9th Military Aviation School of initial training, one of thirty established in the USSR in 1941. On the basis of the documentary materials from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the author examines the history of the school from the moment of its organization in July 1941 until its liquidation in October 1945.

Keywords: Great Patriotic War, Chkalov (Orenburg) region, Buguruslan, aviation, military aviation school of initial training, cadets, training of Polish pilots.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-66-72

**ПРАКТИКА РЕШЕНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
СОВЕТАМИ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ Г. КУЙБЫШЕВА В 1977-1985 ГГ.**

© 2022 В.А. Повлюченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 25.04.2022

В статье рассматриваются действия Советов народных депутатов города Куйбышева в 1977-1985 гг. по важнейшим социальным вопросам обеспечения жильем, медицинским обслуживанием, строительства объектов социально-культурного назначения. Выделены вопросы формирования бюджета города, финансирования строительства на фоне постоянно растущих потребностей в связи с увеличением численности населения, разрушением дореволюционных построек. Выявлены позиции руководителей городской администрации А.А. Росовского и Г.И. Гусаровой. Автор пришел к выводу, что полномочия местных Советов народных депутатов в области социально-экономического развития подконтрольных территорий были огромны. Несмотря на то, что некоторые из направлений деятельности Советов не предполагали больших материальных затрат, наиболее ответственные из них, такие как строительство жилья для населения, обеспечение работы структур жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, социального обеспечения населения, требовали значительных ресурсов. Рост расходов на социальную сферу заметен на фоне явного спада объемов производства и темпов экономического роста. В целом же практика решения градостроительных проблем в этот период была реализована достаточно успешно, в данный период работа Совета народных депутатов осуществлялась эффективно и отвечала запросам общества.

Ключевые слова: СССР, Совет народных депутатов, Куйбышев, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера здравоохранения, социально-культурные вопросы, бюджет.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-73-77

Принятие Конституции СССР в 1977 г. можно считать отправной точкой начала периода деятельности Советов народных депутатов, продолжавшегося вплоть до 1991 г., который многие историки называют не иначе как «золотым веком» советской власти. Именно в этот период Советы народных депутатов значительно расширили свою компетенцию, что, безусловно, привело к более широким возможностям в решении важнейших задач в области социально-экономического управления вверенными им территориями.

В решении социально-экономических задач Куйбышевский городской Совет народных депутатов постоянно сталкивался с давлением на него двух диаметрально противоположных сил. С одной стороны,

Повлюченко Владимир Анатольевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии. E-mail: vladimir1243@rambler.ru

давление оказывало население, питавшее надежды на органы советской власти, которые были просто обязаны решать накопившиеся годами проблемы социально-экономического характера. С другой - органы партийной власти повсеместно возлагали всю ответственность за изменение социально-экономической ситуации на местные Советы народных депутатов. Между тем советы зачастую не имели ни экономических, ни властных ресурсов, чтобы проводить «решения партии в жизнь», при этом осуществляя тотальный контроль за их деятельностью. В этих непростых условиях, когда все предыдущие годы в Куйбышеве ставка делалась в основном на развитие промышленности и машиностроения, в конце 1970-х - начале 1980-х гг. осознали, что у населения тоже есть потребности в объектах социального, культурно-бытового, просветительского назна-

чения, а также в расширении линейки производимых товаров народного потребления. Учитывая, что все крупные предприятия, находившиеся на территории города Куйбышева и обладавшие основными финансовыми и материально-техническими ресурсами, заинтересованы были прежде всего в развитии своего производства, вполне естественно, что развитие социальной сферы возлагалось на городской Совет народных депутатов, а исполнением занимался Куйбышевский исполнительный комитет народных депутатов – исполком. Также существовали противоречия между министерствами и ведомствами с одной стороны и Куйбышевским горсоветом – с другой.

Большая часть направлений деятельности Куйбышевского городского Совета народных депутатов имела социальное значение. Расходы местного бюджета на социальную сферу преимущественно составляли основную часть. Общее развитие социальной сферы в городе Куйбышеве практически по всем направлениям отставало от существовавших нормативов. К началу 1987 г. обеспеченность школами в городе составляла 73% от норматива, больницами – 77%, кинотеатрами – 67%, предприятиями торговли – 79%¹.

В начале 1980-х гг. количественно выросли объем и доля материальных ресурсов местных Советов, выделяемых на социальные нужды. Это позволило Куйбышевскому городскому Совету народных депутатов активнее решать главную из проблем горожан – жилищную. Несмотря на большое строительство жилищная проблема в Куйбышеве решалась очень медленно. Почти половина пригодной для жилищного строительства территории была занята домами дореволюционной постройки. Кроме этого, в годы войны было сооружено немало зданий барачного типа. В результате этого в городе имелось огромное количество квадратных метров жилья, давно отслужившего свой срок. А.А. Росовский указывал в своих воспоминаниях, что средства на жилищное строительство выделялись Куйбышеву в од-

них и тех же размерах, а население ежегодно увеличивалось на 25 тыс. человек. Это, по мнению председателя горисполкома, привело к диспропорции между ростом населения города и планированием капиталовложений на его жилищное строительство и развитие социальной инфраструктуры.

Средства для жилищного строительства министерства выделяли предприятиям, которые выступали в качестве дольщиков и, соответственно, получателей жилплощади². В качестве единого официального заказчика строительства выступало управление капитального строительства горисполкома. По окончании строительства дома часть жилья, с 1971 г. – 12 %, передавалась в распоряжение горисполкома для обеспечения жителей города, стоявших в очереди на получение жилья, чего явно не хватало, поэтому горисполком, игнорируя правительственное решение, настаивал на том, чтобы предприятия передавали городу 18% жилья³. За годы работы Росовского на посту председателя горисполкома в Куйбышеве ежегодно строилось 500-600 и более тыс. кв. м жилой площади, вводилось в строй до 10000 благоустроенных квартир. В одном только 9-этажном доме могла разместиться целая деревня с наличием в ней до 200 и более дворов⁴.

Согласно статистическим данным в 1982 г. жилой фонд города Куйбышева составлял 16,8 млн кв. м.⁵ Появились жилые кварталы на улицах Гагарина, Молодогвардейской, Ново-Садовой, проспекте Ленина. Только в одной северо-восточной части Куйбышева было построено 13 новых микрорайонов, от улицы Советской Армии до Алма-Атинской. Затем появились микрорайоны «Мичуринский», «поселок Кузнецовых», «Приволжский».⁶

Возраставшие темпы жилищного строительства способствовали сносу огромного количества бараков, построенных еще в военные годы, это объяснялось тем, что к началу исследуемого периода все имевшиеся в черте города свободные для строительства площадки практически уже были застроены. Другие территории, предусмотренные генеральным планом, могли быть использованы

под застройку лишь после сноса расположенных там домов.⁷ В тот период времени в городе было снесено 2200 бараков, ликвидировано более 4500 подвальных помещений.⁸ Горисполком принимал все меры, чтобы при любой возможности сносить бараки и переселять граждан из ветхого жилья в новые строящиеся 9-, 12- и 16-этажные жилые дома обновленного города. Документы отдела строительства и городского хозяйства Куйбышевского горкома КПСС свидетельствуют о предпринимаемых мерах по расселению из ветхого жилья. Анализ материалов по подготовке и снятию с контроля вопроса на бюро горкома КПСС от 25 июля 1980 г. «По завершению переселения граждан из бараков и подвальных помещений в районах города» за период 25.07.1980 г. - 23.10.1981 г. показывает положительную динамику этого процесса. За 1980 г. в городе снесено 43 барака, из которых переселено 442 семьи, в том числе по линии местных Советов – 2 барака с отселением 61 семьи, предприятиями и ведомствами – 41 барак, из которых переселена 381 семья. Также за этот период ликвидировано 3233 кв. м жилых помещений в подвалах, из которых переселено 148 семей, в том числе по линии местных Советов – 3167 кв. м с отселением 144 семей. Такая положительная тенденция по вводу жилья в эксплуатацию – свыше 10000 квартир в год – сохранялась в 1981 г.⁹ Также был составлен перспективный план до 1985 г. Советы местных народных депутатов районов города играли активную роль в этом вопросе, в некоторых даже удалось полностью ликвидировать подвальные помещения и переселить семьи. Что касается ведомственного жилья, то тут ситуация складывалась по-разному: те организации, которым жилье не выделялось, сохраняли фонд ветхого жилья довольно долго, и эта проблема решалась довольно слабо, в остальных градообразующих предприятиях планы выполнялись на 50-70%.

Еще одним направлением, контролируемым Советом народных депутатов, было строительство и ремонт медицинских учреждений. Доля расходов на два основных

направления социальной деятельности местного Совета народных депутатов, здравоохранение и образование, в конце 1970 – начале 1980-х гг. в общей совокупности составляла от 50% до 55% городского бюджета.

В области здравоохранения полномочия местного Совета включали в себя руководство и осуществление мероприятий по укреплению материально-технической базы организаций и учреждений здравоохранения, обеспечение организации медицинской помощи населению, координацию и контроль за деятельностью. При возникновении угрозы распространения эпидемических инфекционных заболеваний Совет обладал правом введения в установленном порядке на своей территории особых условий и режимов труда, учебы, передвижения и перевозок, направленных на предупреждение их распространения и ликвидацию. Совет народных депутатов местного уровня организовывал работу по охране материнства и детства, способствовал улучшению условий труда, а также быта и отдыха женщин, участвовал в проведении оздоровительных мероприятий среди детей и подростков. Местный бюджет участвовал в финансировании здравоохранения в полном объеме. По воспоминаниям руководителя Куйбышевского горисполкома А.А. Росовского, «Особенно в городе страдало здравоохранение»¹⁰. «Обеспеченность городского населения стационарной медицинской помощью отставала от потребности в ней», – указывал он¹¹. Основные финансовые потоки распределялись в первую очередь на жилье и коммунальные объекты, а учреждения культуры и здравоохранения финансировались по остаточному принципу. Несмотря на дефицит бюджетных средств Куйбышевский горисполком во главе с Росовским нашли выход из этой ситуации, проектируя здания больниц как городские общежития. Затем они вносились в списки на строительство, а после передавались медучреждениям, которые и проводили их реконструкцию под свои нужды. С помощью подобных ухищрений было введено в эксплуатацию четыре медицинских

учреждения: корпус больницы Советского района на ул. Советской Армии, корпус больницы Самарского района на ул. Степана Разина, здание городского онкологического диспансера на ул. Запорожской и здание гордезостанции на ул. Арцыбушевской¹². При этом дважды нарушались нормативно-правовые требования: передача объектов из одной отрасли в другую происходила без разрешения республиканского правительства и с нецелевым расходованием средств¹³. Одной из основных проблем Совета народных депутатов было проведение переоборудования, а также текущий ремонт больниц и поликлиник. Финансирование ремонта зачастую велось по остаточному принципу, из-за чего многие медицинские учреждения не ремонтировались десятилетиями. В докладе заведующей Куйбышевским городским отделением здравоохранения Г.И. Гусаровой, озвученном в 1986 г. на городской партийной конференции, отмечалось, что из-за проблемы с затянувшимся ремонтом медучреждений в 1985 году в Куйбышеве ежедневно не использовалось более чем 300 больничных коек. Свыше десяти лет находился в ремонте один из корпусов 6-й городской больницы, более пяти лет – 10-я городская больница¹⁴. Однако и тут исполком горсовета старался находить решение, активно взаимодействуя с руководителями предприятий, находящихся на территории города. В целом же, согласно статистическим данным, в 1965 г. в Куйбышеве на 10 тыс. человек приходилось 109,7 больничных места, а в 1980 году – 130¹⁵. В рассматриваемый период были построены детская инфекционная больница на 6-й просеке, детская клиническая больница, родильный дом у завода им. Тарасова, два хирургических корпуса больницы им. Пирогова, кардиологический центр, станция переливания крови и другие медучреждения¹⁶.

Также Куйбышевский горсовет уделял особое внимание культурно-просветительной работе, учреждениям искусства, координировал и контролировал деятельность культурно-просветительных организаций и учреждений независимо от подчиненности.

Город Куйбышев пополнился многими знаковыми объектами культурного и бытового значения. К ним относятся: здание цирка, Дом актера, парк Победы, парк имени Юрия Гагарина, дворец культуры «Звезда»¹⁷. Жители города приобрели возможность смотреть широкоформатные фильмы в новых кинотеатрах «Старт», «Шипка» и «Самара». Был построен комплекс речного вокзала на 450 пассажиров с причальной стенкой длиной 420 метров для грузового транспорта и 6 причалами на 12-15 пассажирских теплоходов, с гостиницей на 400 мест и рестораном на 200 посетителей¹⁸.

В декабре 1977 г. в Куйбышеве принят в эксплуатацию Дом молодежи (ул. Аэродромная, 13)¹⁹, в январе 1981 г. в Куйбышевском телецентре был введен в строй действующий комплекс телерадиоаппаратуры²⁰, а 6 января 1983 г. в Куйбышеве открылся первый в стране Дом-музей А.Н. Толстого на ул. Фрунзе, 155б²¹. Безусловно, важным культурным событием города стало открытие 15 сентября 1988 г. после полной реконструкции здания городской филармонии, внешний облик которой возродил традиции русской и мировой архитектуры в стиле «модерн»²². Активно участвовал в решении вопросов по строительству филармонии заместитель председателя горисполкома Коновалов Александр Михайлович, он привлекал к строительству филармонии заводы и другие организации города, а их участвовало в строительстве более 20.

Таким образом, полномочия местных Советов народных депутатов в области социально-экономического развития подконтрольных территорий были огромны. Несмотря на то, что некоторые из направлений деятельности Советов не предполагали больших материальных затрат, наиболее ответственные из них, такие как строительство жилья для населения, обеспечение работы структур жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, социального обеспечения населения, требовали все же огромных ресурсов. Упование на постоянное участие внебюджетных средств предприятий

не всегда оправдывалось. Будучи заложника-ми вертикальной структуры соподчинения, Советы не обладали автономными началами для решения вопросов местного значения и всецело зависели от общегосударственной конъюнктуры и экономики страны в целом. В первой половине 1980-х гг. наряду с расширением расходов на социальную сферу и развитием ряда направлений народного хозяйства наметился явный спад объемов производства и темпов экономического роста. Все это свидетельствовало о кризисных явлениях в социально-экономической политике СССР, понимание которых советским обществом ограничивалось только жесткой идеологической цензурой и отсутствием гласности и открытости властных институтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-56. Оп.55. Д. 737. Л.9.
² Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960 - 1990-е годы. Очерки истории: коллективная монография / под ред. П.С. Кабытова.

- Самара: Самарский университет, 2014. С.105.
³ Там же.
⁴ Бульхин А.К. На крутых поворотах судьбы. Т. II. Самара, 2006. С.505.
⁵ Народное хозяйство Куйбышевской области за 1981-1985 гг.: статистический сборник. Куйбышев, 1987. С.248.
⁶ Росовский А.А. О времени и о себе. Самара, 2006. С.144.
⁷ Там же. С.65.
⁸ Бульхин А.К. На крутых поворотах судьбы. Т. II. Самара, 2006. С.506.
⁹ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.714. Оп.78. Д.59.
¹⁰ Росовский А.А. О времени и о себе. С.116-117.
¹¹ Росовский А.А. Пора новостроек // Медицинская газета. 1966. 14 июня.
¹² Росовский А.А. О времени и о себе. С.117.
¹³ Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960 - 1990-е годы. С.106.
¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.Р-17. Оп.155. Д.683. Л.102.
¹⁵ Самара - 425 лет: историко-статистический сборник. Самара, 2011. С.100.
¹⁶ Кабытов П.С., Елисеев А.И. Градоначальник Алексей Андреевич Росовский. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С.66.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Там же. С.67.
¹⁹ Волжская заря. 1978. 1 января.
²⁰ Волжская коммуна. 1981. 6 января.
²¹ Волжская коммуна. 1983. 7 января.
²² Волжская коммуна. 1988. 17 сентября.

THE PRACTICE OF SOLVING URBAN PLANNING PROBLEMS BY THE COUNCILS OF PEOPLE'S DEPUTIES OF KUIBYSHEV IN 1977-1985

© 2022 V.A. Povlyuchenko

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev

The article is devoted to the actions of the Soviets of People's Deputies of Kuibyshev in 1977-1985 on issues related to solving the most important social problems of housing, health care and the construction of social and cultural facilities. The author focuses on formation of the city budget, the financing of housing construction in the face of an increasing need for housing due to population growth and the destruction of pre-revolutionary residential buildings. The positions on these issues of the heads of the city administration, A. Rosovsky and G. Gusarova, are revealed. The author concludes that the authority of local Soviets of People's Deputies in the social and economic development was enormous. Despite the fact that some activities of the Soviets did not involve large material costs, the most important of them, such as the construction of housing for the population, the provision of housing and communal services, health care, education, and social security of the population, required huge resources. The expansion of social spending is noticeable against the backdrop of a clear decline in production volumes and economic growth rates. In general, the practice of solving urban planning problems in this period was implemented quite successfully, which confirms the conclusion that during this period the work of the Soviet of People's Deputies was carried out effectively and met the needs of society.

Keywords: USSR, Soviets of People's Deputies, Kuibyshev, housing and communal services, health sphere, social and cultural issues, budget.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-73-77

*Vladimir Povlyuchenko, Post-Graduate Student,
 Department of Russian History and Historiography.
 E-mail: vladimir1243@rambler.ru*

УДК 94 (73)

**«КОСМИЧЕСКИЙ ПЕРЛ-ХАРБОР»:
ОЦЕНКИ ПРЕССЫ США В 2001-2020 ГОДЫ**

© 2022 С.О. Буранок, А.О. Водякова

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 02.04.2022

В статье рассматривается борьба сильнейших государств за лидерскую позицию в космическом пространстве, его использование в целях военного противостояния друг другу. Выявлены оценки авторов периодической печати США, а также представлена деятельность правительств двух сторон. Результаты изучения материала показали, что «космический Перл-Харбор» включает в себя разработку оружия для уничтожения космических средств другой стороны.

Ключевые слова: военное противостояние, космическая гонка, «космический Перл-Харбор», спутник, Национальная комиссия.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-78-84

*Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ
«Русский Перл-Харбор»: роль исторической метафоры
в российско-американских отношениях 2001 - 2020 гг.» (МД-764.2022.2)*

В современном внешнеполитическом дискурсе США существуют не только принципиально значимые метафоры, но и устойчивые образы прошлого, актуализация которых используется для объяснения, понимания и отчасти формирования международной ситуации. Как правило, такие концептуальные структуры включают в себя целый набор метафор, символов и образов, глубоко укоренившихся в национальном самосознании. Одним из важнейших подобных элементов является концепт «Новый Перл-Харбор». Его уникальность заключается в том, что он используется как для «внутреннего потребления» (политический дискурс), так и для внешнего. Причем в XXI в. данная метафора очень часто возникает при

*Буранок Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения. E-mail: witch-king-1@mail.ru
Водякова Анастасия Олеговна, студент исторического факультета, кафедра всеобщей истории. E-mail: vodyakova.an@gmail.com*

освещении и анализе современных американо-китайских, российско-американских отношений. Одна из ключевых дат американской истории – 7 декабря 1941 года – внезапная комбинированная атака воздушных и подводных сил японского флота на американские силы, находившиеся на военно-морской базе в Перл-Харборе. Атака японских ВМС на Перл-Харбор вынудила США вступить во Вторую мировую войну. Тема до сих пор является предметом оживленных дискуссий, находится в фокусе исследовательского внимания. Поскольку нападение на Перл-Харбор имело и имеет такое значение, то в последующей истории США оно нашло отражение, но уже в другом смысле.

После 1945 года в американском обществе и СМИ активно эксплуатировался страх перед «Вторым или Новым Перл-Харбором». В годы «холодной войны» правительства США и СССР разрабатывали международную политику регулирования

космического пространства в военных и гражданских целях. Лидеры в мирном освоении безвоздушного пространства оказались и в лидерах по его использованию в целях военного противостояния друг другу. Лазейки в этой политике теперь должны быть закрыты, пишет Роальд Сагдеев¹. Спутники являются неотъемлемой частью глобальной инфраструктуры благодаря их использованию в телекоммуникациях, дистанционном зондировании и навигации. Они также укрепили международную безопасность. Действительно, регулирование космического пространства определялось интересами обороны с момента советского запуска Спутника-1 в 1957 году². Спутник не имел никакого военного назначения, но, будучи первым искусственным объектом в космосе, он открыл потенциальное новое поле боя. Одной из предполагаемых угроз, связанных с запуском спутника в 1957 году, была возможность того, что орбитальный объект может нести ядерное оружие и за очень короткое время нацелиться на любую базу в мире, не имеющую возможности защититься от него. И Соединенные Штаты, и Советский Союз проводили исследования систем орбитальной бомбардировки. Кристофер Стоун в статье «Орбитальные ударные созвездия: будущее космического господства и национальной обороны» подчеркнул, что Соединенные Штаты никогда не прилагали особых усилий к этим исследованиям или потенциальному развертыванию³. Но все же администрация США осознала опасность. В 1958 году президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр написал советскому премьеру Никите Сергеевичу Хрущеву письмо, в котором призвал к стратегической сдержанности и праву любой страны на свободный доступ в космос как часть общего наследия человечества⁴. Администрация Эйзенхауэра стремилась к политике, которая отвечала бы советскому запуску. По мнению Дональда Куорлза, в то время помощника министра обороны по исследованиям и разработкам, русские непреднамеренно помогли стратегиче-

ской позиции США, установив концепцию свободы международного пространства. Он считал, что эта идея, известная сегодня как теория «Убежища», имела решающее значение для сбора американской разведки в космосе⁵. Кроме того, он отмечал, что это смягчит политические последствия и возможные опасения начала войны с Советами. Тем не менее такая пропаганда не полностью исключала военных из космоса; в конце концов спутниковая разведка с орбиты могла снизить риск внезапного нападения. Спутники чрезвычайно уязвимы даже для примитивных атак, таких как попадание снаряда на высокой скорости, и противоспутниковое оружие использует этот недостаток. Такое оружие не было добавлено в военные арсеналы во время холодной войны. Однако обе стороны сохранили открытой возможность разработки этого оружия для достижения превосходства, при этом каждая из них опасалась, что другая обгонит технологически. Примечательно, что лидеры в сложившейся ситуации предпочли переговоры и договоры, а не демонстрацию грубой силы в космосе. В таких условиях брать на себя инициативу или организовывать запланированную провокацию было бы достаточно непродуманно, поэтому было принято решение об уходе от открытого столкновения, по крайней мере временно. Такой дух был выражен в Национальном законе об авиации и космосе, принятом Конгрессом США в 1958 году: «Деятельность в космосе должна быть посвящена мирным целям на благо всего человечества».

Решающим шагом было учреждение в 1959 году Организацией Объединенных Наций Комитета по использованию космического пространства в мирных целях для определения правовых рамок деятельности, связанной с космосом⁶. В договоре, подписанном в 1963 году, Соединенные Штаты, Соединенное Королевство и Советский Союз договорились запретить испытания ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космосе. Всеобъемлющий договор ООН по

космосу, запрещающий размещение оружия массового уничтожения в космосе, был принят в 1967 году. Тем не менее этот договор оставил открытой лазейку для размещения обычных вооружений на орбите, позволив обеим сверхдержавам разрабатывать технологии противоспутникового оружия.

Пик успеха в регулировании военной деятельности в космосе был достигнут в 1972 году при подписании Соединенными Штатами и Советским Союзом Договора о противоракетной обороне. Его терпеливо отстаивали администрации США как Линдона Б. Джонсона, так и Ричарда Никсона, пока Советский Союз не был убежден аргументами стратегической стабильности. Договор запрещал разработку и развертывание средств противоракетной обороны, таких как «щит Звездных войн», на орбите⁷. Режим сдерживания был усилен, и пространство было оставлено милитаризованным, но свободным от любого оружия.

Идея о том, что космос должен быть убежищем, свободным от оружия и боевых действий, была распространена в определенных кругах. «Однако мы должны уделять больше внимания разработке планов, необходимых для защиты Америки от космоса и в космосе», - отметил Кристофер Стоун в газете *The space review*⁸. Статья в *New-York Times* вызвала бурю споров по поводу «вооружения космоса». ВВС добивались внесения некоторых изменений и разъяснений в готовящуюся к выпуску обновленную версию национальной космической политики 1996 года. Фактически это оставило открытой дверь для американского космического оружия, но больше ничего не дало⁹. В январе 2001 года 43-м президентом США стал Джордж Буш - младший. Первый сигнал об изменениях поступил в январе 2001 года: двухпартийная национальная комиссия, Комиссия по оценке управления и организации космического пространства национальной безопасности США опубликовала отчет, в котором был сделан вывод о том, что США угрожает опасность «космического Перл-Харбора»¹⁰.

В кратком изложении этого отчета комиссия заявляла: США являются привлекательным кандидатом на роль «Космического Перл-Харбора». Если США хотят избежать «Космического Перл-Харбора», им необходимо серьезно отнестись к возможности нападения на космические системы США. Национальные лидеры должны обеспечить снижение уязвимости Соединенных Штатов и ограничение последствий внезапного нападения на космические объекты США¹¹. С тех пор мало что было сделано для защиты космических активов правительства США, в то время как силы все больше и больше полагались на спутники для навигации, связи и разведки. Потенциальные противники стали считать эти системы не только уязвимыми, но и по сути беззащитными¹². Чарльз Э. Миллер и Джефф Фауст в газете *The space review* отмечали: «Разрушительная атака на страну и ее народ – «космический Перл-Харбор» – станет единственным событием, способным воодушевить нацию и заставить правительство США действовать»¹³.

На Национальном симпозиуме Ассоциации ВВС в ноябре 2005 года генерал Лэнс Лорд, бывший командующий Космическим подразделением ВВС, сказал: «Некоторые говорят, что в космосе нам ничего не угрожает, я хочу разубедить всех в этом аргументе»¹⁴. Генерал также сказал, что мы «не можем предполагать, что космос безопасен и что в этой среде нам никогда не будет брошен вызов». В качестве временного средства защиты наших космических активов подполковник Амрин предлагает развернуть наземное оружие, которое может иметь широкий спектр возможностей для отражения угроз из космоса. Генерал был согласен с данным предложением как с отправной точкой, но ждать, пока угроза станет «более очевидной», нельзя, так как это может привести к «космическому Перл-Харбору», который полковник Амрин и члены Космической комиссии хотят предотвратить.

Угроза Перл-Харбора в космосе только усилилась после публикации доклада Национальной комиссии, это подтверждалось

следующими фактами: во-первых, если вывести орбитальные активы симметричным ударом, США потеряет видимость и возможность установления двусторонней связи; во-вторых, «Аль-Каида» и другие части иракского сопротивления публично доказали эффективность асимметричной войны против США. Поэтому стоит ожидать, что асимметричные атаки станут стратегией выбора на обозримую перспективу против США; в-третьих, в 2006 году Северная Корея продемонстрировала как ядерное устройство, так и баллистические ракеты, которые в сочетании могут быть использованы для высотной ядерной детонации. Такого рода «асимметричная» атака может уничтожить многие коммерческие спутники и спутники национальной безопасности на околоземной орбите, нанеся огромный ущерб экономике США, и оставить США крайне уязвимыми для угроз национальной безопасности со стороны всех других субъектов на долгие годы; в-четвертых, в январе 2007 года Китай продемонстрировал, что они развивают потенциал для производства «космического Перл-Харбора» путем уничтожения спутника на орбите. В этой уже проверенной китайской возможности используется мобильная пусковая установка, что в свою очередь означает, что США будет практически невозможно прицелиться; в-пятых, Иран также разрабатывал как баллистические ракеты, так и ядерные технологии. Необходимо отметить важную деталь: Китай и Россия пытались в течение последних нескольких лет внести инициативу о запрете космического оружия на Конференцию ООН по разоружению. Соединенные Штаты почти в одиночку заблокировали эту дискуссию. Испытание Китаем противоспутникового оружия в 2007 году усилило необходимость действовать и продемонстрировало, что не все готовы принять космическое господство одной страны¹⁵. Однако, несмотря на все вышеперечисленные факторы и внешнюю, вполне ощутимую угрозу, конкретных действий для обеспечения космической защищенно-

сти США со стороны правительства не было предпринято.

Последующие 10 лет данная тематика практически не освещалась в прессе США. Вновь вернулись к обсуждению данной темы в 2018 году. 18 июня 2018 года состоялось заседание Национального космического совета, на котором выступил Дональд Трамп. В его речи звучало следующее: «У нас будут военно-воздушные силы, и у нас будут Космические силы. Отдельно, но равно. Это будет что-то. Настоящим я поручаю министерству обороны и Пентагону немедленно начать процесс, необходимый для создания космических сил в качестве шестого подразделения вооруженных сил»¹⁶.

Стратегия Дональда Трампа признавала, что космос является театром военных действий, именно поэтому он выдвинул идею создания Космических сил, ветви военных сил, которые действовали бы вне атмосферы. Директива президента не была праздным муссированием. Его предложение проистекало из растущей дискуссии внутри военных и политических кругов о том, как наилучшим образом противостоять угрозе, которую представляют для американских космических средств потенциальные враги - Россия и Китай, если быть точным¹⁷.

Американские эксперты отмечают, что Соединенные Штаты зависят от спутников больше, чем любая другая страна в мире, по своим основным функциям. Все, от военной связи до систем раннего предупреждения о ракетах и гражданских банковских операций, осуществляется частично через спутниковые группировки¹⁸. Но статьи начала XXI века в прессе США указывают на то, что американские группировки спутников GPS, наблюдения и связи в значительной степени не защищены - уязвимость, которая не избежала внимания в Китае и России. Результат: новая трехсторонняя космическая гонка - первая со времен окончания холодной войны, и та, которая сейчас включает в себя разработку оружия уничтожения космических средств другой стороны¹⁹.

«США, Китай, Россия работают не только над использованием космоса, но и над тем, чтобы убрать его с другой стороны», – сказал Сингер, военный стратег из фонда Новой Америки, аналитического центра в Вашингтоне, округ Колумбия²⁰.

В 2016 году председатель КНР Си Цзиньпин совершил громкий визит в штабквартиру ВВС в Пекине, где он приказал своим генералам отточить оборонительные и наступательные возможности страны в космосе в рамках подготовки к тому, что многие китайские военные аналитики считают неизбежной войну в космосе с США. Так же Пентагон отметил, что Пекин продолжает наращивать свой военный потенциал в космосе, запуская 142 спутника для обеспечения разведки, навигации, связи и прогнозирования погоды, которые могут «ограничить или предотвратить использование космических ресурсов противниками во время кризиса или конфликта»²¹. Война в космосе будет иметь ошеломляющие последствия. Если бы конфликт вспыхнул, потенциально, из-за территориальных претензий Китая на Южно-Китайское море или агрессии России в Восточной Европе, американские военные спутники не были бы единственными космическими активами, подверженными риску. Боевые действия также, вероятно, нанесут ущерб гражданским спутникам, которые контролируют большую часть современной жизни, от сетей мобильных телефонов до банкоматов и личных GPS-устройств. И хотя такой конфликт может начаться в космосе, эксперты говорят, что он может легко превратиться в полномасштабную войну на Земле. «Если когда-нибудь война распространится в космос – и я надеюсь, что она никогда не распространится – первого [ядерного] ответа не будет в космосе», – предупреждает генерал Джон Хайтен, глава американского Космического командования²².

В газете Newsweek говорилось о том, что Пентагон потратит 2 миллиарда долларов на меры по противодействию угрозам своим спутникам национальной безопас-

ности. Высокопоставленные должностные лица США объясняют, что такие крупные инвестиции отражают признание Пентагоном значительного сдвига в возможностях США, Китая и России. Они отмечали, что в течение первых 25 лет после окончания холодной войны обычные силы Америки не имели себе равных, во многом благодаря преимуществам, которые их спутники дали им на поле боя. Дебютировав в войне в Персидском заливе 1991 года, спутники управляли американскими высокоточными боеприпасами, предоставляли американским командирам связь по всему миру и с тех пор помогали американским войскам ориентироваться по всему миру.

Но за последние 15 лет, период, когда американские оборонные доллары были перенаправлены на оплату войн на Ближнем Востоке, Китай и Россия разработали передовые вооружения, которые «бросают вызов нашим преимуществам... особенно в кибервойне, радиоэлектронной борьбе и космосе, – говорит заместитель министра обороны Роберт Уорк. – В результате наш запас технологического превосходства медленно размывается»²³.

Пекин и Москву больше нельзя было игнорировать. Обладая их способностью отрицать, разрушать спутники Америки, предупреждает генерал-лейтенант Дэвид Бак, командующий 14-й воздушной армией, «нет ни одного аспекта нашей космической архитектуры, который не подвергался бы риску»²⁴.

Ввиду этого должностные лица Пентагона били тревогу о том, что Соединенные Штаты не готовы к космической войне. Две другие великие космические державы создают оружие для достижения «Перл-Харбора на земной орбите», уничтожения спутников, которые обеспечивают военных коммуникационными, навигационными и разведывательными возможностями, которые им понадобятся в войне²⁵.

В 2019 году бывший сотрудник Конгресса и геополитический эксперт Брэндон Дж. Вайхерт написал эссе под названием «Под-

готовка к российскому космическому Перл-Харбору». В своем материале аналитик отметил, что США сильно зависят от спутников – «больше, чем любая другая страна», в том числе для военной связи, банковского дела и системы раннего обнаружения ракет. Эксперт Вайхерт сказал, что вывоз американской космической сети оставит ее армию «глухой, глупой и слепой»²⁶. В другой статье Вайхерт предупредил, что «Пекин или Москва могли бы использовать технологическую мощь, чтобы переписать геополитический сценарий в свою пользу». Генерал армии США, председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Марк Милли почти слово в слово повторил эти предостережения, указав, что оппоненты США могут воспользоваться тем, что ключевые системы связи, управления и навигации «завязаны» на спутниках, и устроить «Перл-Харбор» с применением средств радиоэлектронной борьбы или атаковать в космосе.

После многих лет пренебрежения администрация начала вкладывать ресурсы в лихорадочную попытку наверстать упущенное, пока не стало слишком поздно.

Была установлена последовательность действий, в соответствии с которой США защитят себя от угрозы. Первой миссией Космических сил США была определена защита американских космических активов от вражеских атак и нанесения ударов по объектам противника во время войны²⁷. Помимо защиты американских космических ресурсов и нападения на вражеские средства представлен ряд других миссий для Космических сил США²⁸. Например, вопрос о космическом мусоре, который станет серьезной проблемой в случае космической войны, будет представлять собой важную задачу в мирное время.

Мирное покорение космоса постепенно стало очередной сферой противостояния двух сильнейших государств. Стоит еще раз отметить, что военные эксперты называют «космическим Перл-Харбором» скрытую атаку на американские спутники, которая нанесет ущерб войскам США еще до того,

как будет произведен их выстрел. Данная тема до сих пор является дискуссионной и представляет интерес для исследователей в разных странах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Sagdeev R.* The slow slide towards a new battlefield? // *Nature*. 2009, July 15. P. 326-327.
- ² *Moltz, J. C.* The Politics of Space Security: Strategic Restraint and the Pursuit of National Interests (Stanford Security Studies) / James Clay Moltz. Publisher: Stanford Security Studies, 2008. P. 9.
- ³ *Stone C.* Orbital shock constellations: the future of space domination and national defense. // *The space review*. 2006, May 30. P. 10.
- ⁴ *Sagdeev R.* The slow slide towards a new battlefield? // *Nature*. 2009, July 15. P. 326-327.
- ⁵ *Stone C.* Orbital shock constellations: the future of space domination and national defense. // *The space review*. 2006, May 30. P. 10.
- ⁶ *Sagdeev R.* The slow slide towards a new battlefield? // *Nature*. 2009, July 15. P. 326-327.
- ⁷ *Sagdeev R.* The slow slide towards a new battlefield? // *Nature*. 2009, July 15. P. 326-327.
- ⁸ *Stone C.* Orbital shock constellations: the future of space domination and national defense. // *The space review*. 2006, May 30. P. 10.
- ⁹ *Dinerman T.* Space weapons: the new debate. // *The space review*. 2005, June 20. P. 25.
- ¹⁰ *Miller C.E., Faust J.* The Vision for Space Exploration and the retirement of the Baby Boomers (part 2). Is this the beginning of the end, or the end of the beginning? // *The space review*. 2008, May 5. P. 62.
- ¹¹ *Stone C.* Orbital shock constellations: the future of space domination and national defense. // *The space review*. 2006, May 30. P. 10.
- ¹² *Dinerman T.* Space weapons: the new debate. // *The space review*. 2005, June 20. P. 26.
- ¹³ *Miller C.E., Faust J.* The Vision for Space Exploration and the retirement of the Baby Boomers (part 2). Is this the beginning of the end, or the end of the beginning? // *The space review*. 2008, May 5. P. 62.
- ¹⁴ *Stone C.* Orbital shock constellations: the future of space domination and national defense. // *The space review*. 2006, May 30. P. 10.
- ¹⁵ *Moltz J. C.* The Politics of Space Security : Strategic Restraint and the Pursuit of National Interests. Stanford: Stanford Security Studies, 2008. P. 83.
- ¹⁶ *Whittington M.* What would the mission of the United States Space Force be? // *Spacenews*. 2009, June 19. P. 15.

- ¹⁷ Whittington M. What would the mission of the United States Space Force be? // Spacenews. 2009, June 19. P. 15.
- ¹⁸ Weichert B.J. Preparing for a Russian «Space Pearl Harbor». // Orbis. 2019, May 2. P. 35.
- ¹⁹ Broder J. Why the Next Pearl Harbor Could Happen in Space // Newsweek. 2016, April 5. P. 25.
- ²⁰ Whittington M. What would the mission of the United States Space Force be? // Spacenews. 2009, June 19. P. 15.
- ²¹ Broder J. Why the Next Pearl Harbor Could Happen in Space // Newsweek. 2016, April 5. P. 25.
- ²² Broder J. Why the Next Pearl Harbor Could Happen in Space // Newsweek. 2016, April 5. P. 25.
- ²³ Broder J. Why the Next Pearl Harbor Could Happen in Space // Newsweek. 2016, April 5. P. 25.
- ²⁴ Broder J. Why the Next Pearl Harbor Could Happen in Space // Newsweek. 2016, April 5. P. 25.
- ²⁵ Day D.A. Ghosts and Companions. // The space review. 2007, December 3. P. 11.
- ²⁶ Hodge M. SPACE WARS Next «Pearl Harbor» could be a space attack that would render US military «deaf, dumb and blind», US army chief warns. // The Sun. 2020, December. P. 3.
- ²⁷ Whittington M. What would the mission of the United States Space Force be? // Spacenews. 2009, June 19. P. 15.
- ²⁸ Chow B. The Greatest Threat to America's Military? A «Pearl Harbor» In Space. // The National Interest. 2018, July 6. P. 13.

**«SPACE PEARL HARBOR»:
US PRESS EVALUATIONS IN 2001-2020**

© 2022 S.O. Buranok, A.O. Vodyakova

Samara State University of Social Sciences and Education

The article considers the struggle of the two strongest powers for a leadership position in outer space, its use for the purpose of military confrontation with each other. The authors draw attention to the estimates of the “space race” in the US periodical press, and also examine the activities of the governments of the two states. The results of the study show that the “space Pearl Harbor” includes the development of weapons to destroy the space assets of the other side.
Keywords: military confrontation, space race, “space Pearl Harbor”, satellite, National Commission.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-78-84

Sergei Buranok, Doctor of History, Professor, Department of World History, Law and Methods of Teaching. E-mail: witch-king-1@mail.ru
Anastasia Vodyakova, Student, Faculty of History, Department of World History, Law and Methods of Teaching. E-mail: vodyakova.an@gmail.com

УДК 94 (497.16)

**РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА БАЛКАНАХ:
МИССИИ Я.Н. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО И Е.П. КОВАЛЕВСКОГО В ЧЕРНОГОРИИ
(1837 - 1838). Часть 2**

© 2022 М. Милошевич, С. Станоевич
Приштинский университет в г. Косовска-Митровица, Сербия.

Статья поступила в редакцию 12.11.2021

В статье представлена деятельность в Черногории русских офицеров, посланников российского правительства, в период правления черногорского владыки Петра II Петровича Негоша. Их прибытие в Цетинье было важным не только для укрепления черногорско-российских отношений, но и для урегулирования внутренней и внешней ситуации в Черногории. Миссия подполковника Я.Н. Озерецковского пришлась на период после окончания визита Негоша в российскую столицу в 1837 г. Задача Озерецковского заключалась в том, чтобы как можно лучше и всесторонне изучить социально-экономическую ситуацию в Черногории, способствовать государственным преобразованиям Петра II Негоша. На основании его сведений в Петербурге принимается решение откомандировать в Черногорию другого эмиссара – молодого капитана, горного инженера Е.П. Ковалевского. Хотя Ковалевский и не нашел предполагаемых следов золота в реке Златица, он, проявляя дипломатический талант, совершенно неожиданно для себя оказался в роли эффективного переговорщика во время острого черногорско-австрийского пограничного конфликта в 1838 г., а его действия при этом способствовали благополучному разрешению последнего.

Ключевые слова: Черногория, Россия, Петр II Петрович Негош, Я.Н. Озерецковский, Е.П. Ковалевский, донесения, статистические и географические сведения.
DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-85-92

*Окончание. Начало статьи опубликовано в журнале
«Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки». 2022 Том 4. Номер 1. С. 69-77.*

Прибытие в Черногорию в 1838 г. молодого русского капитана Егора Петровича Ковалевского было, несомненно, заслугой подполковника Я.Н. Озерецковского. Еще в своем донесении от 13 сентября 1837 года послу в Вене Д.П. Татищеву он упомянул о возможном наличии месторождения золотоносных руд в реке Златица. Согласно легенде, эта река получила свое название по

*Милошевич Мирослав, докторант кафедры истории философского факультета Приштинского университета в г. Косовска-Митровица, Сербия.
E-mail: mikizinjo@gmail.com*

Станоевич Саша, ассоциированный профессор кафедры истории философского факультета Приштинского университета в г. Косовска-Митровица, Сербия. E-mail: sasa.stanojevic@pr.ac.rs

месторождениям золота еще во времена Римской империи. Тогда Озерецковский предложил отправить в Черногорию опытного геолога для более подробного изучения этой местности. Николай I согласился с этим и на упомянутом донесении сделал помету карандашом: «можно послать офицера, горных инженеров»¹. Выбор пал на капитана Корпуса горных инженеров Е.П. Ковалевского. Узнав об этом, Я.Н. Озерецковский с воодушевлением рекомендовал его Негошу: «Он наш, и с ним вы можете быть откровенным»².

Егор Петрович Ковалевский, горный инженер, ученый, дипломат и публицист, родился в 1811 году (по другим сведениям

ям, в 1809 году) в селе Ярошевка Харьковской губернии в имении своего отца Петра Ивановича Ковалевского. После окончания гимназии он продолжил свое образование на философском факультете Харьковского университета. По окончании учебы в 1828 году Ковалевский отправился в Петербург, где решил посвятить свою жизнь геологическим исследованиям. Его брат Евграф Петрович был в то время известным геологом, поэтому рядом с ним молодой Ковалевский приобрел драгоценный опыт в области геологии, особенно в ходе разведки золотых руд на Алтайском руднике в далекой Сибири. Через четыре с половиной года службы в Сибири в 1835 году Ковалевский был приглашен на работу на Уральском заводе. Он занимался эксплуатацией золотых руд в Березовском руднике недалеко от Екатеринбурга. В следующем 1836 году молодой горный инженер получил чин капитана³.

23 февраля 1838 года министр финансов и главноуправляющий Корпусом горных инженеров Е.Ф. Канкрин направил вице-канцлеру К.В. Нессельроде официальное письмо о привлечении Ковалевского к работе в Черногории, упомянув в нем, что А.Х. Бенкендорф, выполняя повеление императора, просил его рекомендовать опытного горного инженера. Е.Ф. Канкрин рекомендовал кандидатуру Е.П. Ковалевского, поскольку, по его оценке, тот был опытный специалист, знакомый с отысканием и разработкой золотых рудников. Заграничный паспорт Ковалевского, считал Канкрин, должен содержать только разрешение на проезд через Австрию и соседние с ней страны, без упоминания Черногории, чтобы избежать различные кривотолки о его поездке⁴. В конце января 1838 года Ковалевский оставил службу на уральских заводах и отправился в Петербург, где должен был получить инструкции по работе, а также денежные средства в размере 16 тысяч рублей на путешествие и паспорт для заграничной поездки⁵. Согласно предписанию К.В. Нессельроде, Ковалевский, прибыв в Вену, должен был получить инструкции от Д.П. Татищева, ко-

торыми ему и следовало руководствоваться во время своего пребывания в Черногории. Сам вице-канцлер подчеркивал, что капитан должен заниматься делами исключительно по горной части, действуя на то с согласия черногорского владыки. Собранные сведения он должен был предоставить российскому консулу в Дубровнике Й. Гагичу и послу Д.П. Татищеву. К.В. Нессельроде подчеркивал, что МИД настоятельно рекомендует Ковалевскому не вмешиваться во внутренние дела Черногории и ее правителя, чтобы избежать повода для кривотолков «со стороны сопредельных с Черногориею австрийских и турецких начальств»⁶. Следующие указания были получены Ковалевским уже от начальника штаба Корпуса горных инженеров генерал-майора К.В. Чевкина. Они были сугубо профессиональными и касались поиска месторождений золота и других полезных для Черногории металлов и минералов с указанием передать полученные сведения правителю Черногории⁷. Свои геологические изыскания Е.П. Ковалевский должен был завершить до наступления зимы и затем вернуться в Петербург.

В начале марта 1838 года К.В. Нессельроде сообщил черногорскому владыке о командировании инженер-капитана Ковалевского в Черногорию и просил владыку сделать все возможное для успешного проведения порученных ему поисковых работ⁸. После долгого и изнурительного путешествия 31 мая Ковалевский прибыл в Котор, а затем 2 июня направился в Цетинье. Губернатор Далмации В. Лилиенберг был немедленно уведомлен о прибытии русского горного инженера⁹. От Котора до Цетинье Ковалевского сопровождали перьяники владыки, а в Цетинье, как это было принято в Черногории, когда речь шла о высоких гостях, его ждал торжественный прием. Затем Негош воспользовался ответной возможностью, чтобы сообщить К.В. Нессельроде о прибытии Ковалевского, расценив это как знак благосклонности российского правительства. В таком же духе владыка писал и в Вену Д.П. Татищеву с обещанием, что сделает все, что от него зависит,

чтобы Ковалевский максимально успешно выполнил свою миссию¹⁰.

После непродолжительного отдыха от утомительной дороги в Цетинье Ковалевский в сопровождении перяников, предоставленных в его распоряжение по соображениям безопасности Негошем, а также пяти-шести рабочих отправился в путь, чтобы объехать Черногорию и изучить местность¹¹. Свои исследования он начал в Црмницкой нахии, посчитав этот район Черногории наиболее легким для изучения. Позже в своих мемуарах «Четыре месяца в Черногории» он описал увлекательную прогулку на лодке из Рибеки-Црноевича вблизи Жабляка, а также свое пребывание в Црмницкой нахии. Основной целью исследований была река Златица. В конце июня Ковалевский и его спутники через Челия-Пиперску и Дуклю отправились для изучения нахождения в реке Златица каких-либо следов золотоносной руды. Сразу после того, как стало известно о приезде русского горного инженера, турецкие власти в Подгорице издали приказ, запрещающий работы по обследованию этого района. По словам Ковалевского, Негош очень негодовал по поводу этого шага турецких властей и намеревался отправиться вместе с вооруженными черногорцами навстречу турецким отрядам, готовившимся занять эту местность. Позже владыка все же отказался от этой конфликтной затеи¹².

В начале июля 1838 г. капитан Ковалевский направил Д.П. Татищеву отчет со статистическим и географическим обзором Черногории¹³, в котором большая часть информации совпадала с отчетами подполковника Я.Н. Озерецковского. В нем Ковалевский представил обзор сложного внешнеполитического положения Черногории, окруженной с трех сторон враждебными турецкими владениями, а на юго-западе – австрийской провинцией Бока-Которска, что существенно ограничивало внутреннее и внешнее развитие Черногории. Он отметил, что черногорцы вынуждены не выпускать из рук оружие и что почти каждый

месяц происходит по шесть-семь мелких стычек с мусульманскими соседями. Большинство черногорцев, живущих в приграничье, вынуждены нести караул днем и ночью, чтобы предотвратить внезапное нападение врага. «Никогда прежде я не видел человека, столь равнодушного к смерти, как черногорец», – писал Ковалевский. В качестве одного из примеров черногорского мужества и героизма он описывает битву у села Мартиничи, в котором многократно превосходящие черногорцев войска Северной Албании потерпели поражение. Е.П. Ковалевский вынужден был констатировать тот горький факт, что из числа умирающих в Черногории едва 2/5 умирает естественной смертью: 2/5 погибает в сражении, 1/5 – от полученных ран¹⁴. Неудивительно, что, живя в таких экстремальных условиях, черногорцы не могли вести эффективно торговлю, не говоря уже об образовании и искусстве, которые находились в Черногории в плачевном состоянии. Малоземелье было несчастьем Черногории. Вместе с тем, по словам Ковалевского, территория вокруг Скадарского озера (Северная Албания) благоприятна для развития сельского хозяйства, но проблема состояла в том, что она находилась под контролем турецких властей. В заключение Ковалевский прилагал обзор административного деления Черногории и Брды с переписью всех племен¹⁵.

Вслед за Я.Н. Озерецковским Е.П. Ковалевский также высказал послу в Вене идею о переселении черногорцев на Кавказ. Их героизм и военный опыт в сложных горных условиях могли бы внести весомый вклад в войну с горцами. Владыка в свое время откликнулся на призыв Я.Н. Озерецковского и был готов собрать около 6000 черногорцев и албанцев (вероятно, горцев-католиков, нередко ориентировавшихся на Цетинье) для борьбы с кавказскими горцами¹⁶. Негош готов был переселить и весь свой народ на территорию Кавказа, однако к подобным проектам в Петербурге в силу внешнеполитических обстоятельств относились отрицательно.

Собирая самые разнообразные сведения, Ковалевский объехал всю Черногорию, однако следов золота он не нашел, зато обнаружил железную и медную руды, а также некоторые признаки ртути¹⁷. Зная, что оружие и боеприпасы жизненно важны для черногорского народа, Ковалевский активно участвовал в открытии небольшой пороховой мастерской в Риеке-Црноевича, которая начала свою работу только в 1846 году¹⁸.

Вопрос о демаркации границ между Черногорией и здешними австрийскими владениями в Далмации, от первых упоминаний о работе над ними и до окончательного разграничения, решался сложным и противоречивым путем. Австрийские и российские дипломаты считали целесообразным пограничное размежевание, хотя каждая сторона – как черногорская, так и австрийская – при этом исходили из своих мотивов и различных интересов. Весь процесс демаркации длился с 26 сентября 1837 г. до конца июля 1841 г.¹⁹ Разграничение не удалось провести без военных столкновений, и на то было множество причин. Черногорцы не могли и не желали приспособиться к австрийским законам и вели себя так, как и в прежние времена, когда еще и слабая Венецианская республика была их соседом. В свою очередь австрийские власти пытались в одночасье заставить черногорцев выполнять их суровые предписания, направленные на охрану своих владений. Самые острые столкновения происходили между племенем паштровичи, находившимся в австрийском владении, и цермничанами, которые пытались обосновать свои права на такой важный приграничный пункт, каким являлась Паштровичская гора. Вторая территория конфликта была между черногорскими катунянами и соседними поборами, браичами и маинянами. Третий приграничный участок, где происходили волнения, был между племенной группой цуцы и кривошея²⁰.

Когда в июне Ковалевский прибыл в Црмницкую нахию, цермничане жаловались ему как российскому посланнику на

действия австрийцев. Они рассказывали, что австрийские солдаты устанавливают на их земле сторожевые посты, а австрийские геометры самовольно ставят пограничные знаки на Паштровской горе, ключевом пункте австро-черногорского конфликта. Более того, черногорцы показывали Ковалевскому высеченные из камня кресты, которые были их пограничными знаками как во времена Венецианской республики, так и во время недолгого французского правления в Которском заливе в 1813 г. – январь 1814 г.²¹ Подробнее о вооруженном конфликте на Паштровской горе и участии Ковалевского в его урегулировании мы узнаем из его донесения Д.П. Татищеву. Неосторожное изменение границы между Черногорией и австрийскими владениями, самовольно произведенное австрийскими топографами, привело к резкому усилению напряженности между цермничанами и паштровичами. Последней каплей стало убийство одного черногорца австрийским подданным из племени паштровичи. Реакции цермничан долго ждать не пришлось. Черногорцы напали на австрийскую казарму и убили двух солдат, а еще двух взяли в плен. В связи с этим событием австрийские власти решили применить военную силу, собрав 4000 солдат для нападения на границы Черногории. Владыка воздерживался от каких-либо серьезных столкновений с австрийской карательной экспедицией, поэтому для защиты границы он оставил всего 500 человек из близлежащих сел. Борьба с переменным военным успехом длилась шесть дней. В последний день боев черногорцы узнали, что «турки» по сговору с австрийскими местными властями напали на их села. Поэтому одна часть черногорцев кинулась защищать села и разбила там врага, а вторая часть осталась защищать границу на Паштровской горе. В столь сложной ситуации черногорский правитель решил подключить Е.П. Ковалевского к мирным переговорам с австрийскими властями. Согласно инструкции, Ковалевский обязан был заниматься только геологическими

изысканиями и не должен был вмешиваться в эту конфликтную ситуацию. Однако он не смог отказаться от предложения Негоша и приступил к переговорам с властями Котора, выступая при этом как частное лицо. Перед послом в Вене он оправдывался тем, что речь шла о гибели нескольких тысяч людей. Ковалевскому в результате переговоров удалось все же добиться перемирия на один месяц. Потери в боях на Паштровской горе составили 24 убитых солдата, 6 бокельцев и столько же раненых. Черногорцы потеряли 8 человек убитыми²². Перемирие было заключено в Будве 8 августа между двоюродным братом владыки Георгием Петровичем и представителем австрийской власти капитаном Фридрихом Орешковицем и главой округа Бока-Которска Габриелем Ивачичем²³.

Австрийская пресса умело использовала эту возможность, чтобы обвинить русского капитана во вмешательстве во внутренние дела их страны. В связи с этим Венский двор из-за таких действий Ковалевского направил в Петербург ноту протеста²⁴. Непосредственный начальник Ковалевского Е.Ф. Канкрин направил в МИД его временному начальнику П.Г. Дивову официальное письмо об отзыве Ковалевского из Черногории. Учитывая отчет российского капитана об отсутствии следов золота в Черногории, а также в связи с кризисной ситуацией на границе с Австрией, для снятия возможной напряженности в русско-австрийских отношениях было принято решение, чтобы Ковалевский покинул Черногорию. С этим согласился и Николай I²⁵. В письме Д.П. Татищева к К.В. Нессельроде с приложением отчета Ковалевского о конфликте на Паштровской горе посол положительно оценил действия Ковалевского. «Г-н Ковалевский действовал исключительно исходя из соображений гуманности, что я одобряю, потому что результатом всего этого стало прекращение кровопролития», – подчеркивал Татищев. На письме К.В. Нессельроде сделал помету: «Г-н Ковалевский сделал хорошее дело»²⁶.

В середине сентября 1838 года Егор Петрович Ковалевский начал готовиться к возвращению на родину. Вместе с Ковалевским Негош отправил в Россию для получения образования и одиннадцатилетнего мальчика Джуро Томов-Давидовича, сына одного из черногорских сенаторов²⁷. Черногорский владыка воспользовался случаем, чтобы послать в связи с окончанием пребывания Е.П. Ковалевского в Черногории благодарственное письмо К.В. Нессельроде. В нем отмечалось, что, несмотря на тяжелые условия, Ковалевский, выполняя порученное ему дело, объехал всю Черногорию, а сверх того «оказал мне и Черногории большие услуги»²⁸. О содержании этого письма было доложено царю Николаю I в начале февраля 1839 г.

После отъезда из Черногории в начале января 1839 года Ковалевский, находясь уже в Вене, сообщал Негошу, что из одной итальянской газеты он узнал о новом конфликте между черногорцами и австрийцами, и попросил владыку сообщить об этом событии более подробно. В заключение он отмечал, что через десять дней направляется в Петербург, но никогда не забудет Черногорию²⁹. В Петербурге Е.П. Ковалевский по просьбе Негоша представил в МИД краткую записку «О Черногории», состоящую из 6 разделов и предназначенную для К.В. Нессельроде. В ней уделено внимание как проблемам внутренней жизни Черногории, так и сведениям внешнеполитического характера. В частности, Ковалевский отмечал активизацию британской политики в данном регионе Балкан и при этом отрицательную роль британского консула Н. Васоевича-Радоница, направленную на авантюристический план создания из племен Брды «особенного округа» под британским покровительством и с ним во главе³⁰. Эти планы были опасны как для Черногории, так и для России, поскольку могли негативно сказаться на российском влиянии в этом регионе. Опасность такого развития событий понимал и Петр II Негош, поэтому, как замечал Ковалевский, владыка выра-

жал пожелание о направлении в Черногорию постоянного представителя из России. «Черногория может истерзать сама себя, если покровительство России не будет над нею бдительным провидением, которое может изготовить блестящую участь для этого народа, сильного, юного и преданного России безгранично и безусловно», – замечал в конце записки Е.П. Ковалевский³¹. Сведения, доставленные Е.П. Ковалевским, получили высокую оценку не только в его горном ведомстве, но и в МИДе. Он был награжден орденом Святого Владимира с присвоением чина майора³².

Впоследствии Е.П. Ковалевский возвращался в Черногорию трижды. В 1852 г. он находился в Цетинье для оказания поддержки молодому князю Данило Петровичу. Затем в 1853 г. он принял участие в мирных переговорах в Подгорице после нападения турецких войск Омера-паши на Черногорию. С конца ноября 1853 г. по май 1854 г. Ковалевский находился на Балканах, чтобы организовать антитурецкое восстание против Османской империи. В тот период, по распоряжению русского правительства, он вручил Черногории помощь в размере 10000 рублей на приобретение хлеба, книг и церковной утвари. Е.П. Ковалевский отличился при обороне Севастополя во время Крымской войны, и за военные заслуги ему был присвоен чин генерал-майора. После этого происходит взлет его дипломатической карьеры. Он, находясь на должности директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел до 1861 г., принял самое деятельное участие в открытии российских дипломатических представительств в Сараево, Мостаре, Шкодре и Видине. Умер 2 октября 1868 года от последствий инсульта³³.

Подводя итоги, можно утверждать, что миссии российских офицеров – подполковника Я.Н. Озерецковского и капитана Е.П. Ковалевского – в Черногорию завершились успешно. С их прибытием черногорский владыка Петр II Петрович Негош усилил свое влияние в стране и установил более тесные отношения с Россией. Секрет успеха

двух офицеров заключался в том, что перед тем, как отправиться на выполнение своих задач, они четко понимали, зачем направляются в Черногорию и какие возможные трудности их там подстерегают. Направляясь в Черногорию, Я.Н. Озерецковский столкнулся с серьезными проблемами. Свое поручение он получил в крайне неблагоприятное время, когда черногорский правитель подвергался критике и необоснованным нападениям со стороны русского двора, результатом которых стало ухудшение русско-черногорских отношений, что в свою очередь привело Петра II Негоша к мысли отправиться в Париж³⁴. Существенным обстоятельством для его миссии в Черногорию было то, что, находясь при исполнении служебных обязанностей в Вене, он имел в своем распоряжении материалы о Черногории и был довольно хорошо ознакомлен с ситуацией в ней. Для такой бедной страны, окруженной со всех сторон врагами, доклады и донесения, которые Я.Н. Озерецковский направлял в Вену и Петербург, имели жизненно важное значение. Благодаря сведениям о географическом, экономическом, политическом и военном положении этой балканской страны, ему удалось убедить российское руководство в том, что Черногория безоговорочно преданна России. Его положительная роль в решении проблем Черногории подтверждается и тем фактом, что на основании его постоянных и настойчивых обращений российские власти одобрили столь необходимую для Черногории помощь зерном, спасая таким образом тысячи жизней. Я.Н. Озерецковский стремился всемерно помочь Черногории и ее правителю даже в период своей болезни, заставившей его покинуть Черногорию.

Заметные результаты оставил после себя и капитан, горный инженер Е.П. Ковалевский. Он провел почти четыре месяца в Черногории, изучая ее геологические, экономические, сельскохозяйственные и военные возможности. Как и Я.Н. Озерецковский, Е.П. Ковалевский своевременно предоставлял российскому руководству са-

мые различные и разнообразные сведения о Черногории и ее правителе. Оказавшись неожиданно для себя в роли переговорщика во время черногорско-австрийского конфликта, Ковалевский предотвратил дальнейшую его эскалацию, а возможно, даже и более крупное военное столкновение между Австрией и Черногорией. Е.П. Ковалевский решился пойти на этот шаг, движимый идеей, что черногорский народ имеет историческое право бороться за свою веру и свободу, а его действия были одобрены российским двором и императором Николаем I.

Из Черногории оба русских офицера привезли самые теплые воспоминания о стране и завоевали дружбу и любовь черногорского владыки и его народа. Об этом свидетельствуют письма, которые они отправляли Негошу после отъезда из Черногории. Своей энергичной и целенаправленной деятельностью они способствовали тому, что эта маленькая славянская страна была в самом выгодном свете представлена в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830-1850-е гг.). Документы / Ответственные редакторы: Ю.П. Аншаков, Р. Распопович. Составители: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.И. Хитрова. М., 2013. Док. 153. С. 409-410.
- ² Вуксан Д. Писма Озерецковског, Ковалевског и Чевкина ... С. 9.
- ³ Хитрова Н.И. Дипломатическая деятельность Е.П. Ковалевского в 30-х – 50-х годах XIX века // Портреты российских дипломатов. 1991. С. 115-116.
- ⁴ Петр II Петрович Негош и Россия... Док. 157. С. 417-418.
- ⁵ Павићевић Б. Меморандум Јегора Петровића Ковалевског о Црној Гори 1838. године // Историјски записи. 1967. № 24. С. 214-215.
- ⁶ Петр II Петрович Негош и Россия... Док. 164. С. 435-436.
- ⁷ Там же. Док. 165. С. 438-439.
- ⁸ Там же. Док. 163. С. 434-435.
- ⁹ Миловић Ј.М. Петар II Петровић Његош у свом времену. ЦАНУ. Титоград. 1984. С. 295.
- ¹⁰ Павићевић Б. Меморандум Јегора Петровића

- Ковалевског... С. 218.
- ¹¹ Миловић Ј.М. Петар II Петровић Његош у свом времену. С. 296.
 - ¹² Павићевић Б. Меморандум Јегора Петровића Ковалевског... С. 219.
 - ¹³ Аншаков Ю.П. Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах. Жизнь общества, становление государства, освободительная борьба, внешняя политика (1711-1860 гг.). М., 2019. С. 362-363.
 - ¹⁴ Петр II Петрович Негош и Россия ... Док. 176. С. 465.
 - ¹⁵ Там же. Док. 176. С. 465-469.
 - ¹⁶ Аншаков Ю.П. Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах... С. 363; Петр II Петрович Негош и Россия. Док. 177. С. 470.
 - ¹⁷ Петр II Петрович Негош и Россия. Док. 177. С. 471.
 - ¹⁸ Павићевић Б. Меморандум Јегора Петровића Ковалевског... С. 220.
 - ¹⁹ Пејовић Ђ. Д. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Народна књига. Београд. 1981. С. 334.
 - ²⁰ Историја српског народа. У 6 Књига. Књ. 5: Т. 1. Од првог устанка до Берлинског конгреса, 1804 – 1878. Ур. Стојанчевић В. Београд, 1981. С. 195-196.
 - ²¹ Миловић Ј.М. Петар II Петровић Његош у свом времену. С. 297-298.
 - ²² Аншаков Ю.П. Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах... С. 426. Прим.143; Петр II Петрович Негош и Россия... Док. 179. С. 473-474.
 - ²³ Миловић Ј.М. Петар II Петровић Његош у свом времену. С. 305.
 - ²⁴ Хитрова Н.И. Дипломатическая деятельность Е.П. Ковалевского... С. 118.
 - ²⁵ Петр II Петрович Негош и Россия... Док. 182. С. 478-479.
 - ²⁶ Там же. Док. 180. С. 475-476.
 - ²⁷ Забегая вперед, заметим, что на аудиенции у императора на вопрос, заданный Николаем I Джуро, в какую службу он желал бы быть направлен, тот показал на мундир горного инженера Е.П. Ковалевского, а самому Николаю I, показавшему на свой гвардейский мундир, юный черногорец ответил, что мундир Ковалевского лучше. Начав обучение в Корпусе горных инженеров, он затем все же перешел на воинскую службу в один из полков (Там же. С. 496. Прим. 1).
 - ²⁸ Петр II Петрович Негош и Россия... Док. 181. С. 477.
 - ²⁹ Вуксан Д. Писма Озерецковског, Ковалевског и Чевкина... С. 16.
 - ³⁰ Петр II Петрович Негош и Россия... Док. 189. С.

494-495. О богатом различными авантюрами российском следе в чрезвычайно извилистой биографии Н. Радони́ча-Васоевича (настоящее имя Николай Милошевич) см.: *Аншаков Ю.П.* Черногория - «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах... С. 370-371.

³¹ *Аншаков Ю.П.* Черногория – «соколиное гнез-

до» свободы на Балканах ... С. 365.

³² *Павићевић Б.* Меморандум Јегора Петрови́ча Ковале́вског... С. 227-228.

³³ *Хитрова Н. И.* Дипломатическая деятельность Е.П. Ковале́вског... С. 122-133.

³⁴ *Павићевић Б.* Његош и Јаков Николајеви́ч Озерецковски... С. 7.

RUSSIAN DIPLOMACY IN THE BALKANS: MISSION OF YA. OZERECKOVSKY AND E. KOVALEVSKY IN MONTENEGRO (1837 - 1838). Part 2

© 2022 M. Milosevic, S. Stanojevic

University of Pristina – Kosovska Mitrovica, Serbia

The paper is devoted to the activities of Russian officers and envoys of the St. Petersburg government during the reign of Bishop Petar II Petrović Njegoš in Montenegro. Their arrival in Cetinje at that time was of great importance not only for strengthening Montenegrin-Russian relations, but also for settling the internal and external situation in Montenegro. The appointment of Lieutenant Colonel Jakov Nikolajevich Ozereckovski took place immediately after Njegoš's second visit to the Russian capital. Ozereckovski's tasks were to study the social and economic situation in Montenegro as comprehensively as possible, as well as to contribute to the state reforms of Petar II Njegoš. Based on his reports, the Russian government decided to send a new envoy to Montenegro, a young captain and mining engineer Yegor Petrovich Kovaljevski. Although he failed to find the alleged traces of gold in the river Zlatica, Kovaljevski nevertheless unexpectedly found himself in the role of a talented negotiator during the Montenegrin-Austrian border dispute, and his actions contributed to the successful resolution of the conflict.

Keywords: Montenegro, Russia, Petar II Petrović Njegoš, Ya.N. Ozereckovski, E.P. Kovaljevski, reports, statistical and geographical information.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-85-92

The beginning of the article was published in "Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences". 2022, Volume 4, Number 1. P. 69-77.

Miroslav Milosevic, Doctoral Student, Department of History, Faculty of Philosophy.

E-mail: mikizinjo@gmail.com

Sasa Stanojevic, Dr. Sc. in History, Associate Professor, Department of History, Faculty of Philosophy.

E-mail: sasa.stanojevic@pr.ac.rs

УДК 54

**РАЗВИТИЕ НАУКИ О ПОЛИМЕРАХ В 1950-1970 ГОДЫ:
РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ УЧЕНЫХ-ХИМИКОВ**

© 2022 Н.Ф. Банникова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 04.04.2022

В статье, опираясь на архивные материалы, раскрывается вклад ученых и специалистов Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова (НИФХИ им. Л.Я. Карпова), научных школ института, руководимых академиками С.С. Медведевым и В.А. Каргиным, в развитие науки о полимерах. Обращено внимание на значение международных связей ученых для развития физико-химической науки в целом, химии высокомолекулярных соединений в частности. Особое внимание уделено работе лаборатории НИФХИ им. Л.Я. Карпова под руководством академика В.А. Каргина, его международной деятельности. Выделена роль Государственного комитета Совета министров СССР по химии в осуществлении международных контактов ученых СССР с исследователями стран-участников Совета экономической взаимопомощи, стран Запада, США и др.

Ключевые слова: наука, исследования, полимеры, международное сотрудничество, научные школы, лаборатории, высокомолекулярные соединения, отраслевые институты.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-93-103

Проникая в глубокие тайны материи и постигая закономерности ее поведения, наука создает основы появления новых производственных процессов. Это является основой новых связей науки и производства. Академии наук ведущих стран Запада, США, СССР и Японии, а также научно-исследовательские институты и отраслевые лаборатории в 1950-1970 годы тесно сотрудничали, внося огромный вклад в развитие мировой науки и научно-технического прогресса. В центре исследований мирового научного сообщества стояли вопросы использования ядерной энергии в мирных целях, создания новых материалов и другие.

В послевоенный период в мире вырос авторитет советской страны, и авторитет советских ученых. Как отмечал один из руководителей Международного Совета научных союзов, бельгийский ученый-астроном

профессор А. Кокс, «дальнейшее развитие мировой науки невозможно без непосредственного участия советских ученых».

В 1945 году, в тяжелое послевоенное время, по случаю празднования 220-летия Академии наук СССР в Советский Союз прибыло 123 известных ученых из 19 стран мира. Выдающийся американский ученый-физик И. Лангмюир в выступлении подчеркнул, «что большое расстояние, разделяющее США и СССР, не мешает ученым за океаном внимательно следить за великолепными трудами советских ученых по физике и химии, которые по праву занимают одно из первых мест в этих науках»¹.

Авторитет Академии наук СССР стал еще более высоким после вступления в Международный Совет научных союзов в 1955 году. В этом же году АН СССР провела специальную сессию, посвященную вопросам использования атомной энергии в мирных целях. На сессии присутствовали ученые и специалисты из 42 стран мира.

Банникова Наталья Федоровна, кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии. E-mail: kafot100@mail.ru

Особую роль в укреплении контактов ученых играло их участие в международных неправительственных научных организациях: Международном Совете научных союзов (МСНС), Всемирной федерации научных работников, Пагуошском движении ученых, объединяющих наиболее передовые слои научной общественности. Важно, что Пагуошское движение (первое заседание состоялось в Канаде в местечке Пагуош, 1955 г.) было создано по инициативе 10 выдающихся ученых, среди которых были А. Эйнштейн, Н. Бор, Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассел, Л. Инфельд и др. Они выступили с Манифестом об использовании ядерной энергии только в мирных целях². Поэтому в условиях нового обострения международной напряженности и нарастания военной угрозы обращение к научному международному сотрудничеству имеет особое значение.

В послевоенные годы успешно развивались исследования по изучению химических и физико-химических процессов. Синтетическая химия стала поставщиком важнейших материалов для новой техники. Интенсивное расширение производства полимерных материалов требовало расширения объема исследований, направленных на выяснение теоретических основ прочности, взаимозависимости между химическим составом, структурой и термостойкостью материалов, на синтез материалов с повышенной долговременной устойчивостью к действию высоких температур. Наука о полимерах – огромная, чрезвычайно разветвленная и быстро развивающаяся область знаний, включающая разделы органической и физической химии, физики и механики, получила первостепенное значение.

В данной статье, опираясь на архивные материалы, сделана попытка раскрыть вклад ученых и специалистов Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова (НИФХИ им. Л.Я. Карпова) и в первую очередь руководителей научных школ академиков С.С. Медведева и В.А. Каргина в решение задач мировой нау-

ки о полимерах, показать роль международных связей ученых в развитии науки.

В НИФХИ им. Л.Я. Карпова проблемами полимеризации занимались уже в 1930-е годы в лабораториях под руководством академика А.Н. Баха и профессора С.С. Медведева. Именно С.С. Медведев доказал, что полимеризация – цепной процесс. Его исследования получили признание в нашей стране и за рубежом. Фундаментальные исследования С.С. Медведева стали основой для создания промышленных процессов синтеза многих полимеров.

В послевоенные годы в НИФХИ стали развиваться новые научные направления физико-химических процессов. В лаборатории полимерных процессов С.С. Медведева уделяли большое внимание созданию теоретических основ синтеза термостойких полимеров, необходимых для создания новой техники. В 1952 году в институте под руководством С.С. Медведева были закончены совместные со специалистами института «Гипрокаучук» работы по разработке метода скоростной полимеризации, обеспечивающего получение каучуков, не требующих термoplastикации. Была начата работа по проверке метода на заводе.

Для повышения эффективности исследований по этому направлению в институте в 1954 году была создана группа лабораторий высокополимеров, в которую входили: лаборатории коллоидной химии, полимерных процессов, синтеза и строения металлоорганических соединений. Ученые этой группы лабораторий не только занимались теорией высокомолекулярных соединений, но и систематически оказывали помощь в организации производственного процесса специалистами предприятий³.

Ученое сообщество признало заслуги С.С. Медведева и его школы в области полимеризации. Многие его ученики стали крупными учеными: Х.С. Багдасарян, А.Д. Абкин и др. Ученый совет НИФХИ рекомендовал его к избранию в действительные члены АН СССР. При обсуждении его кандидатуры на заседании Ученого Совета института кол-

леги отмечали ценность исследований С.С. Медведева и его школы в области ионной и радикальной полимеризации, его вклад в развитие полимерных производств синтетического каучука (В.А. Каргин). При этом С.С. Медведев был замечательным педагогом, много лет читающим оригинальный курс «Кинетика и механизм полимерных процессов» в Московском институте тонких химических технологий. Его исследования известны ученым США, Германии, Франции, Чехословакии и других стран (П.И. Зубов)⁴.

20 июня 1958 года С.С. Медведев был избран действительным членом АН СССР по Отделению химических наук, по специализации «Химия высокомолекулярных соединений».

На состоявшемся в июле 1958 года совещании при председателе Государственного комитета Совета министров СССР по химии С.М. Тихомирове по итогам работы НИФХИ им. Л.Я. Карпова за 1957 год было принято развернутое решение. Отмечалась многогранная научно-исследовательская работа коллектива института, его тесные связи с отраслевыми институтами и лабораториями. Особо выделялись широкие связи с зарубежными учреждениями по важнейшим научно-исследовательским направлениям и вклад научных школ в развитие физико-химической науки, особенно по проблемам полимеризации.

На совещании обсуждались и вопросы технического оснащения лабораторий, наличия площадей и другие проблемы. В решении совещания было подчеркнуто, что НИФХИ должен быть опорой Госхимкомитета в деле развития всего нового в области химии и химической промышленности. Институт должен возглавить решение всех вопросов крупного масштаба в области теоретической и практической химии, которые поставлены перед отраслевыми институтами и заводскими лабораториями⁵.

Кроме этого, был затронут вопрос о публикациях научных работ. Ведущие ученые НИФХИ им. Л.Я. Карпова проявили беспокойство по поводу публикаций научных

работ в области физической химии. Отправленные в печать статьи задерживались от одного до полутора лет, из-за чего научные работы в значительной степени обесцениваются. Результаты исследований не могут быть своевременно доведены до специалистов отраслевых институтов и промышленности⁶.

Решению задач в области физической химии в институте способствовало усиление коллектива кадрами высшей квалификации. Только с 1949 года по 1956 год по проблемам полимеризации 8 сотрудников защитили докторские диссертации: Зубов П.И., Багдосарян Х.С., Веселовский М.А., Абкин А.Д., Колотыркин Я.М., Проскурнин М.А., Варшавский Д.М., Тагер А.А.⁷ Это обеспечивало высокий уровень Ученого совета НИФХИ, в котором работали известные не только в СССР, но и в мире ученые – академики Каргин В.А., Медведев С.С., члены-корреспонденты АН СССР – Кочешков К.Л., Петрянов И.В. и др. Поэтому на Ученом совете НИФХИ 8 сентября 1958 года было принято решение образовать при Ученом совете секцию по полимерам, а также поставить вопрос в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР о предоставлении секции права приема к защите кандидатских диссертаций, что впоследствии было осуществлено⁸.

1958 год – юбилейный для НИФХИ им. Л.Я. Карпова – 40 лет научной и практической деятельности института. Давая оценку работе коллектива, в своем докладе директор института профессор Я.М. Колотыркин отметил: «Было выполнено большое число крупных теоретических исследований и решен ряд практических задач, имеющих важное значение для народного хозяйства. Ряд ученых за выдающиеся научные работы и изобретения награждены Государственными премиями. За эти годы было опубликовано свыше 3500 научных работ, охватывающих все важнейшие разделы физической химии, выпущен ряд монографий и сборников. Институт в своем составе имел 18 научно-исследовательских лабораторий,

в которых работало 2 академика, 5 членов-корреспондентов АН СССР, 15 докторов наук и около 90 кандидатов наук»⁹.

В соответствии с общими задачами, поставленными Госхимкомитетом перед ведущими лабораториями института проводились исследования: 1) с целью получения полимерных материалов, обладающих свойствами, которые отвечают условиям их дальнейшего применения (лаборатория полимеризационных процессов, С.С. Медведев); 2) изыскания новых путей перестройки полимерных материалов с целью разработки основных принципов получения каучуков, пластиков с заданной структурой. Исследование молекулярного механизма структурообразования в полимерных растворах и студнях (лаборатория коллоидной химии, В.А. Каргин); 3) а также – процессы, возникающие в полимерных материалах в условиях различных воздействий (повышение температуры, агрессивные среды, ядерные излучения (лаборатория радиационной химии, В.Л. Карпов); 4) изучается синтез металлоорганических соединений и их свойства, строение и область применения (лаборатория синтеза и строения металлоорганических соединений, К.А. Кочешков)¹⁰.

Для более эффективного распространения результатов исследований в области полимеризации необходим был специальный журнал. Академик Каргин В.А. обращал на этот вопрос внимание Академии наук. С 1959 года по его инициативе начал издаваться журнал «Высокомолекулярные соединения», главным редактором которого он был длительное время. Сотрудники НИФХИ регулярно печатались и в этом журнале, и в сборниках докладов АН СССР.

Государственный комитет Совета министров СССР по химии под председательством С.М. Тихомирова, проанализировав работу этих лабораторий и в целом работу НИФХИ в 1959 году, отметил высокие достижения в области полимеризации. Поэтому Госхимком принял решение и в дальнейшем концентрировать ученых института

на исследованиях, связанных в основном с созданием технических полимерных материалов. В связи с этим в соответствии с приказом № 464 от 8 августа 1959 г. был пересмотрен план развития главных научных направлений НИФХИ и была проведена реорганизация. Лаборатория комплексных твердых соединений (КТС) в полном составе во главе с профессором Б.Ф. Ормонтом была передана в состав Всесоюзного института чистых химических реактивов (ИРЕА, директор В.Т. Брудзь). Причем сотрудники КТС переводились с собственной тематикой исследований и сохранением занимаемых должностей и окладов. И пока в ИРЕА не будут созданы условия, лаборатория будет оставаться на территории НИФХИ¹¹.

А в апреле 1959 года по решению Госхимкомитета «Об организации Научно-исследовательского института технико-экономических исследований (НИИТЭХИМ)» из НИФХИ в этот институт была передана Межотраслевая лаборатория технико-экономических исследований и научно-технической информации. Это было связано с необходимостью расширения полиграфической базы. А в НИФХИ в связи с усилением внимания на главные направления исследований такой возможности не было¹².

Для ученых НИФХИ им. Л.Я. Карпова всегда было характерно активное международное сотрудничество с учеными ведущих университетов, лабораторий и научных организаций. Важным вопросом, который волновал международное научное сообщество в послевоенный период, и прежде всего физиков и химиков, было использование атомной энергии. Организация Объединенных наций (ООН) совместно с Международным Советом научных союзов с 1955 года стала проводить Международные конференции ученых по вопросам использования атомной энергии в мирных целях. Ученые НИФХИ принимали участие в этих важнейших форумах. Так, в составе делегации АН СССР в I Международной конференции ООН в Женеве в 1955 году участвовал С.С. Медведев. А на II Международной конференции

по мирному использованию атомной энергии (Женева, 1958 г.) были представлены доклады представителей НИФХИ: Я.М. Колотыркина, А.Н. Праведниковой, С.С. Медведева, Н.Н. Туницкого, М.А. Проскурина¹³.

Академик Каргин В.А. в июне 1959 года принял участие в V Международной конференции по химии и на Выставке химической промышленности и пластических материалов (г. Лондон, Англия). А также в г. Висбадене (ФРГ) в конференции по полимерам и на Международной ярмарке пластмасс. Международное сотрудничество имело громадное научное и практическое значение. Так, посещение выставок позволяло узнавать, как идет развитие промышленного производства полимерных материалов в других странах, помогало определить задачи для преодоления отставания, если оно имелось, по важным вопросам, изучению опыта работы промышленных специалистов.

Доктор химических наук П.П. Шорыгин и кандидат химических наук Д.И. Шигорин в этом году участвовали в IV Международном коллоквиуме по молекулярной спектроскопии. Ученые НИФХИ ознакомились с их достижениями и представили свои наработки в вопросах спектроскопии, получили новую информацию о проводимых исследованиях за рубежом. На основе обмена информацией были сделаны практические выводы о необходимости форсирования разработок и подготовке к серийному выпуску спектрометров для ядерного магнитного резонанса, был сделан вывод о необходимости командировок для конструкторов спектральных приборов на международные выставки¹⁴.

В конце 1950-х годов в связи с развитием производства полимерных материалов в стране серьезное внимание уделялось повышению эффективности научных исследований в НИИ и Институтах АН СССР. Но для успеха в решении главных производственных задач необходима была реконструкция промышленных предприятий, открытие новых производственных лабораторий. Об этом и других задачах по развитию науки о полимерах и их практическом применении

говорил академик В.А. Каргин в своем докладе «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности АН СССР» на Всесоюзном совещании научных работников в Кремле 12-14 июля 1961 г.¹⁵. Это совещание имело большое практическое значение.

Необходимость практического применения полимерных материалов привело ученых к пониманию важности механических свойств пластмасс. Без решения этой проблемы создание новой техники было затруднено. Над этой проблемой активно работали многие ученые, но эффективные результаты были у академика В.А. Каргина и его учеников. Их результаты были опубликованы. Особый резонанс имела опубликованная в 1962 году статья в журнале «Пластические массы» №5, подготовленная В.А. Каргиным совместно с Ю.М. Малиновским и С.Б. Ратнером «Развивать механику пластмасс». Каргиным В.А. впоследствии был подготовлен первый выпуск нового журнала «Механика полимеров». Ф.Он всегда считал, что научные журналы являются важнейшим и основным средством взаимной информации ученых и инженеров различных специальностей.

В институтах Госхимкомитета совместно с научными академическими организациями была развернута в стране интенсивная исследовательская работа. И в 1962 году за разработку методов синтеза новых типов полимеров, среди которых полимеры с сопряженными двойными связями нашли практическое применение, были удостоены Ленинской премии академики А.В. Топчиев, В.А. Каргин, доктора химических наук В.А. Кренцель и Б.Э. Давыдов¹⁶.

В пятидесятые годы в связи с созданием в 1949 году Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) развивались связи ученых стран, входящих в это объединение. В рамках сотрудничества государств при СЭВ совместные исследования ученых в области физической химии координировались постоянной комиссией по химии. Большую помощь в осуществлении международ-

ных контактов ученых осуществлял Отдел внешних сношений при Государственном комитете Совета министров СССР по химии. Отдел не только принимал участие в разработке и контроле выполнения планов научно-исследовательского сотрудничества, но и в переводе статей для публикаций, организации командировок в научные центры других стран с целью изучения зарубежного опыта.

Одной из проблем, над которыми работали ученые стран-участников СЭВ в конце 1950-х гг., было «Усовершенствование катализатора для прямого окисления этилена в окись этилена». Ведущей научной координирующей исследовательскую работу организацией был назначен НИФХИ им. Л.Я. Карпова (ответственный руководитель – профессор Г.К. Боресков). Был принят совместный план работы научных учреждений, подписанный Научно-исследовательским институтом химической промышленности г. Софии (Болгария), Исследовательским институтом петрохимии г. Новаци (Чехословакия), Венгерским исследовательским институтом нефти и природных газов в г. Будапеште и другими организациями Польши, Румынии и Германской демократической республики. Кроме этого на совещании ученых стран-участниц СЭВ в феврале 1959 года было решено, что советские ученые разработанный ими проект производства окиси этилена в НИФХИ передадут в организации ГДР и ЧСР для автоматизации и разработки методов регулирования процессом¹⁷.

На основании соглашений о сотрудничестве между СССР и странами СЭВ ученые приезжали в Союз для консультаций и на стажировки. Так, только в 1961 году польские специалисты получили консультации ученых НИФХИ: два специалиста - по теме: «Применение изотопов в научно-исследовательской работе», пять ученых – по теме «Радиационная химия». Венгерский ученый Шандор Янош – по проблемам электрохимии. Р. Отто – ученый из Берлина – по вопросам обменных реакций изотопов¹⁸.

Согласно совместному плану работ между АН СССР и АН Чехословакии состоялся обмен специалистами из НИФХИ, Института молекулярной химии (г. Брно), Института синтетических смол и лаков (г. Пардубице) с целью обмена опытом работ в области изучения адгезии полимеров¹⁹. В НИФХИ им. Л.Я. Карпова прошел обучение стипендиат Международного агентства по мирному использованию атомной энергии поляк Л. Гжелевский. А инженер из Института неорганической химии Горной академии (г. Фрайберг) З. Шанхер целый год обучался по проблеме радиационного химического синтеза аммиака и окисления, и др.²⁰.

НИФХИ оказывал помощь ученым стран-участниц СЭВ в разработке научных исследований, в организации конференций, издании совместных сборников научных работ и т.п. На регулярно проводимых совещаниях ученых стран СЭВ обсуждались не только проделанные по совместному плану работы, но и планировались конкретные исследования. Важно, что при постоянной комиссии активно работала группа информации.

Активно сотрудничали Академии наук разных стран. Так, в рамках выполнения комплексных работ по проблеме «Высокомолекулярные соединения» на 1960 г. между головными институтами АН СССР и Академии наук Чехословакии был заключен договор, в котором от обеих сторон были взяты определенные обязательства. С советской стороны участвовали: Институт элементоорганических соединений АН СССР, Институт химической физики АН СССР и др. От Чехословацкой АН – Институт макромолекулярной химии (г. Прага), Лаборатория электронной оптики (г. Брно), Институт технологии и испытания материалов (г. Прага) и др.²¹.

Академик В.А. Каргин был представителем советско-чехословацкой Комиссии по сотрудничеству АН СССР и АН Чехословакии в области макромолекулярной химии, руководил коллективом специалистов стран СЭВ по вопросу «Применение полимеров в народном

хозяйстве». Подготовленный В.А. Каргиным и Г.Л. Слонимским учебник «Введение в физическую химию полимеров» (1960 г.) вызвал большой интерес среди ученых, в том числе и зарубежных. В 1963 году он был издан в Праге в издательстве «Чешская книга», а в 1964 году - в Венгрии (г. Будапешт)²²

Ученые НИФХИ им. Л.Я. Карпова активно сотрудничали с Пекинским научно-исследовательским институтом химической промышленности Китая (директор Лин Хуа). Между институтами велась активная переписка. В НИФХИ прошел стажировку специалист из Китая Чжан Чжи-Пин, а специалисты Ван Вен Си и Сунь Тянь Фу консультировались, знакомились с работами по катализу и по применению меченых атомов в катализе и пр.

Выполнение контрактных работ контролировала Советско-Китайская Комиссия по научно-техническому сотрудничеству (от советской стороны ученым секретарем был Ф. Клейменов). Комиссия следила за выполнением планов, обеспечивала командирование советских специалистов в КНР для оказания технической помощи и руководила приемом китайских специалистов в СССР для обучения и прохождения практики по специальным контрактам.

Осуществлялся обмен специалистами для ознакомления с производственным опытом и научно-техническими достижениями. НИФХИ оказывал Пекинскому институту и конкретную техническую помощь: передал два циркуляционных насоса и техническую документацию к ним, а также и на установки источников излучения²³.

Важно подчеркнуть, что ученые НИФХИ активно сотрудничали по важнейшим проблемам полимерной науки и техники не только со странами СЭВ, но и многими ведущими научными центрами США, Канады и Западной Европы. Принимали участие в важнейших международных симпозиумах и конференциях, приглашались к участию в международных изданиях.

О высоком авторитете советских ученых-химиков свидетельствует и тот факт,

что несмотря на «холодную войну» в проводимых в Москве научных конференциях принимали участие многие ведущие ученые мира. Так, на состоявшемся в Москве с 14 по 18 июня 1960 года Международном симпозиуме по макромолекулярной химии было заслушано 12 докладов ведущих ученых по важнейшим проблемам науки о полимерах. С докладами выступили: Эрих, Грегор, Фиори, Фридлиндер (США), Качальский (Израиль) и др.

Ведущие ученые Бельгии, Франции, США, Канады, Англии – участники симпозиума, особый интерес проявили к исследованиям ученых НИФХИ. Они не только посетили лаборатории института, но и читали свои лекции: доктор Майн из Англии, доктора Жиллет Р., Ленерс Р., Энгелер А., Томпа Г. – из Бельгии.

Многие встречались и беседовали с ведущими специалистами физической химии: Боресковым Г.К., Каргиным В.А., Колотыркиным Я.М., Медведевым С.С. Всего НИФХИ им. Л.Я. Карпова с 16 по 24 июня посетило 24 иностранных ученых, представителей фирм и лабораторий. Это способствовало укреплению контактов между учеными, развитию новых связей, обмену опытом и в целом развитию мировой науки²⁴.

О вкладе ученых НИФХИ им. Л.Я. Карпова в мировую науку свидетельствует издание их трудов в зарубежных издательствах. Так, статьи члена-корреспондента АН СССР Борескова Г.К. систематически печатались в издательстве Краковской горной академии в Польше. Рукопись монографии профессора А.И. Шатенштейна «Изотопный обмен и замещение водорода в органических соединениях» для обсуждения в научном мире в марте 1960 года была разослана ученым в 11 стран мира (Канада, Израиль, США, Англия, Швеция, Голландия, Федеративная республика Германия, Китай, Польша, Чехословакия, Венгрия). Были даны рекомендации ведущих ученых: Собчиком (Польша), Беллом, Брис-Смитом (Англия), Креллом (ГДР), Чжан Цин-Лянем (Китай) и др. В 1961 году монография была издана в ГДР²⁵.

Интересно, что, когда в 1960 году в США был открыт новый Институт полимеров, директор НИФХИ Я.М. Колотыркин был приглашен к участию в составлении материалов специальной брошюры. В нее была включена статья с двумя фотографиями «Достижения НИФХИ им. Л.Я. Карпова в области исследования полимеров»²⁶. География сотрудничества, личных контактов ученых НИФХИ охватывала почти весь земной шар. Вот только некоторые примеры: Я.М. Колотыркин переписывался с докторами Доссом (Индия), М. Штерном (США), А.И. Шатенштейн – с профессором Макаре (Голландия), Г.С. Боресков – с профессором Эльгивилем (Франция), В.И. Веселовский – с Дрезденским институтом ядерной физики.²⁷

В связи с изменением представлений о структуре полимеров в 1960-е годы появилась необходимость осуществления новых подходов в общей и инженерной механике полимеров. И уже в 1963 году специалистами научной школы В.А. Каргина были получены и подготовлены материалы по изучению структурных изменений в полимерах, возникающих при их деформировании в экстремальных условиях. «...Успехи в исследовании физического строения полимеров за последние 5-8 лет существенно изменили прежние представления о макромолекулярных веществах как о системе перепутанных, статически расположенных цепей без элементов упорядочения... В самое последнее время началось развитие новой области физики полимеров – так называемой структурной механики... Это направление исследований таит богатые возможности для существенного повышения механических свойств полимерных материалов путем управления процессами структурообразования в них», – отмечали в совместной статье В.А. Каргин и Н.А. Платэ в журнале ВХО им. Д.И. Менделеева», №9, 1964 год.

Представления о надмолекулярной структуре полимеров, развитые школой В.А. Каргина, были изложены в докладе «Связь надмолекулярной структуры с механическими свойствами полимеров», под-

готовленном В.А. Каргиным, Г.Л. Слонимским, Т.И. Соголовой, представленном в 1966 году в Монреале на симпозиуме инженерно-технических работников промышленности полимеров в Канаде. Его ученики периодически печатали результаты своих исследований за рубежом, что подтверждало авторитет школы в науке. Например, в ж. «Химия и индустрия», издаваемом Обществом химической индустрии в г. Лондоне, в ж. «Электронная микроскопия» (Оксфорд, Англия), в ежеквартальном рецензируемом журнале, освещающем фундаментальные исследования и технические разработки в области химии, материаловедения и инженерии каучука, эластомеров и родственных материалов – Rubber Chemistry and Technology. Обзор и глубокий анализ исследований по изучению структурных изменений в полимерах был дан в статье В.А. Каргина и Г.Л. Слонимского «Механические свойства полимеров». Статья была опубликована в 1968 году в многотомной «Научно-технической энциклопедии полимеров», изданной в США²⁸. В статье «Полимеры в медицине» (совместной с Платэ Н.А.), опубликованной в Вестнике Академии наук СССР в 1969 году, утверждалось, что «полимеры как конструктивные материалы и как новый тип лекарственных веществ имеют большое будущее. Интерес к полимерной химии усугубляется тем обстоятельством, что исследования в этом направлении должны принести человечеству колоссальную практическую пользу...»²⁹.

В.А. Каргин был инициатором создания в нашей стране Всесоюзного научно-исследовательского института «Медполимер» в системе Министерства медицинской промышленности СССР. А также органа, координирующего работы в этой области, – Научного совета при Государственном комитете по науке и технике СССР по проблеме «Синтетические полимеры медицинского назначения», который возглавил один из его учеников член-корреспондент АН СССР Платэ Н.А. Прозорливость ученого определила работы в последующие годы

в области полимеров медико-биологического назначения.

В этот период осуществлялось и стремление людей выйти за пределы Земли, началась эра освоения космоса. Перед химической наукой встал ряд новых задач по созданию новых материалов для космических аппаратов, созданию прочных и удобных скафандров и др. Все эти вопросы стали предметом обсуждения на Международном конгрессе химиков в г. Амстердаме (1962 г.), в котором принимал участие В.А. Каргин. «...Полеты в космос позволяют ученым и специалистам на практике проверить свойства многих синтетических материалов и сплавов... Это помогает определить пути, по которым пойдут наука и техника в будущем... В 1936 году два величайших ученых - физика Альберт Эйнштейн и Эрнст Резерфорд утверждали, что освоение ядерной энергии в промышленных масштабах произойдет лишь в XXI веке. Как известно, в действительности оказалось иначе. Таким образом, мы видим, что действительность обгоняет самые смелые мечты...», - писал В.А. Каргин еще в 1962 году³⁰.

Признанием вклада советских ученых в развитие физической химии стало и то, что многие авторские свидетельства на изобретения ученых НИФХИ были запатентованы во многих странах. Так, способ получения высокомолекулярного растворимого подпалисового спирта, разработанного в 1967 году коллективом под руководством В.А. Каргина (в составе: Полак Л.С., Зубов В.П., Куликова В.Ф., Кабанов В.А.), с 1968-го по 1972 г. был запатентован в 11 странах мира, среди которых: Италия, Бельгия, Венесуэла, Мексика, Франция, Япония и др.³¹

В послевоенные годы возобновил свою деятельность Международный союз теоретической и прикладной химии (ИЮПАК), основанный еще в 1919 году в Париже. В различных комиссиях и комитетах ИЮПАК работали и ученые НИФХИ им. Л.Я. Карпова: академики Н.М. Жаворонков, В.А. Каргин, Я.М. Колотыркин, член-корреспондент АН СССР Платэ Н.А. и др. ИЮПАК активно

работает и в настоящее время. В 2019 году состоялся в Париже его 47-й Международный конгресс³².

Академик Каргин В.А., являясь членом Комиссии по макромолекулярной химии ИЮПАК, был одним из организаторов проведения международных встреч ученых. В 1960 году он был председателем Оргкомитета Московского симпозиума ИЮПАК. Каргин В.А. возглавлял делегации советских ученых на конгрессах ИЮПАК: в Висбадене (1959), Монреале (1961), Париже (1963), Праге (1965), Торонто (1968), Сиднее (1969).

В.А. Каргин всю свою научную жизнь способствовал укреплению научных связей между различными странами, выступал с лекциями и докладами в зарубежных университетах и научных центрах, способствовал установлению тесных научных контактов в области физической химии полимеров. Он был постоянным членом Пагуошских конференций, участником пяти конференций. Каргин В.А. принимал активное участие в организации и подготовке 19-й Пагуошской конференции в г. Сочи осенью 1969 года* – традиционной встрече ученых, выступающих за разоружение и международную безопасность, что актуально во все времена.

Академик Каргин В.А. занимался развитием химической технологии как комплексной науки в составе химического знания. В конце 1960-х годов он старался обращать внимание исследователей на те направления, которые, по его словам, должны определять «точки роста» науки о полимерах в ее последующем развитии. Время показало, что ученый был прав. Современный НИФХИ им. Л.Я. Карпова важными направлениями своих исследований считает: исследование наногетерогенных материалов; биосовместимых и новых полимерных материалов; компьютерное моделирование химико-технологических процессов и синтез новейших лекарственных средств с применением химического и ядерно-химического синтеза.

* К сожалению, он не был на открытии – его не стало 21 октября 1969 года.

Научно-исследовательский физико-химический институт им. Л.Я. Карпова всегда был опорным и определяющим звеном в развитии физико-химических процессов в нашей стране, как отмечалось, и за рубежом, особенно в области полимеризации. Огромный вклад в решение важных задач внесли научные школы, возглавляемые академиками С.С. Медведевым и В.А. Каргиным. В целом эти школы завершили исследования по важнейшим направлениям в науке о полимерах, а также подвели к новым задачам, определив последующее развитие.

Во все времена большую роль играли возможность заимствования передового научно-технического опыта развитых стран, получение доступа к современным научным и методическим разработкам, передовым технологиям. Развитие научно-сотрудничества с передовыми странами диктовала и необходимость совершенствования управления научными учреждениями в нашей стране.

Деятельность негосударственных научных организаций в 1950-1970 годы в сложных условиях «холодной войны» способствовала не только развитию мировой науки, но и укреплению отношений между учеными и специалистами разных стран, формированию тесных контактов между народами.

Международное научное сотрудничество в те годы - важная страница истории взаимоотношений стран Востока и Запада. Этот вопрос актуален и в настоящее время, когда искусственно разжигаются враждебные к нашей стране настроения народов многих стран. Поэтому изучение исторических связей в области научно-технического сотрудничества дает возможность посмотреть ученым на современные проблемы и направить усилия на возрождение традиций тесного научного сотрудничества, которое служит на благо всех стран.

Ныне наука – активный компонент и важный фактор внешнеполитической деятельности государства. Исследование физических, химических, биологических яв-

лений в природе, сохранение окружающей среды, мировая белковая проблема, использование науки в мирных целях – все это требует мобилизации всех сил мировой науки, укрепления международного сотрудничества, в котором достойное место всегда занимали российские ученые.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лебедкина Е.Д. Наука и международное сотрудничество. - М.: Наука, 1983. С.68-69.
- ² Там же. С.61-63,101-102.
- ³ Российский государственный архив в г.Самара (далее – РГА в г.Самара).Ф.Р-16. Оп.2-6. Д.101. ЛЛ.1-3.
- ⁴ РГА в г.Самара. Ф.Р-16. Оп.2-6. Д.461.ЛЛ.45-46,53-56.
- ⁵ Там же. Ф.Р-16. Оп.2-6. Д.442.ЛЛ.1а,9,39,55.
- ⁶ Там же. Ф.Р-16. Оп.2-6.Д.461.Л.122.
- ⁷ Там же.Ф.Р.-16. Оп.2-6.Д.471.ЛЛ.20-21.
- ⁸ Там же.Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.461.Л.133.
- ⁹ РГА в г.Самара.Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.463.Л.183-188.
- ¹⁰ Там же.Ф.Р.-16.Оп..2-6.Д.463.ЛЛ.184-185.
- ¹¹ Там же. Ф.Р.-16. Оп.2-6. Д.494. ЛЛ.1-26. Д.497. ЛЛ.2-4,11.
- ¹² Там же.Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.496.ЛЛ.2,4,41.
- ¹³ Там же.Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.446.Л.8.Д.461.Л.149.
- ¹⁴ Там же.Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.520.ЛЛ.4-5.
- ¹⁵ Каргин В.А. Избранные труды. Проблемы науки о полимерах.-М.:Наука,1986.С.243.
- ¹⁶ Там же.С.6.
- ¹⁷ РГА в г.Самара.Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д. 516,ЛЛ.1-3,13,16.
- ¹⁸ Там же.Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.570.ЛЛ.26,28,39.
- ¹⁹ Там же. Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.527.ЛЛ.3,12,14,22.
- ²⁰ Там же. Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.572.ЛЛ.100,105.
- ²¹ Там же. Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.573.ЛЛ.21-30.
- ²² Каргин В.А. Избранные труды. Проблемы науки о полимерах.- М.: Наука, 1986.С.231.
- ²³ РГА в г.Самара. Ф.Р.-16. Оп.2-6. Д.573. ЛЛ.7,12,72,79.
- ²⁴ Там же. Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.570.ЛЛ.5,8-10.
- ²⁵ Там же. Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.571.ЛЛ.6,158.
- ²⁶ Там же. Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.572.Л.153.
- ²⁷ Там же. Ф.Р.-16.Оп.2-6.Д.473.ЛЛ.2-13.
- ²⁸ Каргин В.А. Избранные труды. Проблемы науки о полимерах.- М.:Наука,1986.С.87-96,97-162.
- ²⁹ Там же. С.222.
- ³⁰ Там же. С. 201
- ³¹ Там же. С.260;
- ³² Лебедкина Е.Д. Наука и международное сотрудничество. - М.: Наука, 1983. С.74.

**DEVELOPMENT OF POLYMER SCIENCE IN 1950-1970:
THE ROLE OF INTERNATIONAL COMMUNICATIONS OF CHEMISTRY SCIENTISTS**

© 2022 N.F. Banniknova

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev

The article is based on archival materials and is devoted to the contribution of scientists and specialists of the Scientific Research Physics and Chemical Institute named after L.Ya. Karpov, first of all, of scientific schools headed by Academicians S.S. Medvedev and V.A. Kargin, in the development of polymer science. The author draws attention to the role of international relations of scientists in the development of physical and chemical science in general, the chemistry of high molecular compounds in particular. Special attention is paid to the work of the laboratory under the leadership of Academician V.A. Kargin, his international activities. The author also focuses on the activities of the State Committee of the Council of Ministers of the USSR for Chemistry on the implementation of international contacts between scientists of the USSR and researchers of the member countries of the Council of Mutual Economic Assistance, Western countries, the USA, etc.

Keywords: science, research, polymers, international cooperation, scientific schools, laboratories, high molecular compounds, sectoral institutions.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-93-103

УДК 930.85

ИННОВАЦИИ И НОВАТОРСТВО В РОССИИ. ЧТО НЕ ПОНЯЛ ИЛИ НЕ ЗАХОТЕЛ ПОНЯТЬ АМЕРИКАНСКИЙ «ИСТОРИК НАУКИ»

© 2022 И.Н. Шапкин

Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

Статья поступила в редакцию 19.05.2022

В статье анализируется сложное и неоднозначное явление в российской исторической практике - новации и новаторство. В условиях перехода мира к новому промышленному укладу данная тема приобретает особое значение. Лишь в последние годы на материалах отечественной истории началось ее теоретическое осмысление историко-экономической наукой. Поэтому книга Л. Грэхэма могла бы восполнить существующие пробелы в понимании этого явления. Американский исследователь собрал значительный фактологический материал и попытался охарактеризовать российского новатора, показать причины отставания России в вопросах продвижения инновационных разработок и их коммерциализации на продолжительном историческом временном отрезке. Анализу исследования Л. Грэхэма и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: новация, новаторство, инновации, коммерциализация знаний, образование, мобилизационная экономика.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-104-116

В 2014 г. вышла книга, как сообщает интернет, «ведущего зарубежного ученого по истории российской и советской науки» из США Л. Грэхэма «Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России»¹. Как заявили издатели: «В своих работах Грэхэм, оставаясь беспристрастным, изучает влияние социального и политического контекста на развитие науки». Авторитетный автор, важная тема не могли не привлечь наше внимание.

Введение

Прежде чем перейти к разбору данного научного труда, необходимо сделать несколько общих, но принципиально, на наш взгляд, важных замечаний. Без их учета довольно затруднительно анализировать заявленную тему.

1. Разное представление в западном и российском обществах о том, что есть эконо-

номика, каковы ее цели, задачи и функции.

Для западного человека экономика – это деятельность, направленная на увеличение материальных благ, ценностей, позволяющих ему получать дополнительные доходы. Как целесообразная деятельность экономика для «обывателя», не оформленная в стройную и логическую концепцию, теснейшим образом связана с такими понятиями, как прогресс, который предполагает постоянное восхождение от простого к сложному; рациональность – обдуманная постановка целей и задач, разработка адекватных им решений, исключение, по возможности, эмоционально-чувственных начал; как эффективность – стремление получить максимальный результат от прилагаемых усилий, и т.д. На этих началах построена современная теория «общества всеобщего потребления». Политическая, культурная, семейная среды обеспечивают достижение этой цели.

Для русского человека экономика – это деятельность по обеспечению материального положения и благополучия его самого

Шапкин Игорь Николаевич, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Департамента гуманитарных наук. E-mail: ishapkin@mail.ru

и членов его семьи, по сохранению себя и своих близких. Ее цель состоит в том, чтобы обеспечить выживание человека в суровой природно-климатической среде. В этих условиях рассчитывать на сколько-нибудь значительный прибавочный продукт было невозможно. Производство материальных благ носило ограниченный характер. В традиционном русском общественном сознании идея прогресса как постоянного изменения, движения к новому не получила распространения и развития. Она была привнесена с Запада. Идея инновационности не получила какого-либо теоретического обоснования.

2. В течение столетий основу экономики составляло сельское хозяйство.

Земледелец в Западной Европе благодаря плодородной почве, благоприятному климату, продолжительному периоду полевых работ, многопрофильному сельскохозяйственному производству, если не было войн и эпидемий, мог быть уверен в своем благополучии. Ограниченность свободных земель и большая плотность населения побуждали его к экспериментам с орудиями труда, сельскохозяйственными технологиями, переходу к интенсивному производству. В немалой степени этому способствовало расширение спроса жителей средневековых городов на сельскохозяйственную продукцию.

Сельское хозяйство обеспечивало русское общество необходимыми материальными благами, но оно не гарантировало прибавочного продукта. Две трети территории страны находились в холодном климатическом поясе. В XVI-XVII вв. урожайность зерновых в Европе повысилась до 1:6, 1:7. К середине XVIII в. в Англии она поднялась даже до 1:10. Урожайность в России в средние века, как в Западной Европе, не превышала 1:3. В последующие столетия она оставалась на том же уровне, в редких случаях возрастала до 1:4. В принципе, урожайности 1:3 сельскому жителю хватало, чтобы прокормиться. Но она не была достаточна для расширенного воспроизводства, развития рынка и рыночных

отношений. Неурожайные годы, которые случались каждые 4-5 лет, для крестьян оборачивались катастрофой.

Холодный климат препятствовал развитию животноводства. Короткое теплое время, ограниченные возможности для развития кормовой базы не способствовали его развитию. Выход растительной биомассы с 1 га в России в 2 с лишним раза меньше, чем в Западной Европе, и в 3 с лишним раза меньше, чем в США. Соответственно, затраты на единицу животноводства у нас намного выше, чем на Западе². Незаразвитое животноводство препятствовало развитию зернового хозяйства.

3. Своеобразие русского сельскохозяйственного производства создавало предпосылки для формирования специфичной, отличной от Западной Европы экономической модели – мобилизационной по своей сути.

Она требовала концентрации трудовых и материальных ресурсов для обеспечения желаемого результата в короткий временной отрезок. А невысокая урожайность вынуждала земледельца очень экономно и рационально относиться к результатам труда. Запас прочности такой хозяйственной модели невелик. Как только происходил даже самый небольшой сбой, общество погружалось в череду социально-политических потрясений. Яркий тому пример дает «Смутное время».

Мобилизационная экономика не допускала экспериментов. Она основывалась на традиции, вековых правилах и нормах, или жестких предписаниях, исполнении распоряжений вышестоящих лиц или структур. «Вольности» исключались. Ставка делалась на проверенные временем приемы, методы и формы организации и ведения хозяйства. Отношение в обществе к разного рода экспериментам и новаторству, которые могли привести к непредсказуемым, а возможно, и негативным результатам, трудно прогнозируемым последствиям, всегда было настороженным.

4. Важнейшим фактором существования мобилизационной экономики в России

являлось наличие большого количества залежных земель.

За счет их вовлечения в хозяйственный оборот, т.е. с помощью ведения экстенсивного хозяйства, появлялась возможность увеличить производство материальных благ. Освоение новых территорий, по крайней мере в России, не предполагало нововведений. Приходя на новые земли, крестьянин опирался на имеющийся опыт, использовал проверенные временем и опытом предшествующих поколений способы и формы ведения хозяйства, орудия труда. Любое новшество не гарантировало более высоких результатов. А вот в случае неудачи резко возрастала угроза оказаться без средств существования.

Подобное отношение к новшествам в традиционном обществе сформировало устойчивое мнение, что любые изменения являются покушением на сложившиеся социальные устои. В таком обществе в хозяйственную практику они приносились сторонними акторами, как правило, иностранцами, правителями, озабоченными проблемами внутреннего или внешнего характера. Традиционалисты активно препятствовали внедрению новаций. Пример тому дают «картофельные бунты» 1830 – 1840-х гг. в России.

5. В своей книге Л. Грэхэм различает понятия «новшество», «новации» и «инновации». Для него новшество и новации – изменения, улучшения, которые происходят в хозяйственной жизни, а инновации – это коммерциализированное изобретение, новшество. Цель инновационной деятельности – извлечение доходов от использования новшеств или изобретений. В целом с подобной трактовкой этих понятий можно согласиться.

Появление инновации в традиционном обществе, где сформировалось особое отношение к труду, его результатам, к богатству как результату поступательного саморазвития, невозможно или очень затруднительно. В русском православном обществе результаты труда, признание значимости

сделанных человеком усилий не всегда носили материальный характер. Далеко не всегда они были связаны с получением материальной выгоды. Русский социум основывался на коллективистских началах, поэтому для человека служение семье, роду, общине, общественное признание имело гораздо большее значение, чем личный успех. «На миру и смерть красна» – говорит русская пословица. Позже вровень со служением «миру» для русского человека значимым станет служба государству, честная служба государю. Идея служения общему благу, ради которого человек должен жертвовать своим личным интересом, является важнейшей чертой русского менталитета. Не богатство, не личное обогащение являлись значимыми для человека, а идея служения «господу, царю и отечеству». В России, таким образом, работали иные, чем на Западе, мотивации, ожидания поощрения, другая шкала ценностей. Это в полной мере относилось и к лицам, занятым интеллектуальным трудом, – изобретателям, ученым.

Указание на отличия русского общества от западноевропейского необходимо для анализа рассматриваемых в представленном исследовании явлений. Если не учитывать особенности исторического развития России, оценки и суждения не будут объективно отражать его сущность, а выводы будут страдать предвзятостью.

Структура монографии

Монография Грэхэма состоит из 20 глав, которые сгруппированы в три раздела. В первой части «Почему после трех столетий попыток Россия так и не смогла модернизироваться?» (Главы 1-10) рассмотрена деятельность ряда русских изобретателей и ученых, предпринята попытка показать причины неудач коммерциализации новаций в инновации в различных областях науки и техники на протяжении длительного исторического периода.

Во втором разделе «В чем источники проблемы?» (Главы 11-17) Грэхэм анализирует институциональные проблемы, пре-

пятствовавшие коммерциализации научных идей. Используя исследования авторов советского и постсоветского периодов, своих заокеанских коллег, он подробно останавливается на политических и социальных барьерах, правовой системе, экономических факторах, коррупции и преступности, организации образования и научно-исследовательского процесса – всем том, что мешает, по его мнению, преодолеть технологическое отставание России.

В третьем блоке «Может ли Россия преодолеть свою проблему? Уникальная возможность для России» (Главы 18-20) автор показывает изменения, которые происходят в современной России в области коммерциализации научно-технических новшеств и изобретений, рассматривает институты развития, призванные содействовать этому процессу.

Завершает исследование глава «Как Россия может выбраться из своей трехвековой ловушки», в которой Грэхэм дает рекомендации по выходу из «тупиковой ситуации», когда передовые научные разработки отечественных ученых не находят практического применения в стране.

Новации и ВПК

Представленная работа оставляет неоднозначное впечатление. К числу положительных ее сторон следует отнести широкое использование трудов как англоязычных, так и советских, российских авторов. Вместе с тем при чтении монографии постоянно не покидает ощущение «заданности», прямолинейности в суждениях и оценках. Складывается ощущение, что автор стремится под уже сложившуюся у него логическую конструкцию подверстать фактический материал. Довольно странно выглядят сделанные им выводы, которые не следуют из текста. Нередко это делается прямо и без обиняков, без иносказаний. Например, говоря о причинах отставания производства современного стрелкового оружия Тульскими оружейными заводами в середине XIX в., он пишет, что «при более присталь-

ном изучении исторических документов на свет выплывает еще один фактор, который, вероятно, и играл важнейшую роль. В ведущих странах социальные и экономические условия поощряли и поддерживали технологическое развитие, в то время как в России социально-экономическая среда фактически препятствовала такому развитию»⁵. Невольно хотелось бы задать автору вопрос: где, в каких странах, кроме англосаксонских, и как поддерживалось «технологическое развитие» в середине XIX в.? И какие «ведущие страны» он имеет в виду?

А вот еще один пассаж. Грэхэм пишет: «Система вознаграждения оружейников в Туле была сильно перекошена в пользу таких умельцев, как Гольтяков, производивших подарочное оружие. В результате небольшое количество лучших русских ружей были действительно отменными, а вот качество массовой продукции оставляло желать много лучшего»⁴. Непонятно, как он пришел к такому заключению. Каких-либо данных, которые бы подтверждали подобный вывод, он не приводит. Более того, все предшествующие рассуждения никак не подводят читателя к такому умозаключению.

Любопытно, что некоторые обобщения, например, «вообще Тула имеет давнюю историю сопротивления техническому прогрессу», Грэхэм делает, опираясь на труды советских исследователей 1950-1970 гг.⁵. Как будто ему неизвестно, что подавляющая часть исторических исследований той поры страдала одним существенным недостатком - они были призваны показать успехи советской и недостатки царской России, доказать объективную неизбежность социалистической революции. И во всей красе показывали пороки царизма, нередко в гипертрофированном виде, забывая об объективном анализе.

Стремясь доказать отсталость Тульских военных заводов, Грэхэм, ссылаясь на работу своего американского коллеги, пишет: «Хотя рабочие Тульского арсенала подвергались экономической эксплуатации, жили

в очень плохих условиях, они все же были в лучшем положении, чем многие российские крестьяне. Тем не менее, как описывал один западный историк, их жизнь была полна «враждебности, насилия, мести, ссор, страха и ругани»⁶. При этом он ссылается на работу, написанную американским исследователем на примере с. Петровское, расположенного в Тамбовской губернии. Для автора нет различия между Тамбовской и Тульской губерниями, везде все плохо.

Чтобы доказать отсталость тульских производств, не нужны факты, цифры, которые бы подтверждали «экономическую эксплуатацию» рабочих, «очень плохие условия жизни» и т. д., достаточно это заявить. Описываемая Грэхэмом ситуация относится к середине XIX в. Возникает вопрос: а условия жизни рабочих Англии, США были намного лучше? А в европейских странах в эти годы все было благополучно? Не было никакой эксплуатации? Не было 10-14- часового рабочего дня? Уже существовала система социальных гарантий? Сложилась система социального партнерства? Наверное, для начального периода индустриального капитализма эксплуатация и плохие условия жизни характерны для всех стран, а не только для России.

Новации и царское правительство

Справедливо отмечая нерасторопность царского правительства в области железнодорожного строительства в XIX в., Грэхэм заключает: «Скачкообразная модель технологического развития, в которой вслед за достижениями инженерной мысли, представленными трудами таких изобретателей, как Черепанов, Мельников, Ломоносов, следует неспособность поддержать эти достижения, продолжает преследовать российские железные дороги, так же, как и многие другие технические области»⁷. После прочтения этой главы у читателя складывается впечатление, что рассказ об истории железнодорожного строительства нужен автору для того, чтобы заявить о неспособности России двигаться собственны-

ми силами к техническому и технологическому обновлению, что ее экономический успех возможен лишь в случае смены модели общественного устройства. И такой вывод Грэхэм распространяет не только на имперскую, но и современную Россию. Чтобы преодолеть отставание, нужно срочно поменять общественно-политический порядок, сложившийся в стране в последние годы.

Новатор в России.

К вопросу о мотивации

Вместе с тем с рядом оценок Грэхэма нельзя не согласиться. Он пишет, что «характерная черта многих российских изобретателей и ученых» - убежденность, «что бизнес – это «грязное» дело, которым приходится заниматься. «Подобное отношение – не самый лучший помощник для человека, если он хочет стать успешным предпринимателем. Лодыгин критически относился к капиталистической среде, в которой предстояло существовать его компании. В этом и заключалось основное отличие между Лодыгиным и Эдисоном – последний уделял очень большое внимание финансам, имел множество друзей на Уолл-стрит и был глубоко заинтересован в создании коммерчески успешного бизнеса»⁸.

Грэхэм обоснованно отмечает, что, например, «Попов считал себя ученым, а вовсе не изобретателем, создающим коммерческий продукт. Он не озаботился тем, чтобы вовремя получить патент на свое изобретение и, таким образом, защитить свой приоритет. Ему это было попросту неинтересно. Он полагал, что закрепил первенство тем, что представил его научным кругам, не отдавая отчета в том, что среди ученого сообщества были люди, которые вскоре присвоили его идеи. Попов был типичным «русским интеллигентом», гордившимся отсутствием коммерческих интересов. Но другой вопрос так и просится с языка: действительно ли это идет на «благо людей» – иметь идеи, которые способны принести людям пользу, но не реализовывать их?»⁹

Отмечая «альтруизм» Попова, Грэхэм прав в том, что русскими новаторами двигали иные мотивы, чем их западными коллегами. Стремление к обогащению не входило в их число. Русский инженер, конструктор, ученый – это люди, «с головой» уходившие в работу «ради будущего», «ради прогресса человечества», «ради своего Отечества», а не для корысти и личного обогащения. Несмотря на нередко негативное отношение к царскому режиму, многие из них оставались патриотами, людьми, работавшими на благо страны.

В России существовали поведенческие, политические, социальные, экономические, правовые и организационные ограничения, препятствовавшие тому, что многообещающие технологические идеи не получали практической реализации. Сформировавшиеся в западном обществе ценности, мотивации побуждали новаторов к конкуренции, предпринимательству, личному материальному успеху, которые становились драйверами технологического развития. Но одновременно они были причиной бесконечной борьбы за первенство, продолжительных и очень дорогостоящих судебных разбирательств по поводу патентных прав, вражды между новаторами и исследователями.

К вопросу об авторской пристрастности и беспристрастности

Некоторые заявления Грэхэма отличаются политической пристрастностью, недостойной «серьезного» и «объективного» исследователя, каковым он позиционируется. Например, он пишет: «Советская авиация до Второй мировой войны несла на себе отпечаток политического авторитаризма. Если авиаконструкторы попадали в немилость к Сталину, он сажал их за решетку. Так он поступил с двумя самыми известными советскими авиаинженерами Николаем Поликарповым и Андреем Туполевым. Желание зрелищных достижений привело к деформации целой отрасли. В практической сфере интерес Сталина был прикован к

военной авиации. В результате в советском авиастроении практически отсутствовал интерес к достижению коммерческого преимущества»¹⁰.

При чтении подобного создается впечатление, что автор ничего не знает о событиях 1920-1930-х гг., например, о мобилизационной экономической модели, оформившейся в СССР в эти годы, сложной международной обстановке, в которой осуществлялась социалистическая индустриализация, о «железном занавесе» и т.д. Какая коммерция могла быть в стране, находящейся в условиях жесточайшего прессинга со стороны внешнего мира? О какой коммерции можно говорить в стране победившего социализма, развивающейся на плановых началах? Как «зрелищные достижения привели к деформации отрасли»? Авиация, военные парады наряду с прочими задачами должны были наглядно продемонстрировать советскому народу, что колоссальные усилия и жертвы сделаны не напрасно, что его лишения оправданы, что усиливающееся государство стоит на страже народных интересов.

В этой связи совершенно недостойно выглядит умаление трудового подвига советского народа, совершенного в 1930-е гг. Грэхэм пишет: «Многие считают, что советская индустриализация увенчалась успехом. В конце концов, за несколько десятилетий преимущественно аграрная страна была преобразована в промышленную державу и Советскому Союзу удалось сдержать натиск гитлеровской армии во Второй мировой войне. Однако это достижение было деформировано политическими директивами так, что сегодня российская промышленность не в состоянии конкурировать на международном рынке. Российские заводы часто строились в неправильных местах, неправильным образом. Политические и идеологические соображения заглушали здравые инженерные и экономические обоснования. В результате советская система промышленности для современной России в равной степени является как преимуществом, так и препятствием»¹¹.

Для американского автора усилия СССР по созданию современной промышленности, благодаря которым он победил в войне, привели лишь к «деформированной» промышленности, строившейся неправильным образом, в неправильных местах и нерационально. «Если оценивать эти проекты с точки зрения их экономической целесообразности, - замечает Грэхэм. - Модель развития промышленности определялась в большей степени военными, идеологическими соображениями, нежели экономическими расчетами». В итоге сформировалась неконкурентоспособная промышленность, что позволяет ему прийти к неутешительному выводу: «В глобальном мире, где идет конкурентная борьба в области высоких технологий, неэффективная производственная инфраструктура современной России ставит ее в крайне невыгодное положение. Вместо того чтобы пытаться строить что-то на платформе советской индустриализации, России необходимо преодолеть ее последствия»¹².

Далее Грэхэм много внимания уделяет проблемам, возникшим в связи с крупными индустриальными проектами первых пятилеток. Днепрогэс, Магнитогорск, Беломоро-Балтийский канал, БАМ, которыми гордились советские люди, Грэхэмом оцениваются односторонне негативно. Он ничего не говорит об их достоинствах, сосредоточиваясь исключительно на их реальных и мнимых отрицательных последствиях. Но чтобы выглядеть объективным и незаинтересованным, он ссылается на мнение известного в 1920-х гг. горного инженера Пальчинского П.И., возглавлявшего Русское техническое общество, члена президиума Всероссийской ассоциации инженеров, расстрелянного в 1929 г. по процессу «Промпартии». Но при этом Грэхэм почему-то забывает о мнении других советских и зарубежных ученых и специалистов, высоко оценивавших эти масштабные проекты¹³.

Новации и отраслевой анализ

Далее американский исследователь переходит к секторальному анализу. Довольно

подробно он рассказывает о «великолепной школе биологов и генетиков в России», приходит к выводу о том, что «история генетики в советской России – это, без сомнения, история человеческой трагедии. Однако в контексте нереализованного потенциала страны... это также еще один пример... как достижения в многообещающих технологиях сменялись провалами. Вместо того чтобы быть лидером в области научного сельского хозяйства и биотехнологий, Россия и здесь пытается догнать остальные страны. Ни одна из российских компаний в этой области не является значимым игроком на международном уровне, нет ни одной российской биотехнологической компании, входящей в список ста самых доходных в мире, хотя в нем сегодня значатся представители 12 разных стран»¹⁴. С этими умозаключениями Грэхэма нельзя не согласиться. Действительно, разгром школы генетиков стал трагедией для отечественной науки, развития страны в целом. Действительно, научный задел этих первопроходцев оказался невостребованным. Советская власть не смогла умно распорядиться этим научным богатством. В результате наша страна, имея отличные стартовые условия, отстала в этих научных областях от западных конкурентов.

После этого следует рассказ об истории создания электронных вычислительных машин. Первая электронная вычислительная машина в континентальной Европе была создана в 1948–1951 гг. Отвечая на вопрос о причинах отставания СССР в этой области в последующие десятилетия, Грэхэм отмечает, что «Советский Союз со своей плановой экономикой, централизованным неконкурентным рынком не мог идти в ногу с происходящими технологическими усовершенствованиями. В результате в 1970-х годах СССР отступил от изначально впечатляющей попытки развиваться собственным независимым курсом в области вычислительной техники... В современной России компьютерная отрасль так и не наверстала отставание. Сегодня в России нет ни одной компании – производителя вы-

числительной техники, которая являлась бы значительным игроком на международном рынке, несмотря на то что русские могут с полным правом утверждать, что были в числе пионеров в области развития вычислительных технологий»¹⁵.

В целом справедливая оценка, но с одним замечанием: в СССР не было никакого рынка, существовала плановая модель управления национальным хозяйством. Это другой вариант организации общественного производства, позволявший концентрировать значительные материальные и финансовые ресурсы на решение значимых научно-производственных задач. Так, создавалась первоклассная, конкурентоспособная атомная, космическая отрасли, военно-промышленный комплекс. Как показала советская история, проблема внедрения достижений науки и техники в производство мирной продукции оставалась одной из наиболее значимых, но так и не решенной.

По такой же схеме, как и предыдущие сюжеты, в монографии представлен материал о вкладе советских ученых в разработку лазеров. Грэхэм в очередной раз вынужден признать, что мотивация у ученых в СССР была другой, чем на Западе. Основоположник теории лазерной физики В.А. Фабрикант, продолжая традиции своих предшественников – ученых XIX в., «меньше всего думал о такой выгоде. Он признавал, что «не обращал внимания на практическую ценность своей идеи». И далее «советским ученым никогда не приходило в голову попытаться коммерциализировать плоды своей работы»¹⁶.

История развития лазерной отрасли, научной мысли и промышленности свидетельствует, что коммерциализация новшеств возможна в условиях рынка, а важнейшим мотивом является выгода. В России рыночная экономика, болезненно формировавшаяся в течение долгого времени, была уничтожена после 1917 г. Была создана «государственная модель» социализма, исключавшая или допускавшая в очень

ограниченном виде рыночную психологию, поведение и мотивацию, индивидуализм и стремление к обогащению. Труд на благо общества – вот что декларировалось в качестве важнейшей ценности для советского человека. Не учитывать этого исторического контекста, определявшего поступки, поведение и действия человека, а рассуждать с позиции рационализма западного человека нельзя. Для исследователя отсутствие или сознательное игнорирование исторического фона ведет к искажению исследуемого явления, к ошибочным и недостоверным выводам и оценкам.

Причины отставания в инновационной сфере по Грэхэму

В чем видит Грэхэм источники проблемы? «Ни в одной другой стране мира ... модель интеллектуального, творческого превосходства и вместе с тем технологической слабости не проявляется в такой мере, как в России. Это явление мирового значения, которое требует объяснения. Эта модель определяет судьбу России как государства, не только привыкшего к своей технологической отсталости, но и нашедшего оправдание для авторитарного стиля управления – от Петра I до Сталина и Путина». И далее: «Неспособность России поддержать технологическое развитие – это не просто глава в мировой истории развития технологий. Это важный ключ к ее политической и социальной эволюции, одна из причин, почему российские лидеры могут игнорировать демократию и призывать к насильственной модернизации через политическое принуждение, не отдавая отчета в том, что, поступая так, они только усугубляют роковую модель»¹⁷.

Говоря о технологической отсталости, Грэхэм «забывает» о том, что именно с отсталой Россией США в течение 40 лет конкурировали в военной, космической, экономической областях, что отсталая Россия являлась второй экономикой в мире до 1991 г. Причину технологической отсталости России автор видит в авторитарном стиле

управления, отсутствии демократии и «насилованной модернизации». В определении ее причин он оказался неоригинальным. Набор – довольно традиционен.

Рассматривая вопрос отношения общества к коммерциализации научных идей в современной России, Грэхэм считает, что необходимо отказаться или пересмотреть прошлое, свою историю. Ж. Алферов, сопредседатель Консультативного научного совета фонда «Сколково» в начале 2010-х гг., с которым беседовал Грэхэм, считал, что распад Советского Союза является «огромной политической, моральной и прежде всего экономической трагедией». Алферов поддержал В.В. Путина, назвавшего развал Советского Союза «величайшей геополитической трагедией XX века»¹⁸. Какое умозаключение сделал Грэхэм из этого? По мнению американского ученого, подобные оценки недавнего прошлого препятствуют вступлению России в современную глобальную высокотехнологичную экономику. Откуда и из чего это следует, он не объясняет. После прочтения подобного закрадывается мысль, что исследование проводит не беспристрастный ученый, а американский пропагандист, стремящийся понять явление, а имеющий цель дать иные, далекие от объективного анализа оценки.

Затем Грэхэм переходит к анализу деятельности институтов развития и барьерам, препятствующим коммерциализации новшеств и хозяйственному росту в целом в современной России. Свой анализ он начинает с характеристики политического режима. По его мнению, отсутствие свободы, демократии является фактором, тормозящим технологический прогресс. О том, что данный тезис сегодня не работает и требует коррекции, свидетельствует экономический подъем Китая. Грэхэм вынужден признать, что «фактически Китай – это самый большой вызов для основного тезиса этой книги, что технологии оптимальны, а их развитие максимально в условиях демократического правового общества»¹⁹.

Рассматривая место российского государства в рамках заявленной темы, он пишет, что «российские правители во все времена были более заинтересованы в развитии технологий, которые способствовали наращиванию военной мощи, производили неизгладимое впечатление на наблюдателей или приносили пользу элите, нежели технологий, направленных на улучшение российской экономики в целом. Эта модель сохранилась до настоящего времени»²⁰.

Действительно, во все времена власть в России уделяла повышенное внимание укреплению обороноспособности страны. Еще Древняя Русь сталкивалась с военной угрозой, которая исходила с востока, запада и юга. Чтобы сохранить себя, необходимо было иметь развитые вооруженные силы. Подобная ситуация сохраняется и по сей день. Противостояние с коллективным Западом сегодня достигло своего максимума. А объяснять подобное положение стремлением «произвести впечатление или принести пользу элите» довольно странно для «серьезного» ученого. Ставка на развитие военного производства является исторической памятью русского народа, гарантией безопасности и сохранения целостности страны.

Социальные препятствия, сдерживавшие коммерциализацию новшеств

Затем Грэхэм переходит к так называемым «социальным барьерам». Основным препятствием выступает отсутствие мобильности населения. «Со времен Петра I и до настоящего момента российское государство пыталось контролировать мобильность населения, как следствие, ограничивая инновационное развитие... Российские граждане были в гораздо большей степени привязаны к месту проживания и работы, чем граждане западных индустриальных обществ. Контроль за этим осуществлялся как внутренний, так и внешний... В разные периоды времени степень жесткости этого контроля варьировалась, а сообрази-

тельные люди обходили правила, зачастую благодаря взяткам или обману... Советское государство пользовалось инструментом прописки для продвижения нужных ему проектов»²¹. С подобным подходом нельзя не согласиться. Но ограничивать «социальные барьеры» исключительно вопросами мобильности представляется значительным сужением проблемы. Грэхэм ничего не пишет о системе образования, организации науки и т.д. Он не пытается даже поставить вопросы: как в условиях несвободы русские ученые и изобретатели добивались весьма значительных результатов в досоветский и советский периоды? Как мобильность влияет на коммерциализацию? Он не дает сколько-нибудь разумных объяснений, почему власть ограничивала внутреннюю миграцию. В чем причина «пассионарности» отечественных исследователей в условиях ограничений, в том числе в вопросах мобильности? и т. д.

Одним из препятствий на пути коммерциализации изобретений, по мнению Грэхэма, являлась неразработанная правовая система в области патентования и защиты интеллектуальной собственности. Как известно, уже 30 июня 1919 г. новое советское правительство издало Декрет об изобретениях, согласно которому все инновации объявлялись собственностью государства. «В последующие годы (1930, 1931, 1941, 1951, 1959, 1961, 1966, 1968 и 1973) советское Положение об изобретениях и открытиях претерпело изменения, однако его базовые принципы оставались неизменными: изобретения являются собственностью государства; советские граждане не могут иметь право на продажу инноваций или лицензий на них»²². Почему сложилась такая практика? Ответ прост. В СССР сформировалась модель «государственного социализма», которая исключала рыночные отношения, а также получение (минуя государство) доходов, ведущих к социальному неравенству, не допускала частного предпринимательства.

Довольно подробно Грэхэм останавливается на экономических факторах. Причи-

на того, что многие передовые разработки и открытия отечественных ученых и изобретателей не были реализованы, состоит, по его мнению, «вовсе не в отсутствии патентной системы, а в недостатке интереса и поддержки со стороны инвесторов. В царской России инвесторов не существовало как класса, в советской России он был под запретом, а в постсоветской России пока еще очень слаб»²³. Действительно, как в прошлом, так и сегодня страна испытывает острую нехватку инвестиций для вложения в современные производства и инновационные разработки.

Сегодня высокая доля сырьевых отраслей в хозяйстве «подавляет развитие инновационных проектов, оттягивает на себя доступный капитал, - пишет Грэхэм. - Некоторые экономисты называют этот феномен «ресурсным проклятием». Чтобы преодолеть это препятствие, требуется коренное изменение экономических стимулов, однако российское правительство до сих пор не предприняло в этом направлении активных действий»²⁴.

Но это утверждение не совсем справедливо. Во-первых, добывающие сырьевые производства не являются каким-то «проклятием» для нашей страны. Это не более чем публицистический прием. Сегодня эти отрасли представляют собой высокотехнологичные, наукоемкие производства, использующие новейшие разработки в области добычи, транспортировки, хранения и переработки сырья. Во-вторых, этот сегмент производства есть наша хозяйственная специализация. Какие-то страны специализируются на производстве одних видов товаров, другие – на других. Задача на сегодняшний день состоит в том, чтобы увеличить в этом секторе долю товаров с высокой добавленной стоимостью. Поэтому требуются инвестиции в эти высокотехнологичные производства. В-третьих, странно, что Грэхэм позиционирует себя как рыночник, но требует от правительства принятия мер по стимулированию бизнеса к инвестиционной активности.

Он справедливо замечает, что «доля финансирования инновационной деятельности со стороны бизнеса очень незначительна, доля же государственного финансирования в области исследований и разработок достаточно высока... В настоящее время надежда на то, что Россия превратится в высокотехнологичную державу благодаря инвестированию со стороны бизнеса, становится все более призрачной...»²⁵. При этом Грэхэм как будто не знает, что многие инновационные проекты, особенно в области современных наукоемких отраслей, - очень затратное дело, требующее значительных инвестиций с большим сроком окупаемости, которое не всегда по силам даже крупным компаниям. Поэтому участие государства в этих проектах неизбежно.

Нельзя не согласиться с Грэхэмом, что препятствием для развития «венчурного инвестирования в России являются: дефицит опытных менеджеров, способных управлять венчурным капиталом; неразвитый рынок ценных бумаг; краткосрочный горизонт планирования существующих инвесторов; слабая защита интеллектуальной собственности; нежелание многих новаторов (ученых, инженеров) терять право управления своими инновациями; а также административные и правовые барьеры»²⁶.

Важным препятствием инновационности является коррупция и преступность. Указав на действительную проблему, Грэхэм довольно поверхностно отнесся к ее рассмотрению, впадая в излишнюю политизацию. По его мнению, «законодательство в области налоговых и экономических преступлений применяется очень выборочно и произвольно. Излюбленной тактикой правительства Путина при усмирении бунтарей и критиков является обвинение их в экономических преступлениях: наиболее ярким примером этого является история Михаила Ходорковского, но есть и множество других примеров. Осознавая, насколько легко можно пасть жертвой подобных перипетий, инженер или ученый, у которо-

го есть инновационная идея, очень неохотно относится к перспективе создания собственного бизнеса. Очевидно, что подобное отношение является тормозом для инноваций»²⁷. Ну и, как всегда, во всем виновата российская власть и лично В.В. Путин. Подобные утверждения выглядят несерьезно и излишне политизированно.

Следующий блок посвящен рассмотрению изменений, произошедших в стране в последние десятилетия. По мнению Грэхэма, «у современной России есть реальный шанс изменить многовековую модель, когда за блестящей технической идеей следует коммерческий провал. Сегодня идеи российских ученых и инженеров стали «не такими одинокими» благодаря растущему числу связей между российскими исследователями и западными компаниями, находящимися в поиске технологических инноваций»²⁸. Такой подход неизбежно предполагает ответ на вопрос: кому будут выгодны эти связи - России или западным компаниям и инвесторам? Здесь ответа нет.

Далее американский исследователь дает оценку созданным в последние годы в стране институтам развития – научным фондам, исследовательским институтам, «Роснано», Сколково. В целом она носит позитивный характер.

Что делать?

В завершение своей работы Грэхэм предложил свое решение проблемы. «Чтобы стать ведущим участником международного рынка высоких технологий, стране необходимо реформировать свое общество... Для этого необходимо стать обычным западным государством. Это означает: установление подлинной демократии; защиту прав человека; создание правовой системы, обеспечивающей защиту интеллектуальной собственности и предпринимателей; реформирование системы высшего образования так, чтобы она объединяла образовательный и научный процессы и допускала функционирование некоммерческих технологических научно-исследователь-

ских центров; искоренение коррупции и, наконец, уважение и достойное отношение к бизнесменам, которые честно зарабатывают деньги на продвижении новых технологий». С большинством поставленных задач можно согласиться. За исключением, пожалуй, одного - Россия никогда не будет «обычным западным государством»²⁹. Она никогда не была и не может быть «обычным государством». Россия – страна с имперскими амбициями и мировоззрением, имперским прошлым. И еще одно: что такое «подлинная демократия» не совсем понятно. Особенно в свете последних событий в западном мире и США. Сегодня говорить о «подлинной демократии» применительно к ним по меньшей мере странно.

Какая политическая сила может осуществить заявленные изменения? Какие социальные группы могут взять на себя решение стоящих перед страной проблем? Грэхэм дает ответ. «Наиболее сильным стимулом для развития российских технологий сегодня являются, как это ни странно, протестные демонстрации, волна которых прокатилась в последнее время по улицам Москвы и других городов* ... Только этот новый средний класс способен трансформировать Россию из страны подданных в страну граждан. Только он может создать страну, в которой творчество и интеллектуальная мощь не будут подавляться коррупцией и репрессиями. Если Путин искренен в своем желании модернизировать Россию, он должен позволить этим настоящим новым русским гражданам привести страну к устойчивой модели развития на основе экономики знаний вместо продолжения курса на традиционную неустойчивую экономику «инноваций по приказу»³⁰. Вот, оказывается, в чем дело: эти протестующие, эти «настоящие русские граждане» могут привести страну к «экономике знаний», к устойчивому экономическому развитию. Довольно странное утверждение.

* Книга писалась в 2012 г., когда в Москве прошли протестные выступления на «Болотной».

Вместо заключения

После прочтения книги остается двойственное впечатление. С одной стороны, Грэхэм обратился к вопросам, которые в отечественной исторической и экономической науках рассмотрены довольно скупо и фрагментарно, а с другой – слишком много поучений, политически мотивированных оценок, более характерных для агитационно-пропагандистской литературы.

Его рассуждения о вопросах новаций, коммерциализации изобретений и превращения их в инновации применительно к России показывают, что он не понял, что наша страна представляет собой особую цивилизацию, имеет иную ценностную основу, отличную от западной модели, а может быть, и не захотел понять, поскольку имел другую цель.

Грэхэм пытается оценить явления русской истории исходя из сложившихся англо-саксонских представлений об изобретателях и изобретениях, новшествах и инновациях, где мериллом жизненного успеха являются деньги. Западными мерками и шаблонами он пытается оценить, дать характеристику важным историко-экономическим явлениям нашей истории. В итоге с помощью некорректных приемов он подводит читателя к ошибочным оценкам и выводам. Почему это произошло? Это искренние заблуждения или сознательное «лукавство», когда выполняется иная, далекая от исследовательской задачи цель?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М., «Манн, Иванов и Фербер», 2014.

² Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 37-56; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. №1. С. 36-78; Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2003. С. 37-42.

- ³ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 24.
⁴ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 29.
⁵ Грэхэм Л. Указ соч., с. 29; История Тульского оружейного завода, 1712–1972 / Г.В. Бачинский [и др.]. М.: Мысль, 1973. С. 32-35.
⁶ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 28.
⁷ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 45.
⁸ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 51.
⁹ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 63.
¹⁰ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. , с. 72-73; Скрипко В.П. Охрана прав изобретателей и рационализаторов в СССР. М.: Наука, 1972.
¹¹ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 74.
¹² Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 76.
¹³ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 82, 83.
¹⁴ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 109.
¹⁵ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 118.
¹⁶ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 22, 124; Hecht J. Beam. Oxford University Press. P. 14.
¹⁷ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 145.
¹⁸ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 148.
¹⁹ Грэхэм Л. Указ соч. с. 56; Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.
²⁰ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 156.
²¹ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 161, 163.
²² Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях // Вопросы изобретательства. 1973. Т. 10. С. 58-80; Райгородский Н.А. Изобретательское право СССР. М.: Юриздат, 1949; Скрипко В.П. Охрана прав изобретателей и рационализаторов в СССР. М.: Наука, 1972.
²³ Грэхэм Л. Указ. соч. с. 76.
²⁴ Грэхэм Л. Указ. соч. с. 176.
²⁵ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 177.
²⁶ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 178.
²⁷ Грэхэм Л. Указ, Соч. с. 181.
²⁸ Грэхэм Л. Указ. Соч. с. 191.
²⁹ Грэхэм Л. Указ, Соч. с. 214, 216.
³⁰ Грэхэм Л. Указ, Соч. с. 216, 217.

**INNOVATIONS AND PIONEER WORK IN RUSSIA.
WHAT THE AMERICAN «HISTORIAN OF SCIENCE» DID NOT UNDERSTAND
OR DID NOT WANT TO UNDERSTAND**

© 2022 I.N. Shapkin

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The article deals with a complex and ambiguous phenomenon in Russian historical practice, i.e., innovations and pioneer work. In the context of the world's transition to a new industrial order, this topic is of particular importance. Its theoretical development on the materials of national history by historical and economic science began quite recently. Therefore, L. Graham's book could fill the existing gaps in understanding this phenomenon. The American researcher collected considerable factual material and tried to characterize the Russian innovator, to show the reasons for Russia's lagging in the promotion of innovative developments and in their commercialization over a long historical period. This article is devoted to the analysis of L. Graham's research.

Keywords: inventing, pioneer work, innovations, commercialization of knowledge, education, mobilization economy.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-104-116

УДК 902/904(470.51/54)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ КОКШАРОВСКОГО ТОРФЯНИКА (Среднее Зауралье)

© 2022 Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле)

Статья поступила в редакцию 02.02.2022.

Кокшаровский торфяник хорошо известен в археологии Урала и России, прежде всего, своими культовыми (Кокшаровский холм, Кокшарово I) и торфяными памятниками (Кокшаровско-Юрьинская I и II). Первые раскопки на торфянике происходили еще в 1837 г. Из более 60 археологических памятников, представленных как материалами раскопок, так и сборами, опубликованы комплексы только пяти памятников. В статье публикуются неизвестные ранее комплексы поселения Кокшаровское поле. На поселении представлены материалы всех археологических эпох от мезолита до средневековья. Преобладают находки неолита (66 %) и энеолита (18 %). Остальные эпохи представлены незначительной примесью. При обработке коллекции использовались статистико-типологический, трасологический и минералогический методы. Большой интерес представляют две глиняные скульптуры (антропоморфа и птицы) и бронзовое украшение. Список минерального сырья состоит из 20 наименований. Представленные в статье материалы характеризуют степень освоенности берегов Кокшаровского торфяника на протяжении нескольких тысячелетий.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, Кокшаровский торфяник, мезолит–средневековье, типы каменных изделий, произведения искусства, сырьевая база памятника.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-117-131

Список сокращений

АО – Археологические открытия
 БРЭ – Большая Российская энциклопедия
 М. – Москва
 РА – Российская археология
 СА – Советская археология

Кокшаровский торфяник находится в низинной части предгорий Среднего Урала в 6 км к востоку от пос. Басьяновский Верхне-Салдинского района и в 65 км (по прямой) к северо-востоку от г. Нижний Тагил Свердловской области. В древности торфяник являлся проточным озером. В его центре сохранился остаточный водоем – Юрьинское озеро диаметром около 1,7 км. С юга в озеро

впадает река Дурная, в устье которой располагается Юрьинское поселение с культовым Кокшаровским холмом в центре. С севера вытекает река Юрья, в истоке которой находится разрушенное балластным карьером многослойное поселение Юрьино IV. Берега озера в северной и восточной частях очень низкие, местами заболочены. С западной и южной сторон берега достигают высоты 4 – 6 м, разрезаны многочисленными логами, образующими хорошо выраженные мысы. На юго-западном берегу торфяника нахо-

*Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.
 E-mail: u.b.serikov@mail.ru*

дится дер. Кокшарово, в настоящее время нежилая.

Кокшаровский торфяник хорошо известен в археологии Урала¹ и России². На его берегах выявлено свыше 60 археологических памятников, в том числе семь торфяниковых стоянок³. Пять наиболее известных памятников исследовались раскопками: Кокшарово I⁴, Юрьинское поселение⁵, Кокшаровский холм⁶, Кокшаровско-Юрьинская I⁷ и Кокшаровско-Юрьинская II⁸.

Стоянка Кокшаровское поле примыкает к стоянке Кокшарово I и располагается на одном из мысов юго-западного берега торфяника в 50 м от дер. Кокшарово. Она занимает мыс высотой около 1 м. Площадь памятника составляет не менее 2 тыс. кв. м. Его поверхность до 90-х годов прошлого века постоянно распахивалась. На пахоте собрана трехтысячная коллекция находок⁸. Еще около двух тысяч находок получено в 2000 г. во время рекогносцировочных раскопок Среднеуральским отрядом археологической экспедиции Института истории и археологии УрО РАН под руководством Р.Б. Волкова. Раскопом 20 кв. м вскрыты остатки двух неолитических жилищ⁹. Коллекция находок за исключением двух изделий (глиняной фигурки птицы и бронзовой бляшки) осталась неопубликованной.

В археологических фондах Нижнетагильского музея-заповедника коллекция находок со стоянки Кокшаровское поле насчитывает 2920 экз.: фрагментов керамики – 1048, каменных изделий – 1865, изделий из глины – 7.

Керамический комплекс содержит материалы всех эпох от неолита до средневековья. Неолит представлен 511 (66,3%) фрагментами, энеолит – 138 фр., к бронзовому веку относится 41 фр., к железному веку – 32 фр., к средневековью – 17 фр. 277 фрагментов керамики без орнамента не датируемы. Также в коллекции присутствует кружальная керамика русского населения – 32 фр. Большая часть керамики заметно фрагментирована. Например, 75% фрагментов керамики без орнамента имеют длину до 3,0 см.

Среди неолитической керамики преобладает керамика кокшаровско-юрьинского типа. Венчики сосудов обычно прямые, ровные, их края украшены глубокими наколами округлой формы. С внутренней стороны венчиков практически всегда присутствует наплыв подтреугольного или овального сечения. Бордюрная зона оформлялась наколами или отпечатками поставленного наклонно гребенчатого штампа. Орнамент в виде «отступающей» палочки плотно покрывает поверхность сосудов (рис. 1, 8, 9). На втором месте по количеству находятся фрагменты керамики полуденского типа. Орнамент на фрагментах представляет чередование прочерченных гребенчатым штампом прямых или волнистых линий и отпечатков шагающей и печатной гребенки (рис. 1, 1, 2, 7, 10 – 12). Керамика кошкинского типа представлена единично (рис. 1, 3). Также многочисленны фрагменты керамики бобрыкинского (басьяновского) типа. Венчики сосудов слабо профилированы. Орнамент наносился расщепленной палочкой или двузубым штампом в технике прочерчивания или отступания. Он представляет собой чередующиеся прочерченные прямые линии и горизонтальные зигзаги (рис. 1, 4 – 6). В тесто сосудов часто примешивался тальк. Толщина стенок составляет обычно 0,5 – 0,7 см. Представляют интерес два фрагмента венчиков сосудов. Один фрагмент украшен только наколами (рис. 2, 1), а второй – горизонтальными линиями, образованными отпечатками узкой палочки (рис. 2, 2).

Из фрагментов неолитических сосудов выполнено два пряслица. Одно из них целое, а от второго сохранилась половина диаметром 4,7 см. Целое пряслице имеет форму квадрата со скругленными углами размером 3,2 × 3,1 × 0,55 см. Оно изготовлено из фрагмента сосуда, украшенного прямыми линиями из отпечатков «отступающей» палочки (рис. 2, 4).

Из других глиняных изделий следует отметить найденную на пахоте глиняную эмбрионовидную фигурку. Она овальная в плане и слегка изогнута в профиле. Ноги и

руки у скульптуры не показаны. Нос и брови моделированы пальцевыми зажимами. Высота фигурки 3,6 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,8 см. На оборотной стороне фигурки присутствует плохо различимый орнамент в виде тонких прочерченных линий (рис. 2, 5). Это первая эмбрионовидная фигурка, найденная на территории Урала. В Западной Сибири известна одна глиняная эмбрионовидная скульптура. Она найдена на поселении Большой Ларьяк III (Нижевартовский р-н Тюменской обл.) на полу жилища эпохи бронзы¹⁰. К западу от Урала таких изображений известно гораздо больше¹¹. В сравнении с известными эмбрионовидными скульптурами фигурка с Кокшаровского поля представляется наиболее примитивной. Поэтому предварительно данное изображение можно отнести к эпохе неолита.

Еще одна глиняная скульптура происходит из раскопок Р.Б. Волкова. Она найдена на полу неолитического жилища в комплексе керамики кокшаровско-юрьинского типа. Скульптура изображает глиняную фигуру птицы. Она сильно фрагментирована, голова и задняя часть тулова отсутствуют. В нижней части тулова имеется отверстие глубиной до 1,5 см и диаметром 0,4 см. Длина сохранившейся части составляет 5,3 см, высота – 4,6 см, толщина – 2,8 см. Изготовлена фигурка из плохо высушенного и неравномерно обожженного глиняного теста¹².

Энеолитическая керамика составляет 17,9% определимой керамики (рис. 2, 3). Абсолютно преобладает керамика аятского типа – 130 фр. Венчики сосудов прямые или слабо профилированные. Края венчиков плоские, украшены наклонно поставленными отпечатками короткого гребенчатого штампа. Вдоль края венчиков часто располагается горизонтальный ряд круглых и глубоких наколов с жемчужинами на обратной стороне. Тулова сосудов украшены разнообразными геометрическими узорами из отпечатков гребенчатого штампа. Часты разделительные горизонтальные пояса из зигзагов, выполненных гребенкой. Иногда для украшения сосудов применялась техни-

ка «шагающей гребенки». Толщина стенок редко превышает 0,5 см.

Присутствует в комплексе и керамика липчинского типа – 8 фр. Венчики сосудов обычно прямые, слегка приостренные, иногда отогнуты наружу. Изредка края венчиков украшались наколами и насечками. Поверхность сосудов богато украшена скобками и ложношнуровым орнаментом, который часто представляет собой треугольные и прямоугольные фигуры.

Бронзовый век представлен керамикой коптяковского, черкаскульского и межовского типов (41 фр.). Преобладает керамика коптяковского типа – 35 фр. Керамика черкаскульского и межовского типов единична – соответственно 4 и 2 фр. (рис. 2, 6).

С железным веком связано 32 фрагмента керамики. Среди них выделяются пять фрагментов гамаюнского типа. Массивные венчики сильно профилированы. По шейке сосудов располагается горизонтальный ряд сдвоенных круглых наколов. Орнамент в виде прокатанной мелкой волны покрывал не более двух третей сосуда.

Вся средневековая керамика (17 фр.) сильно фрагментирована. Украшена она шнуровым орнаментом.

С эпохой средневековья можно связать оригинальную бронзовую бляшку из раскопок Р.Б. Волкова. Она представляет ажурную пластину размером 5,0 × 4,2 × 0,2 см. В прямоугольной рамке изображены две сидящие на корточках человеческие фигуры. На коленях у них показаны какие-то круглые предметы (возможно, барабаны), в которые упираются руки (рис. 2, 7). Изделие обломано, отсутствует как минимум половина пластины. Датируют бляшку I – V вв. н.э.¹².

Разделить хронологически комплекс каменных изделий (1865 экз.) гораздо сложнее. В определенных рамках это возможно сделать на основании типологии и характерного минерального сырья. Довольно уверенно выделяется мезолитический комплекс. В него входит всего 77 изделий – 4,1 % от всего комплекса каменных изделий.

Все нуклеусы (3) изготовлены из пли-

точного сырья и относятся к типу торцовых. Высота нуклеусов 1,5 – 1,5 – 2,2 см. У двух нуклеусов скалывание пластин производилось с трех плоскостей, у одного – с двух (рис. 3, 2, 3). У всех нуклеусов по одной ударной площадке. Ширина полных негативов сколотых пластин колеблется от 0,3 до 0,9 см. Чаще встречаются негативы шириной 0,5 см. Изготовлены нуклеусы из черного кремня, кремнистого сланца и зеленой яшмы.

Высота расколотых нуклеусов (4) равна 1,7 – 1,8 – 3,0 – 3,2 см. Три нуклеуса расколоты вдоль, один – по диагонали. Ширина полных негативов пластин: 0,5 – 0,6 – 0,8 см. Изготовлены нуклеусы из зеленой яшмы (2), черного кремня и кремнистого сланца. На всех нуклеусах сохранилась плиточная корка.

Кроме нуклеусов в коллекции присутствуют пять нуклевидных кусков со следами бессистемного раскалывания. Своим размером (4,6 × 4,2 × 2,2 см) выбивается нуклевидный кусок из халцедона. Остальные нуклевидные куски выполнены из кремня, алевротуфа, кремнистого сланца и зеленой яшмы. На четырех кусках присутствует первичная корка.

Технические сколы представлены поперечными сколами (6), ребристым сколом (1) и ребристыми пластинками (3). Длина пяти поперечных сколов колеблется от 1,4 до 1,8 см. Только один скол имеет более крупный размер (2,4 × 2,0 см). Изготовлены поперечные сколы с нуклеусов из кремнистого сланца, зеленой яшмы и светло-серой яшмы (по 2). На ребристом сколе размером 2,8 × 2,5 см, изготовленном из кремнистого сланца, сохранилась первичная корка. Ребристые пластинки (3) имеют ширину 0,6 – 0,8 – 0,9 см. Выполнены они из светло-серой яшмы (2) и сердолика.

Пластинчатый комплекс состоит из пластинок с ретушью (3) и без нее (48). Пластины с вторичной обработкой отретушированы со спинки (2) и с брюшка (рис. 3, 12, 13). Все они являются сечениями. Пластины без ретуши представлены в основном обломками кривых, изогнутых в профиле, неправильно ограненных экземпляров. Их

ширина колеблется от 0,5 до 1,4 см (рис. 3, 4 – 11). Преобладают пластинки шириной 0,6 – 0,8 см – 32 экз. (69,5%). На десяти пластинках сохранилась первичная корка. Целые пластинки (8) имеют длину от 1,3 до 2,9 см. Правильную огранку имеют в основном сечения (11). Отсеченные дистальные (9) и проксимальные (15) концы пластин составляют 50,0%. Для изготовления пластин использовались зеленая яшма (16), кремнистый сланец (12), черный кремень, светло-серая яшма (по 8) и халцедон (4).

Также на пластинах изготовлены резцы (2), острие и геометрический микролит. Резцы выполнены на пластинках кремня и кремнистого сланца шириной 0,7 и 0,9 см (рис. 3, 14, 15).

Острие с намеченными плечиками имеет длину 2,5 см, ширину – 0,8 см. Жало острия обработано крутой ретушью со спинки (рис. 3, 16). Изготовлено острие из полосчатой (красно-зеленой) яшмы.

Геометрический микролит представлен обломком низкой асимметричной трапеции с одной боковой выемкой длиной 1,2 см. Ширина пластинки светло-серой яшмы, из которой изготовлен микролит, равна 0,8 см (рис. 3, 17). Нижняя продольная часть пластины обработана мелкой ретушью со спинки. Верхняя часть микролита скошена такой же мелкой ретушью со спинки.

Остальной комплекс каменных изделий описывается суммарно.

Единственный крупный нуклеус высотой 5,2 см относится к типу торцовых однофронтальных двухплощадочных (рис. 3, 1). Одна из площадок сильно скошена. Ширина полных негативов от снятых пластин равна 0,7 – 0,9 – 1,9 см. Изготовлен он из характерной для неолитических изделий светло-серой слабокремневой породы.

Из такой же породы выполнены поперечные сколы с нуклеусов. Они происходят при подправке ударных площадок, обычно имеют небольшие размеры (2,6 × 2,1 см; 2,9 × 2,4 см – 2 экз.).

Следует отметить наличие плиток кремнистого сланца со следами единичных ско-

лов (14), которые воспринимаются как пробы минерального сырья.

Небольшой пластинчатый комплекс представлен пластинами без ретуши (23) и со следами вторичной обработки (10). Пластины без ретуши имеют ширину от 1,1 до 1,9 см (рис. 3, 18 – 20, 22, 24, 25, 28, 30). Преобладают пластины шириной 1,3 – 1,5 см – 11 экз. Целых пластин в коллекции нет. Преобладают сечения (11). Пластин с отсеченным дистальным концом в коллекции 4 экз., отсеченных дистальных концов – 5 экз. и отсеченных проксимальных концов – 3 экз. Изготовлены пластины из светло-серой яшмы (13), светло-серой слабокремнелой породы (5), кремнистого сланца, халцедона (по 2) и кремневой яшмы (1). На шести пластинах присутствует первичная корка.

Пластины с ретушью подразделяются на пластины с ретушью со спинки (8), с ретушью с брюшка и с ретушью со спинки и с брюшка (по 1). Пластины с ретушью со спинки только в трех случаях обработаны по двум краям (рис. 3, 26, 31, 32), остальные – по одному краю (рис. 3, 21, 23, 27). На одной пластине халцедона кроме отретушированного края ретушью со спинки оформлена небольшая выемка (рис. 3, 26). Ширина пластин с ретушью со спинки колеблется от 1,3 до 2,0 см. Ретушью с брюшка обработана одна пластина из светло-серой яшмы (сечение) шириной 1,7 см. Крупные размеры имеет пластина халцедона длиной 3,8 с отсеченным дистальным концом и шириной 2,1 см, обработанная краевой ретушью со спинки и с брюшка (рис. 3, 29).

Единственный резец изготовлен на пластине светло-серой яшмы шириной 1,4 см (рис. 3, 33). Правильное гранение и многогранная спинка позволяют отнести ее к энеолиту.

Из шести целых наконечников стрел половина относится к энеолиту, половина – к бронзовому веку. Один энеолитический наконечник длиной 2,7 см имеет вытянутую треугольную форму, прямое основание. Изготовлен из молочного кварца (рис. 4, 6). Второй наконечник длиной 3,6 см, выполненный из халцедона, имеет слабо вы-

раженный треугольный черешок (рис. 4, 3). Наиболее интересен третий наконечник стрелы длиной 3,8 см. Кончик пера у него поврежден, но при помощи мелкой ретуши ему придали скошенную форму. Черешок наконечника выделен и ограничен с двух сторон двумя боковыми шипами (рис. 4, 4). Изготовлен он также из халцедона. Наконечники бронзового века представлены в виде коротких (2,0 – 2,0 – 2,5 см) треугольников с прямым основанием (рис. 4, 8, 9). У двух наконечников повреждены острия. Изготовлены они из светло-серой кремнистой породы (2) и молочного кварца.

Среди сломанных наконечников стрел присутствуют острия (9), насады (4) и наконечник с отколотым острием (рис. 4, 7). Длина обломков колеблется от 1,3 до 2,7 см. Судя по насадам и технике обработки большая их часть относится к энеолиту. Изготовлены обломки наконечников из молочного кварца (5), халцедона (4), кремнистого сланца (3), углистого сланца и мохового опала (по 1).

Имеются в коллекции и не законченные в обработке наконечники стрел (заготовки). Обычно они кривые, несимметричные, горбатые. Имеют листовидную форму и длину от 3,4 до 6,8 см (рис. 4, 2). Выполнены они из халцедона и кремнистого сланца (по 3).

Наконечники дротиков в коллекции представлены только двумя заготовками. Один наконечник из углистого сланца имеет листовидную форму размером 6,5 × 3,5 × 1,4 см. Второй наконечник размером 8,2 × 4,2 × 2,1 см изготовлен из халцедона (рис. 4, 1). Обе заготовки обработаны оббивкой. На обеих сохранилась первичная корка.

Острия (3) изготовлены как на пластинах, так и на отщепах. Игловидное острие выполнено на пластине светло-серой яшмы длиной 2,9 см и шириной 0,8 см. По двум краям оно обработано крутой краевой ретушью со спинки. Кончик острия подправлен ретушью со стороны брюшка (рис. 4, 12). Второе острие изготовлено на первичной пластине кремнистого сланца. Длина пластины 3,6 см, ширина – 0,8 см. Зауженный

конец пластины с одной стороны заострен резцовым сколом, а с другой – поправлен мелкой краевой ретушью со спинки (рис. 4, 11). Третье острие изготовлено на осколке плитки кремнистого сланца. Острие образовано краевой ретушью по одному краю со спинки и с брющка (рис. 4, 10).

Для изготовления скребков (65) использовались разные исходные формы заготовок. Больше всего изготовлено скребков на отщепках – 47 экз. Длина скребков варьирует от 1,3 до 3,9 см. Обычно скребки имеют округлую, подтреугольную и подквадратную форму (рис. 4, 14, 16 – 21). Два скребка имеют нуклевидный характер. Только один скребок обработан ретушью с брющка. У остальных скребков рабочее лезвие оформлено ретушью со спинки. Выделяется серия миниатюрных скребков длиной до 1,7 см – 11 экз. (рис. 5, 8 – 11). На 26 скребках присутствует первичная корка. Один скребок из халцедона сильно залощен, на рабочем лезвии имеются четкие линейные следы работы по коже. Для изготовления скребков использовалось разнообразное минеральное сырье: халцедон (16), зеленая яшма (11), кремнистый сланец (7), черный кремень (4), светло-серая слабокремнезольная порода, молочный кварц (по 3), углистый сланец, сургучная яшма, горный хрусталь (по 1). Скребок из горного хрусталя имеет размер 1,7 × 1,2 × 0,55 см. Рабочее лезвие оформлено ретушью со спинки. На спинке отщепки сохранилась галечная корка.

Скребки на пластинах (10) выполнены на пластинах длиной 1,2 – 6,5 см, шириной от 1,5 до 3,0 см (рис. 5, 1 – 6). Рабочие лезвия всех скребков оформлены ретушью со спинки. Два скребка имеют скошенные лезвия (рис. 5, 5, 6). Самый крупный скребок изготовлен на первичной пластине кремнистого сланца длиной 6,5 см, шириной 3,0 см, толщиной 0,9 см. Один боковой край обработан крупной краевой ретушью со спинки (рис. 5, 1). Еще три скребка выполнены на пластинах шириной 2,0 – 2,1 – 2,65 см (рис. 5, 2 – 4). Изготовлены они из светло-серой слабокремнезольной породы (2) и халцедона. Все скребки

на широких пластинах можно отнести к неолиту. Интересен скребок на пластине светло-серой слабокремнезольной породы, скобинированный с острием. Его длина 3,7 см, ширина 1,5 см. Острие оформлено ретушью со спинки и подправлено ретушью с брющка. Боковой край обработан мелкой краевой ретушью со спинки (рис. 4, 13).

В одном случае для изготовления скребка использовался поперечный скол с нуклеуса. Размер скола – 2,7 × 2,3 см, ширина негатива пластины – 1,3 см. Изготовлен скол из светло-серой слабокремнезольной породы.

Три скребка выполнены на плитках. Один скребок имеет два рабочих лезвия, причем одно обработано ретушью с одной стороны плитки, а противоположное – с другой стороны (рис. 4, 15). Второй скребок на плитке выявлен при помощи трасологического анализа. В качестве скребка использовался фрагмент плитки сланца без вторичной обработки размером 3,0 × 1,7 × 0,6 см. Один край плитки сильно скруглен и заглажен, на нем присутствуют линейные следы скребкового характера.

Для изготовления скребков применялись и сломанные наконечники стрел (2). В одном случае использовался наконечник из мохового агата (рис. 5, 12), в другом – наконечник из кремневой яшмы (рис. 5, 13).

В отдельную группу выделены скребки балакинского типа (2). Они имеют округлую форму и небольшие размеры – диаметр 1,6 и 1,8 см (рис. 5, 8, 9). Скребки обработаны плоской ретушью со спинки и с брющка. Такие скребки в сочетании с наконечниками стрел в виде широких треугольников широко были распространены в бронзовом веке.

Скребла (2) изготовлены на крупных отщепках. Одно скребло выполнено на массивном отщепе молочного кварца размером 7,3 × 3,5 × 2,5 см, второе – на отщепе халцедона размером 5,1 × 4,4 × 1,6 см.

Ножами обычно служили плитки, обработанные краевой ретушью по одному или двум краям. Чаще использовались плитки серого кварцита (3). Их длина доходила до 4,1 см, толщина составляла 0,3 – 0,6 см.

Несколько реже применялись плитки углестого сланца. Один такой нож изготовлен из плитки размером $6,6 \times 3,6 \times 0,6$ см. Один нож выполнен на отщепе черного кремня длиной 3,6 см. Один угол отщепа ретушью со спинки преобразован в лезвие с суживающимся концом (рис. 5, 14).

В эпохи неолита – энеолита для изготовления орудий часто применялась абразивная техника. В коллекции поселения присутствуют шлифованный наконечник стрелы, два шлифованных ножа и шлифованное тесло. Шлифованный наконечник представлен фрагментом длиной 3,8 см, шириной 1,4 см. У него отломано острие (рис. 4, 5). Он имеет ромбическое сечение и треугольный насад. Такие наконечники бытовали в эпоху энеолита. Шлифованные ножи также представлены фрагментами. Маленький фрагмент размером $2,6 \times 2,1 \times 0,55$ см отшлифован с двух сторон, имеет выделенную фаску. От второго ножа сохранился фрагмент длиной 6,0 см, шириной 3,6 см и толщиной 0,6 см (рис. 5, 16). Одна плоскость ножа полностью отшлифована, на противоположной – сохранились негативы крупных сколов от поперечной оббивки. Рабочее лезвие снабжено фаской, на которой сохранились линейные следы сработанности. Изделие долгое время служило строгальным ножом. Шлифованное тесло имеет миниатюрные размеры – $3,2 \times 1,9 \times 0,45$ см. Плоскости частично отшлифованы. Лезвие симметричное, дугообразное, тщательно отшлифовано с двух сторон. Отшлифованы и боковые ребра (рис. 5, 15). Изделие можно было бы посчитать игрушкой, но фаска лезвия с одной стороны заполирована и на ней сохранились четкие линейные следы. Все описанные изделия выполнены из вулканомиктового песчаника.

От шлифованных орудий на памятнике сохранилось 26 обломков. Их длина колеблется от 1,2 до 8,5 см. Среди них два сколотых лезвия тесел, девять средних частей и один отбитый обух. Остальные обломки (в основном мелкие) относятся к числу неопределимых. Среди обломков выделяется расколотое вдоль тесло размером $8,5 \times 4,1 \times 1,8$

см. Место раскола пришлифовано, но лезвие полностью разрушено. Один обломок листовидной формы размером $5,5 \times 3,5 \times 0,8$ см использовался вторично в качестве скребка по коже. Еще два обломка обработаны ретушью со спинки и с брюшка. Могли служить ножами (рис. 5, 7). Сохранился обломок талькового изделия размером $2,0 \times 1,4 \times 1,0$ см. У него отшлифованы две плоскости. Возможно, фрагмент литейной формы. Остальные обломки происходят от орудий, изготовленных из вулканомиктового песчаника.

Орудия обработки представлены двумя обломками точильного камня и шлифовальными плитами (93). Точильный камень выполнен из плитки тонкозернистого песчаника длиной до 10,3 см. Она отшлифована со всех сторон. Одна поверхность сильно вогнута от заточки лезвий металлических ножей. Толщина плитки в месте слома доходит до 0,3 см.

Все шлифовальные плиты фрагментированы (93). Обломки длиной от 1,9 до 7,0 см составляют больше половины плит – 67 экз. Обломков длиной от 8,1 до 19,3 см – в коллекции 26 экз. Самой большой, но фрагментом более крупной плиты, является плита из гранодиорита размером $19,3 \times 18,6 \times 2,6$ см. 13 плит являлись двусторонними, остальные – односторонними. Почти все обломки происходят от шлифовальных плит, изготовленных из гранодиорита. Из сланца и песчаника выполнено соответственно семь и четыре шлифовальные плиты. Еще одна плита изготовлена из кварцитопесчаника. Анализ плит показал, что использовались они для разных операций. Некоторые плиты предназначались для первичной обдирки заготовок. Обдирка производилась при помощи крупнозернистого песка. Поэтому плиты покрыты рельефно выраженными царапинами. Основная часть плит использовалась для формообразования орудий и для тонкой пришлифовки. Для последней операции применялись плиты из сланца и песчаника. Необходимо отметить, что после долгого использования шлифовальные плиты намеренно разбивались. Иногда их использовали для изготовления

абразивных пил и рыболовных грузил. Что за этим стоит – недостаток минерального сырья, или определенный ритуал – пока непонятно. Но такая ситуация прослеживается на многих памятниках.

Орудиями для абразивной обработки являлись и абразивные пилы. В коллекции присутствуют четыре абразивные пилы и столько же предметов со следами распила. Самая крупная абразивная пила изготовлена из двухсторонней шлифовальной плиты из кварцитопесчаника. Ее размер – $12,3 \times 10,1 \times 2,4$ см. Лезвие имеет округлый профиль. Глубина проникновения в обрабатываемый материал – до 0,5 см. Из шлифовальных плит из гранодиорита изготовлены еще две абразивные пилы, одна – из двухсторонней, вторая – из односторонней. Следует отметить, что рабочее лезвие у одной пилы не скругленное, как обычно, а уплощенное шириной 0,8 см. Четвертая пила выполнена из нешлифованной плитки гранодиорита размером $4,3 \times 3,7 \times 0,95$ см. Лезвие – подтреугольное в профиле. Глубина пиления составила 0,7 см.

Предметы со следами пиления представлены изделиями из сланца (2), талька и вулканомиктового песчаника. Одна плитка из сланца склеена из двух фрагментов, размеры которых составляют $3,7 \times 1,8 \times 0,2$ см. Один край плитки отретуширован. На втором присутствует след от распила глубиной всего 0,1 см. Затем по распилу был произведен слом плитки. Скорее всего, плитка готовилась для шлифованного ножа. Вторая плитка была заранее пришлифована. Ее толщина доходила до 0,4 см, а глубина пропила составила всего 0,1 см. Тем не менее по распилу плитку сломали. След от пропила шириной 0,25 см и глубиной 0,2 см присутствует на боковой стороне куска талька размером $11,8 \times 6,1 \times 5,0$ см. Самой твердой породой (4 – 6 ед. по шкале Мооса) в коллекции представлен отщеп вулканомиктового песчаника размером $4,5 \times 2,6 \times 0,8$ см. Длина распила составляет 4,1 см, ширина 1,5 см, глубина до 0,3 см. После окончания пиления отщеп не был сломан по пропилу.

Из других изделий нужно отметить рыболовные грузила (6), лощило, отбойники и комбинированное орудие.

Половина грузил изготовлена из гранодиорита (4), причем в одном случае грузило сделано из двухсторонней шлифовальной плиты. По боковым краям грузила оббивкой образованы две противолежащие выемки для привязывания. Грузило имеет овальную форму размером $7,6 \times 5,7 \times 1,2$ см. Размеры двух других грузил немного больше – $8,2 \times 5,1 \times 1,85$ см и $9,3 \times 6,2 \times 2,1$ см. Они также изготовлены из гранодиорита, оббиты по периметру и имеют овальную форму. Самое крупное грузило из гранодиорита имеет размер $11,7 \times 9,6 \times 2,4$ см. По бокам у него оформлены выемки для привязывания. Еще два грузила выполнены из сланца. Одно сломано в середине, а второе также имеет противолежащие выемки.

Лощило изготовлено из кусочка талька размером $3,2 \times 2,7 \times 1,0$ см. Одна плоскость у него стерта и заглажена. Выпуклая плоскость свидетельствует, что лощило служило для заглаживания внутренней поверхности керамических сосудов. Такие тальковые лощила хорошо известны в Среднем Зауралье на памятниках неолита (Юрьинское поселение, Кокшаровский холм), энеолита (Шайтанское озеро I, Балакина, 30-й километр) и бронзового века (Балакино I, Медведка).

Отбойниками (13) служили овальные гальки кварца и кварцита длиной от 3,5 до 11,7 см. На шести гальках употреблялся только один конец, еще шесть галек являлись двухконечными отбойниками. Еще у одной гальки каплевидной формы размером $6,9 \times 6,2 \times 4,6$ см в качестве рабочего края использовались не заостренные концы, а весь периметр орудия.

Необычно использовался оббитый кусок вулканомиктового песчаника размером $7,6 \times 5,4 \times 4,3$ см. Выступающий конец куска долгое время служил отбойником, а сходящиеся углом грани использовались для скобления кожи. Что подтверждается четкими линейными следами.

К заготовкам орудий (52) отнесены изделия, обработанные двусторонней ретушью или оббивкой, но из-за низкого качества сырья или по другим причинам не доведены до конца. Их длина варьирует от 1,7 до 9,4 см. В определенных случаях по форме изделий и характеру обработки можно понять, что в завершенном виде должны были появиться рубящие орудия или наконечники стрел и дротиков (29). Заготовки рубящих орудий имели крупные размеры (9,4 × 5,3 × 3,5 см). Обработка изделий производилась с помощью оббивки. Заготовки бифасов обычно обрабатывались плоской двусторонней ретушью, имели меньшие размеры. Минеральное сырье, использованное при изготовлении неудавшихся орудий, очень разнообразно. Абсолютно преобладают изделия из халцедона – 31 экз. Применялись также молочный кварц (9), кремнистый сланец (5), кремень, вулканомиктовый песчаник (по 2), углистый сланец, серый кварцит и зеленая яшма (по 1). Первичная корка присутствует на 24 заготовках.

Отщепы с краевой ретушью (28) обычно использовались для работ единичного характера. Их длина колеблется от 1,4 до 7,2 см. Только два отщепы обработаны ретушью со стороны брюшка, все остальные – ретушью со спинки. Список минерального сырья также достаточно разнообразен: халцедон (11), кремнистый сланец (6), кремень, светло-серая яшма (по 4), молочный кварц, углистый сланец и зеленая яшма (по 1). С первичной коркой 12 отщепов.

Коллекция отщепов составляет 1349 экз. Две трети отщепов (76,7%) составляют отщепы молочного кварца (443 экз. – 32,8%), халцедона (329 экз. – 24,4%) и кремнистого сланца (263 экз. – 19,5 %). Почти половина отщепов молочного кварца (45,8%) относится к чешуйкам, их длина менее 1,0 см. Длина отщепов молочного кварца варьирует от 0,4 до 6,7 см. На 82 отщепках присутствует первичная корка. Отщепы халцедона имеют длину от 0,5 до 8,5 см. 22 отщепы покрыты мелкими трещинками от пребывания в огне. С первичной коркой 151 отщеп

(45,0%). Длина отщепов кремнистого сланца колеблется от 0,6 до 7,8 см. Плиточной коркой покрыт 201 отщеп (76,4%). Самые крупные отщепы находятся среди сколов вулканомиктового песчаника (129 экз.), их длина достигает от 1,2 до 11,6 см. Первичная корка сохранилась на 60 отщепках (46,5%). Остальные виды минерального сырья составляют 13,7%. Среди них представлены отщепы углистого сланца (67), серого кварцита (43), светло- и темно-серой яшмы (34), зеленой яшмы (11), алевротуфа, светло-серой слабоокремненной породы (по 8), кремня (6), сердолика (3), бурой яшмы (2), лигита, голокаменского алевролита и горного хрусталя (по 1). Следует отметить, что суммарно первичная корка присутствует на 558 отщепках (41,4%). Это означает, что население использовало местные выходы минерального сырья. Можно также подчеркнуть, что доля разных видов яшмы в комплексе отщепов незначительна – 47 экз. (3,5%).

Обычными категориями находок на памятнике являются расколотые гальки (19), плитки (26) и куски (5) камня без следов обработки. Расколотые гальки имеют длину от 1,5 до 9,0 см. Среди них преобладают гальки молочного кварца (13). Единично встречаются гальки сланца (2), алевротуфа, гранодиорита, халцедона и эпидота (по 1). Необычна в этом комплексе галька эпидота зеленого цвета размером 9,0 × 3,9 × 3,2 см.

Плитки без следов обработки (26) могли являться запасами минерального сырья. Их длина доходит до 10,4 см. Преобладают среди них гальки слюдистого сланца (10), обычного сланца (7) и гранодиорита (4). Остальные виды представлены единично: серый кварцит, песчаник (по 2), тальк (1).

В группе камней (5) интересна плитка песчаника квадратной формы размером 14,2 × 14,2 × 4,1 см. На плитке сохранились окаменевшие следы от морской рыбы. Скорее всего, на поселение ее принесли из-за необычного вида. Это косвенное подтверждение тому, что древних обитателей интересовал не только прагматический аспект существования.

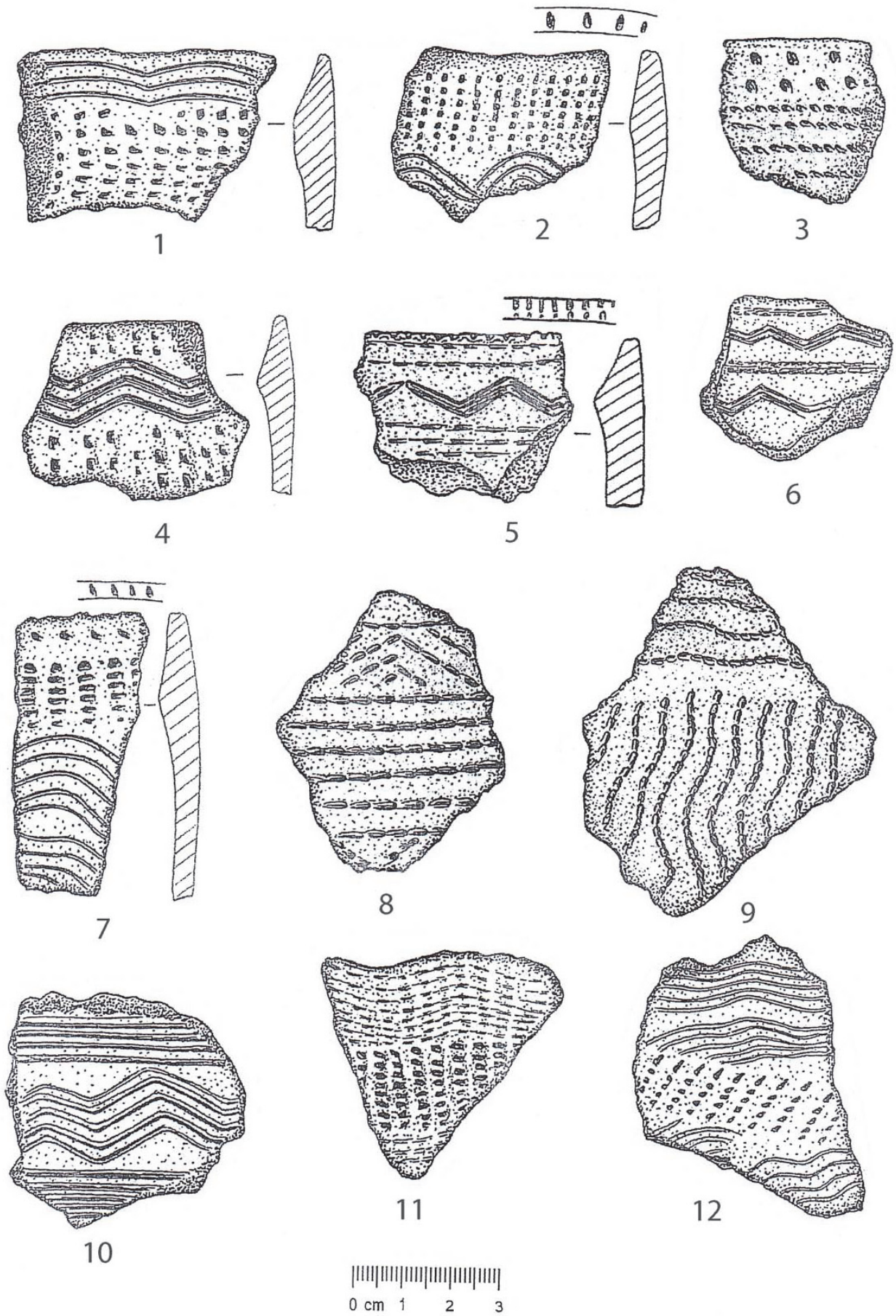

Рис. 1. Кокшаровское поле. Керамика эпохи неолита (1–12)

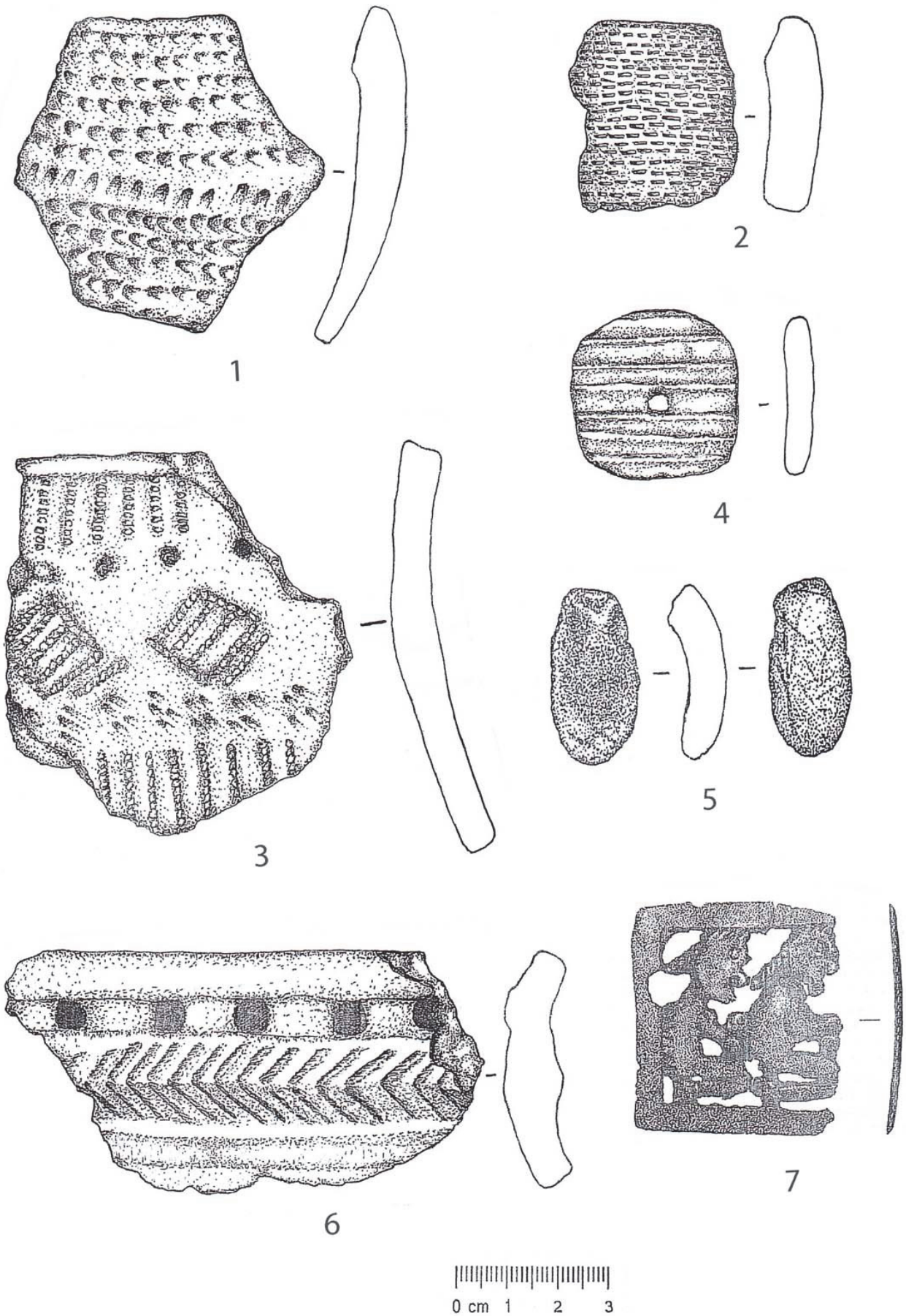

Рис. 2. Кокшаровское поле. Изделия из глины (1–6) и цветного металла (7)

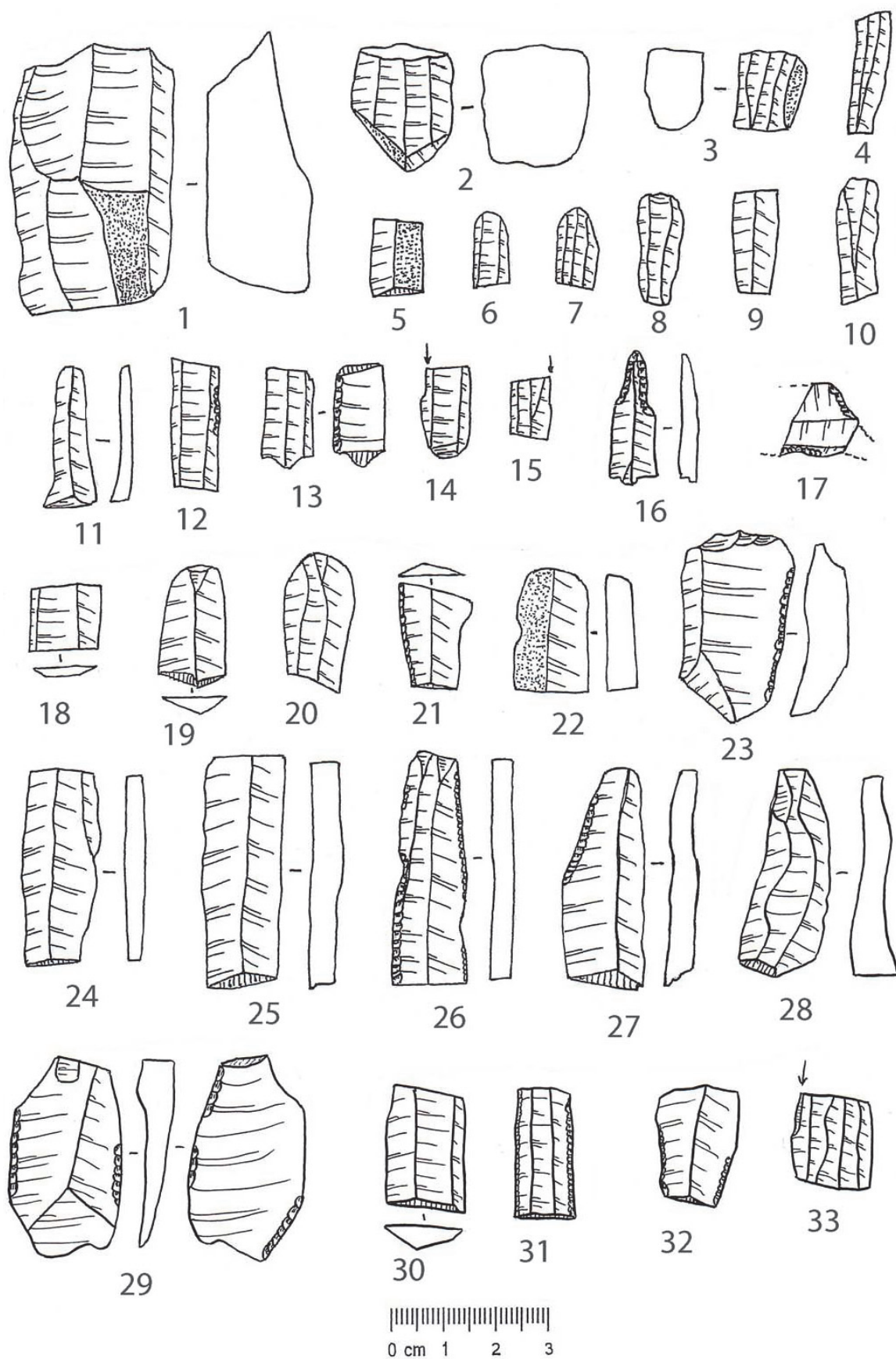

Рис. 3. Кокшаровское поле. Каменные изделия
 (1–3 – нуклеусы; 4–11, 18–20, 22, 24, 25, 28, 30 – пластины без ретуши;
 12, 13, 21, 23, 26, 27, 29, 31, 32 – пластины с ретушью; 14, 15, 33 – резцы;
 16, – остриё; 17 – геометрический микролит)

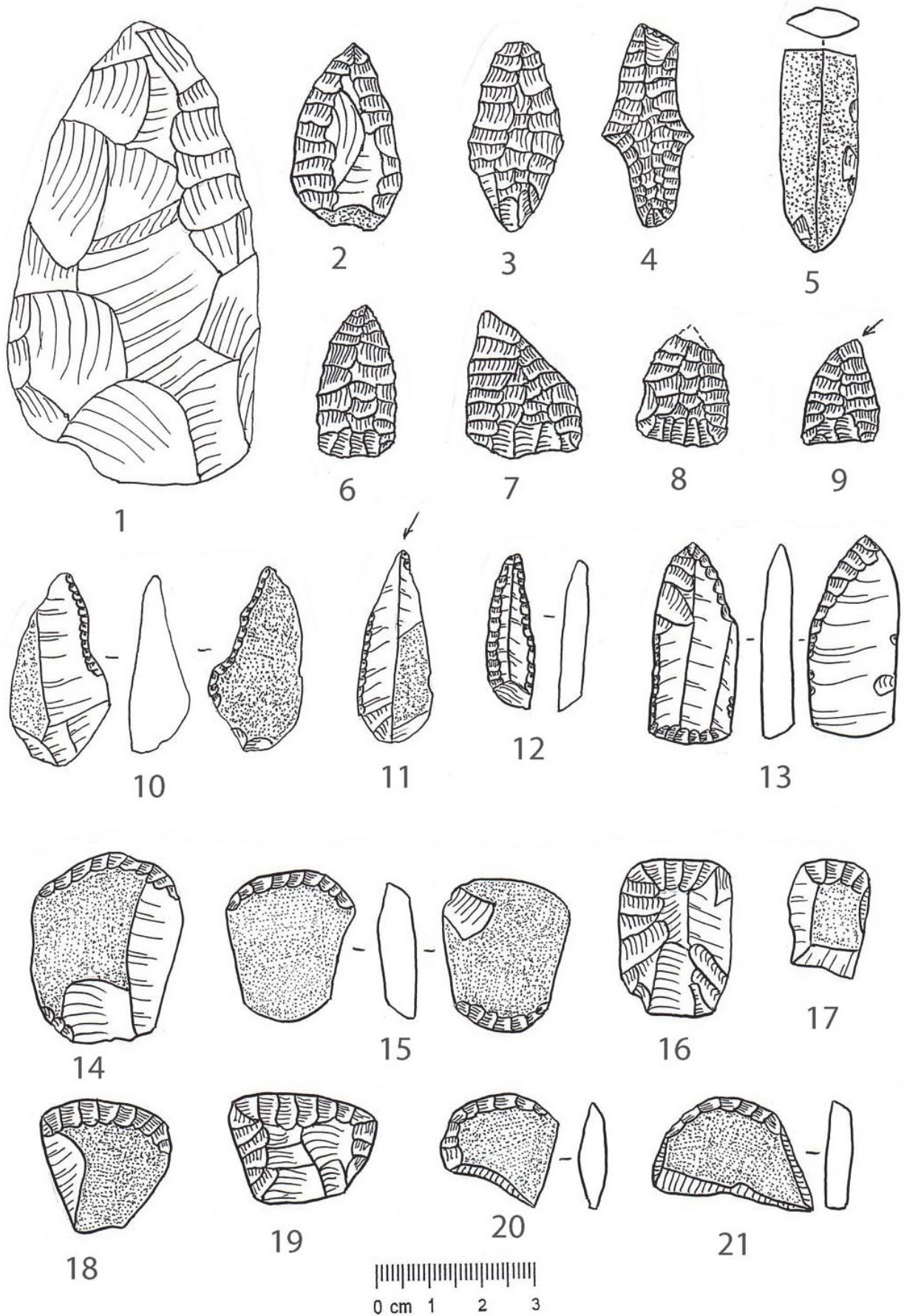

Рис. 4. Кокшаровское поле. Каменные изделия
 (1 – заготовка наконечника дротика; 2–9 – наконечники стрел;
 10–12 – остря; 13 – скребок–остриё; 14–21 – скребки)

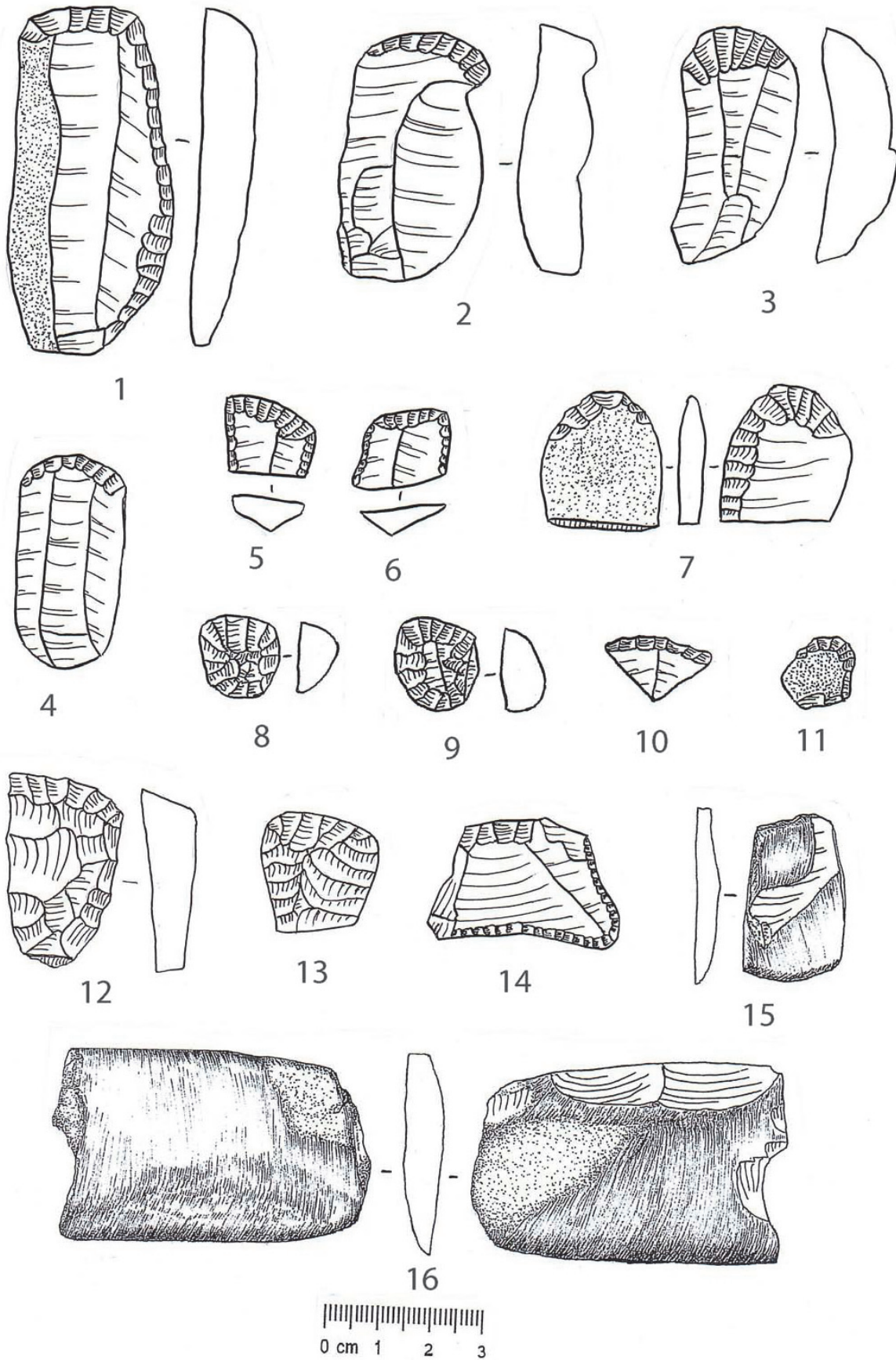

Рис. 5. Кокшаровское поле. Каменные изделия (1–6, 8–13 – скребки; 7, 14 – отщепы с ретушью; 15 – шлифованное тесло; 16 – шлифованный нож)

Таким образом, на памятнике присутствуют материалы пяти археологических эпох, от мезолита до средневековья. Среди керамических комплексов и каменных изделий преобладают материалы неолита и энеолита. Остальные эпохи представлены незначительной примесью. Несмотря на немногочисленность коллекции находок она в определенной степени характеризует степень освоенности берегов Кокшаровского торфяника на протяжении нескольких тысячелетий. Представленные материалы раскрывают не только хозяйственно-производственную деятельность местного населения, но и дополняют новыми находками духовную культуру древности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сериков Ю.Б. Кокшаровский торфяник // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. Екатеринбург: изд-во «Екатеринбург», 2000. С. 268.

² Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 136-143; Сериков Ю.Б. Кокшаровский торфяник // Большая Российская энциклопедия. Т. 14 (Киреев – Конго). Москва: БРЭ, 2009. С. 456.

³ Сериков Ю.Б. Новые торфяниковые памятники Кокшаровского торфяника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 99-114.

⁴ Старков В.Ф. Кокшарово I – многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. 1970. № 1. С. 97-108.

⁵ Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

⁶ Сериков Ю.Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА. 1992. № 4. С. 131-147.

⁷ Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М.: Воскресенская типография, 2012. 214 с.

⁸ Сериков Ю.Б. Работы Нижнетагильского отряда // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 171-172.

⁹ Волков Р.Б. Рекогносцировочные раскопки на многослойном поселении Кокшаровское поле // АО 2000 года. М.: Наука, 2001. С. 157-158.

¹⁰ Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. С. 34.

¹¹ Кашина Е.А. Антропоморфные изображения из глины в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы // РА. 2004. № 3. С. 23-25.

¹² Волков Р.Б. Рекогносцировочные раскопки на многослойном поселении Кокшаровское Поле // АО 2000 года. М., 2001. С. 158.

NEW DATA ON THE ARCHEOLOGY OF THE KOKSHAROVSKY PEAT BOG (Middle Trans-Urals)

© 2022 Yu.B. Serikov

Russian State Vocational Pedagogical University (Nizhniy Tagil Branch)

The Koksharovsky peat bog is well-known in the archaeology of Urals and Russia primarily for its cult sites (Koksharovsky hill, Koksharovo I) and peat sites (Koksharovsko-Yurjinskaya I and II). The first excavations at the peat bog were carried out as early as 1837. Out of more than 60 archeological sites represented by materials from excavations and collections, only complexes of five sites have been published. The article introduces the previously unknown complexes of the Koksharovskoe Pole site, where materials from all archaeological eras from Mesolithic to the Middle Ages are presented. The most of the finds date back to the Neolithic (66 %) and Chalcolithic (18 %) periods. The other eras are represented by the minor additives. The collection was examined using statistical and typological, stratological, and mineralogical methods. Two clay sculptures (an anthropomorphic figure and a bird) and a bronze jewelry are of great interest. The list of mineral raw materials includes 20 items. The materials presented in the article characterize the degree of colonization of the shores of the Koksharovsky peat bog over several millennia.

Keywords: Middle Trans-Urals, Koksharovsky peat bog, Mesolithic, Middle Ages, types of stone products, works of art, raw basis of site.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-117-131

УДК 94(4)+94(398)

ОСНОВЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬ ДОНБАССА В СРЕДНИЕ ВЕКА. ЧАСТЬ 1

© 2022 А.В. Колесник, В.К. Гриб, В.А. Санжаров

Донецкий национальный университет, ДНР

Статья поступила в редакцию 28.02.2022

Историческая периодизация – система упорядочения исторического процесса на значимые в развитии общества эпохи и периоды. Донбасс – крупный географический регион на юге Днепро-Донского междуречья, состоящий из возвышающегося Кряжа и окружающих равнинных участков. Региональная (локальная) периодизация основана на исследованиях в области истории и археологии и представляется впервые. Опираясь на цивилизационные, археологические и историко-географические критерии типологии (этно-индикаторы, миграционные процессы, военные инвазии, образование и распад степных политий), авторы пришли к заключению о географическом и цивилизационном пограничье региона. Начиная с эпохи Великого переселения народов суть периодов в значительной степени определял доминирующий этнос или политическое образование под властью доминирующего этноса. Хронологические страты внутри предлагаемого варианта периодизации коррелируют с археологическим материалом.

Ключевые слова: Донбасс, хронология, периодизация, всеобщая история, локальная история, ранние Средние века, эпоха Великого переселения народов, Хазарский каганат.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-132-140

Работа выполнена в рамках проекта «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса» №22-Ф/2 МОН ДНР

Введение

При определении основ хронологии и периодизации истории земель Донбасса в указанный период мы сталкиваемся с двумя ключевыми проблемами. Первой из них является проблема определения начальных и конечных дат эпохи Средних веков как ключевого по протяженности отрезка истории двух последних тысячелетий. Очевидно, что проблема является производной от типологии исторического процесса, при этом понимание основ периодизации по-прежнему

напрямую зависит от двух базовых теорий всемирной истории, широко известных и в какой-то степени догматизированных в советской и современной российской научной литературе, – формационной и цивилизационной. Схемы периодизации истории на основе концепции Фергюсона-Моргана¹, теории постиндустриального общества Белла Тоффлера², эволюции мышления³, экологических трансформаций⁴ и др. используются не столь широко.

По отношению к истории Донбасса определение границ Средних веков в рамках формационной теории до настоящего времени широко используется не столько в научном, сколько в учебном пространстве⁵. Это служит основой для системного изложения истории с конвенционными границами эпох и периодов.

В рамках цивилизационного подхода исторический процесс рассматривается как

Александр Викторович Колесник, доктор исторических наук, Донецкий национальный университет, ДНР; ГАУК РО «Донское наследие», Ростов-на-Дону. E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Владимир Константинович Гриб, старший научный сотрудник научно-исследовательской части. E-mail: vladgrib@mail.ru

Валерий Анатольевич Санжаров, кандидат исторических наук, Горловка, ДНР. E-mail: 6253693@gmail.com

состоящий из историй отдельных цивилизаций, при этом понятие «цивилизация» имеет множество контекстов⁶. В силу географического расположения для территории Донбасса актуальна средневековая цивилизация степной зоны Европы. Стержнем истории данной части Евразии признается история тюрко-язычных кочевников, а отправной точкой отсчета – гуннская инвазия в Европейские степи в 370-е гг. С учетом специфики кочевой экономики и государственности в мире кочевников критерий развития феодальных отношений не является главным в периодизации истории Степи в эпоху средневековья. Эти критерии иные: Степь, тюрки, кочевники, хотя в орбиту данной цивилизации входят не только Степь, не только тюрки и не только кочевники.

При восхождении к мир-системному анализу периодизации истории с ее «арогенной макроэволюцией»⁷ и планетарными макроциклами периодизация истории средневековой Евразийской Степи, включая земли Донбасса, не столь очевидна. С точки зрения теории крупных «технических, культурных и политических ароморфозов», периодизационный статус имеют масштабные миграции, образование различных империй, политические катаклизмы, революционные перевороты в области техники и пр. Именно они нарушают плавный ход истории, вызывают крупные или глобальные перестройки исторического процесса.

Вторая производная проблема касается соотношения глобального и регионального в историческом процессе и затрагивает вопрос о значимости регионального колорита истории в равной степени в системе оценок формационной или цивилизационной теорий. Вопрос о соотношении всеобщей и локальной истории имеет много значений⁸, но очевидно нарастание веса цивилизационных критериев при обращении к истории конкретных земель, при переходе к микро-подходам в истории. Реконструкция исторического процесса идеографическими методами, базирующимися на описании неповторимого опыта⁹, означает конкрет-

но-исторический подход к изучению истории, познание общего через частное, к миру истории «за окном». Именно такой является история земель Донбасса – крупного района на юге Днепро-Донского междуречья, маргинального участка Степи, пограничного как в географическом, так и в цивилизационном смысле. Необходимо учитывать, что локальная история не имеет такой четкой векторности развития, как мировая история¹⁰, и обладает значительной индивидуальностью при характеристике отдельных эпох, периодов и границ между ними. Философско-методологические основы периодизации истории затрагивают соотношение онтологического и гносеологического аспектов познания истории как непрерывного событийного ряда¹¹. Они указывают на условность выделяемых эпох¹², при этом парадигмы периодизации исторического процесса последовательно менялись во времени¹³.

Привлекаемый авторами для обоснования региональной периодизации истории эмпирический материал касается особенностей этнической, социальной и экономической истории. Основное количество наблюдений базируется на археологических источниках. Такой подход апробирован для исторических реконструкций отдельных периодов и территорий Восточной Европы при отсутствии или скудности письменных памятников. Средневековые археологические памятники Донбасса изучались С.А. Плетневой¹⁴, С.И. Татариновым и А.Г. Копылом¹⁵, М.Л. Швецовым¹⁶, В.К. Михеевым¹⁷, К.И. Красильниковым¹⁸, Э.Е. Кравченко¹⁹, В.К. Грибом²⁰, А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной²¹ и др.

Основы хронологии и периодизации истории Донбасса в эпоху Великого переселения народов

Эпоха Великого переселения народов (ВПН) – целостная эпоха в истории народов западной части Евразии. Ее содержанием является переход от поздней античности к раннему средневековью. В этот период

истории земли Донбасса в основном были транзитной зоной перемещения кочевых племен и племенных объединений. Ограниченный по территории анклав оседлого населения пеньковской археологической культуры возник только в конце эпохи на берегах Северского Донца.

Вопрос о начале эпохи не имеет однозначного решения. Согласно принятой и устоявшейся в российской историографии концепции эпохи Великого переселения народов, это был длительный процесс миграции скотоводческих племен азиатского происхождения, в результате которого гунны появились в Европе.

В то же время существует альтернативная точка зрения В.П. Будановой, согласно которой ВПН началось во второй половине II в., с началом т.н. Маркоманских войн (166-180 гг.). «Маркоманскими войнами завершился «золотой век» Римской державы, а Барбарикум вступил в эпоху активного формирования «клиентских варварских государств»²². Одними из главных действующих лиц этого времени на северо-востоке римских границ были германские племена и союзы²³. Поражением войск Империи под Адрианополем в 378 г. от готов-федератов завершился, по мнению В.П. Будановой, первый «германский» этап ВПН. Процесс «активного вращивания Барбарикума в Римский мир» продолжился во время второго «гуннского» этапа ВПН. Он длился более ста лет. К концу V в., после краха гуннского государства, римская власть была восстановлена на северных Балканах, что снова привело к границе Империи на реке Дунай и на сто лет продлило период трансформации. Для римской империи эпоха ВПН заканчивается в VII в. возникновением двуполярной системы, одним полюсом которой являлось Франкское королевство, другим – Византийская империя.

Отправной точкой начала средневековой истории Западной Европы принято считать 476 г. – год падения Западной Римской империи. Но для Восточной Европы эта дата не имеет никакого значения. Для Балкан такой

датой некоторые исследователи предлагают считать 700 г. – время выведения римских войск. Другие предлагают в качестве восточно-европейского эквивалента 476 г. – 568 г. (победа аваров над гепидами, миграция лангобардов в Италию). Исчезли «германские» государственные объединения в районе Карпат и традиционная система союзов, на которой основывалась политика Рима в отношении варваров, поскольку пришельцы-авары установили отношения с Империей на совершенно иной основе. Для большинства специалистов ключевым ориентиром является появление в регионе славян около 500 г. (третий «славянский» этап ВПН по терминологии В.П. Будановой)²⁴.

Временной отрезок с 580 по 680 г. следует считать ключевым периодом в создании экономических и социальных структур, которые ознаменовали начало средневековья. К 700 г. политический ландшафт Восточной Европы радикально изменился в связи с образованием трех могущественных государств – Аварского каганата в Центральной Европе, раннесредневековой Болгарии на Балканах и Хазарии в Степях Черного и Каспийского морей.

Таким образом, хронологические рамки данного периода определяются в пределах II – VII вв.

Эпоха Великого переселения народов была периодом неоднократной и резкой смены векторов развития этнополитической истории Азово-Черноморского бассейна. Немногочисленные археологические источники, происходящие из Донбасса, вполне корректно укладываются в три хронологических и содержательных этапа ВПН, выделяемых В.П. Будановой, с учетом региональных особенностей.

Первый этап на землях Донбасса был связан с аланами и готами, которые располагались на периферии Готского племенного союза²⁵. Второй этап маркируется гуннским присутствием²⁶. Для региона Верхнего Дона исследователи предполагают существование надлокальных потестарных структур или даже «малых варварских королевств»²⁷.

Донбасский материал пока не позволяет говорить ни о выделении подобных структур, ни о включенности в них какой-либо части территории региона.

Третий этап ассоциируется с племенами пеньковской археологической культуры V-VII вв., которую связывают с раннеславянским населением и их южным степным оногуро-гуннским окружением²⁸, или черняховским, причерноморским, степным кочевническим компонентом²⁹. По мнению исследователей, в настоящее время материал позволяет решить задачи построения схем культурного и хронологического развития отдельных микрорегионов пеньковской и колочинской общностей³⁰.

Экономика номадов II-VII вв. строилась на отгонном скотоводстве с обширным пастбищным парком³¹. Готские племена были склонны к оседлому образу жизни, но малочисленность готских памятников с территории Донбасса не позволяет установить очаги оседлости готского населения. Экономика племен пеньковской археологической культуры, судя по материалам раскопок стационарных поселений, основывалась на оседлом земледельческо-скотоводческом производстве пищи в рамках замкнутого натурального хозяйства.

Как видно, этнокультурный и этнополитический критерии служат основой для выделения и внутренней периодизации эпохи Великого переселения народов в целом и на землях Донбасса в частности. Как и в раннем железном веке, этапы и периоды истории ВПН могут успешно определяться с помощью этноиндикаторов.

Основы хронологии и периодизации истории Донбасса в эпоху Хазарского каганата (раннее средневековье)

Образованный в середине VII в. (651 г.) на Северном Кавказе Хазарский каганат стал одним из крупнейших государственных образований своего времени. Изучение Хазарии как многоэтнического, многоязычного и многоконфессионального государства имеет давние традиции³².

К периоду, охватывающему в истории Хазарии время с 651 по 737 г., часто применяют такие определения, как «предсалтовский», «досалтовский», «раннесалтовский» и даже «раннехазарский». Культура этого времени получила название «перещепинской»³³. А.В. Комар предложил свою хронологию Хазарского каганата второй половины VII - начала VIII в. и разделил ранние степные памятники на несколько хронологических горизонтов³⁴.

Следует признать обоснованным деление истории северо-западных земель Хазарского каганата на два основных периода по критерию стабилизации миграционных процессов в конце 730-х гг. По данным письменных источников, в это время, после поражения хазар от арабов, в бассейн Северского Донца переселились северокавказские аланы, а затем болгары и савиры³⁵. При этом крупный цикл миграционных процессов на юге Днепро-Волжского междуречья и на Северном Кавказе завершился только в 740-х гг. Многочисленные находки арабских дирхемов позволили датировать собственно салтово-маяцкую культуру (СМК) сер.VIII - сер. X в.

Этническая история Северного Приазовья и среднего течения Северского Донца в раннем средневековье имела свои особенности.

В Северном Приазовье, которое относится к степной полосе Донбасса, появление огуро-булгарских племен связано с гуннским вторжением в степи Восточной Европы. Археологические источники фиксируют болгарскую инвазию в донецкие степи концом VII - нач. VIII в. Согласно письменным источникам, толчком к расселению древнебулгарских племен послужили события сер. VII в., развернувшиеся в предгорьях Северного Кавказа, где под ударами хазар распалась Великая Булгария³⁶. Археологические исследования последних лет в нижнем Подонье, на берегах Таганрогского залива и северного побережья Азовского моря позволяют предположить, что эти территории входили в орбиту кочевий отдельных групп

булгарского населения уже в конце VII - нач. VIII в.⁵⁷ Локальные особенности степных памятников VIII-X вв. послужили обоснованием для их выделения в «степную Донецкую салтово-маяцкую этнокультуру праболгар»⁵⁸. Присутствие хазар в степном массиве Северного Приазовья маркируют прежде всего подкурганские погребения середины VIII в. у сс. Обозное, Астахово, Белояровка⁵⁹ и некоторые другие памятники. Таким образом, общие хронологические рамки истории Хазарского каганата и СМК в Северном Приазовье и Подонцовье определены в пределах 670-х - 965 гг.

Появление булгарского населения в Подонцовье произошло в последней четверти VIII в., когда СМК достигла пика своего развития⁴⁰. В среднем течении Северского Донца между местом впадения в него притоков - рек Оскол и Казенный Торлец - известны 9 городищ: Осиянская Гора, Царино, Сидоровское, Татьяновское, Святогорское, Теплинское, Кировское, Новоселовское, Райгородское⁴¹. Часть памятников представляет собой крупные археологические комплексы, общая площадь которых (с селщами и могильниками) составляет 60-120 га. По данным Э.Е. Кравченко, одно из крупнейших городищ правобережья Северского Донца - Сидоровское, возникло во 2-й пол. VIII в. и достигло расцвета в кон. IX - 1-й пол. X в. В 60-е гг. X в. оно прекратило свое существование.

После аланской миграции в бассейне Северского Донца и Среднего Дона формируется сложный по пространственной структуре аланский анклав по соседству с анклавами других этносов. На землях Донбасса постепенно складывается единая система из взаимосвязанных экономических районов в Подонцовье и Северном Приазовье⁴². Со средним течением Северского Донца связана «четвертая фортификационная агломерация»⁴³, характеризующаяся сложным этническим составом населения⁴⁴. Здесь формируется мозаичная география конфессий: в среде языческого населения появляются группы христиан⁴⁵ и мусульман⁴⁶.

Второй этап истории раннего средневековья на землях Донбасса также делится на несколько внутренних хронологических горизонтов, или суб-периодов. Обоснование их, однако, требует дополнительных аргументов. Не вполне ясно, какой след оставили в Донбассе события гражданской войны в Хазарии в начале IX в.

В рамках раннего средневековья в пределах Донбасса экономика и система землепользования эволюционировали во времени. Система расселения и землепользования до аланской миграции в 40-е гг. VIII в. определялась кочевой доминантой в образе жизни огуру-булгарских родоплеменных групп и объединений. Для кочевников степей Евразии этого времени был характерен таборный тип кочевания, в рамках которого происходит перманентное перемещение на значительной площади при наличии большой кормовой базы неосвоенных целинных земель.

Кардинальные изменения в процессе расселения и землепользования на территории Донбасса обусловлены миграцией аланских племен из предгорий Северного Кавказа. Аланы принесли с собой и сформировавшийся еще на Кавказе оседлый образ жизни, и хозяйственный уклад, базировавшийся на развитом земледелии. Оседлая земледельческо-скотоводческая экономика хорошо адаптировалась и получила дальнейшее развитие в природно-климатических условиях новой родины. У алан керамическое, кузнечное и ювелирное производство на тот момент уже приняло характер ремесленного производства. Таким образом, с середины VIII в. Среднее Подонцовье стало зоной оседлости, земледелия и урбанизации. При этом население Подонцовья не практиковало террасовое земледелие, характерное для алан Среднего Дона⁴⁷.

Степная часть Донбасса в это время по-прежнему была заселена в основном оногуру-булгарскими племенами, хозяйственный уклад которых базировался на отгонном (пастушеском) скотоводстве, носившем сезонный характер, и дополнялся

земледелием. Кочевое хозяйство степного населения Хазарского каганата постепенно менялось во времени, при этом системы землепользования отражали изменения в формах скотоводства в связи с ростом оседлости среди кочевого населения. В отличие от бассейна Северского Донца, в Приазовье нет большого количества находок металлических орудий для обработки почвы. Однако находки жерновов ротационных мельниц на поселениях Азовского морского побережья и происходящий из селища у с. Широкино (недалеко от г. Новоазовска) фрагмент ручки амфоры с изображением безполозного кривоградильного рала косвенно свидетельствуют о распространении на данной территории пашенного земледелия⁴⁸.

Северо-западные «конфедераты» Хазарии непосредственно граничили с районом расселения славянских племен и развивались в условиях культурного и экономического взаимодействия. По мнению Е.А. Шинакова и коллег, на поздних этапах роменско-боршевской культуры в основном на землях расселения северян сформировалось потестарно-политическое объединение, фактически возник независимый центр становления государственности восточных славян⁴⁹. Не исключено, что система организации власти алан Дона и смешанного населения Северского Донца оказывала опосредованное влияние на политогенез соседнего славянского мира.

Как видно, доминирующее значение при определении периодов раннего средневековья на землях Донбасса имеют этнополитические критерии и миграционные процессы. Маркер внутренней периодизации раннего средневековья на землях Донбасса – аланская миграция в конце 30-х гг. VIII в. Аланский период истории земель Донбасса нуждается в дробном делении. Костяк населения бассейна Северского Донца составляли в основном аланы⁵⁰ и неоднородные по своему составу объединения «протоболгар»⁵¹. В степной зоне преобладали оногуро-булгарские племена и хазары.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. М.: Изд-во Института народов Севера, 1935. 375 с.
- ² *Bell D.* The Coming of Post-industrial: A venture in social forecasting. New York: Basic Books, 1973. 507 p.; *Toffler A.* The Third Wave. New York: Morrow, 1980. 544 p.
- ³ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 240 с.
- ⁴ *Goodsblom J.* Human History and Long-Term Social Processes: Toward a Synthesis of Chronology and Phaseology // The Course the Human History, Economic Growth, Social Process and Civilization. New York: Sharp, 1996. P.15-30.
- ⁵ *Колесник А.В., Пирко В.А., Несстерцова С.А., Щербинина Е.В.* История родного края. – Донецк, 1998. Ч. 1. Гл. 1-8. С. 8–85; История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие / Под ред. Л.Г. Шепко, В.Н. Никольского. Донецк: ДонНУ, 2018. 689 с.
- ⁶ *Морозов Н.М.* Понятие «цивилизационный подход» в отечественной историографии на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. Вып. 47. № 23(238). С.104-114.
- ⁷ *Гринин Г.Л., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция: Генезис и трансформация Мир-Системы. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. С.97.
- ⁸ *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв., социальные теории и историографическая проблема. М.: Кругъ, 2011. С.163-165.
- ⁹ *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; Сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева; Подгот. текста и перевод. М.: Республика, 1998. 413 с.
- ¹⁰ *Алаев Л.Б.* Проблемы периодизации мировой и локальных историй // ЭНОЖ «История». Вып. 2(10). Медиевистика: новые подходы к периодизации. Ч. II. М., 2012. С. 31-42.
- ¹¹ *Алферов А.А.* Исторический процесс и его философская концептуализация: Дисс. д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
- ¹² *Ле Гофф Ж.* Стоит ли резать историю на куски. СПб: Евразия, 2018. 118 с.
- ¹³ *Пронин А.С.* Философско-методологические парадигмы периодизации истории: дис. ... канд. философ. наук. М., 2013. 150 с.
- ¹⁴ *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтовомаяцкая культура. М.: Издательство «Наука», 1967. 197 с.; Она же. Восточноевропейские степи во второй половине VIII – X вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средне-

- вековья. Т.1. М.: Наука, 198 С. 62-75; Она же. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982, 186 с.; Она же. Хазары. М.: Наука, 1986. 88 с.; Она же. Половцы. М.: Наука, 1990. 210 с.; Она же. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV – XIII века). Учебное пособие / отв. редактор А.З. Винников. Воронеж: Издательство Воронежского госуниверситета, 2003. 248 с.; Она же. Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 2011. 392 с.
- ¹⁵ *Татаринов С.И., Копыл А.Г.* Два праболгарских могильника на Северском Донце // СА, №1. 1986. С. 209-221.
- ¹⁶ *Швецов М.Л.* Тюркский мир восточноевропейской степи // Древние культуры Евразии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб: РАН, 2010. С. 311-321.
- ¹⁷ *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.
- ¹⁸ *Красильников К.И.* Новые данные о об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – нач. X в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2001. Т. 2. С. 303-322; Он же. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА, №4. 1981. С. 11-125; Он же. Новое к этнической теме степного варианта салтовской культуры (по результатам работ на Лысогоровском могильнике в 2004 г.) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2006. Вип. 5. С. 299-328; Он же. К вопросу о правомерности понятия «степная Донецкая» салтово-маяцкая этнокультура праболгар // Дриновський збірник. Харків-Софія: Акад. вид. ім. проф. Марина Дринова, 2012. Т. V. С. 32-41.
- ¹⁹ *Кравченко Э.Е.* Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. 2004. Т. 3. С. 242-276; Он же. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 4. Донецк: ДоНУ, 2005-а. С. 153-186; Он же. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 4. Донецк: ДоНУ, 2005-а. С. 153-186. Он же. Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий Кряж, степное Подонцовье) // Археологический альманах. 2013. № 30. С. 278-302; Он же. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань-Симферополь-Кишинев, 2015. С. 411-479; Он же. Средневековые поселения на территории Донецких степей // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова / ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Stratum plus, 2019. Т.2. С. 669-690; Он же. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец. Казань, 2020. 344 с.
- ²⁰ *Гриб В.К.* Нові матеріали відносно розвитку землеробства у господарській діяльності населення Хазарського каганату // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 13/14. Донецьк: ДонНУ, 2007-а. С. 356-363; Он же. Экологический аспект в культуре народов Хазарии (на примере памятников Северо-Восточного Приазовья) // Палеопочвы. Палеоэкология. Палеоэкономика. Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции. Пушино: Товарищество научных изданий КМК, 2017-б. С. 44-48; Он же. Подкурғанное погребение хазарского времени из Северо-Восточного Приазовья // Археологические записки. Вып. 9. Ростов-на-Дону: Издательство ООО «Альтаир», 2017-в. С. 314-327.
- ²¹ *Евглевский А.В., Потемкина Т.М.* Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 117-180.
- ²² *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С.27-31.
- ²³ *Обломский А.М.* Карта Скифии по «Гетике» Иордана // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 13-25.
- ²⁴ *Curta F.* The Long Sixth Century in Eastern Europe. Leiden; Boston: Brill, 2021. С.21-31.
- ²⁵ *Шенко Л.Г.* Северное Приазовье и «готская проблема» // Объединение Германии в контексте мировой истории и культуры: Материалы международной конференции. Донецк, 2000. С.103-109.
- ²⁶ *Міхлін Б.Ю.* Гуннський амулет з Ждановського музею // Археологія. № 5. Київ, 1972. С. 92-95; *Гриб В.К., Кравченко Э.Е.* Донецкий край в эпоху Великого переселения народов // История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие. Донецк: ДонНУ, 2018. С. 62-72; *Красильников К.И., Коваленко П.П.* Некоторые комментарии к гуннскому котлу из степного Подонцовья // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко.

- Белгород: БелГУ, 2018. С. 289-297.
- ²⁷ *Акимов Д.В.* К вопросу об организации властных институтов у населения Верхнего Подонья в гуннское время // История вещей – история и вещи. К 60-летию юбилею И.О. Гавритухина / ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2020. С. 157-167.
- ²⁸ *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура (культурно-хронологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.
- ²⁹ *Акимов Д.В.* Структура и иерархия верхнедонских поселений эпохи Великого переселения народов // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского / ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 135.
- ³⁰ *Приймак В.В.* Некоторые аспекты дискуссии об этнокультурном переломе на Днепровском Левобережье // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2017. С. 70-81.
- ³¹ *Curta F.* The Long Sixth Century in Eastern Europe. V.1. Leiden; Boston: Brill, 2021. С.188-204.
- ³² *Плетнева С.А.* Кочевники ... 2003. С.52-102; *Curta F.* Eastern Europe in the Middle Ages (500-1300). Leiden; Boston: Brill, 2019. Pp. 128-151.
- ³³ *Артамонов М.И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Доклады Географического общества СССР. Этнография. 1970. Вып. 15. С. 15-17; *Айбабин А.И.* Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов VII-VIII вв. М.: Наука, 1982. С.184.
- ³⁴ *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Київ: Есе, 1999. № 2. С.132.
- ³⁵ *Плетнева С.А.* Хазары... С.36.
- ³⁶ *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана «Бревиарий» Никифора. М.: Наука, 1980. С. 60-61; 161-162.
- ³⁷ *Ларенок П.А., Цыбрий С.В., Цыбрий А.В.* Раннесредневековый комплекс Терновое III (по материалам раскопок 2004 г.) // Археологические записки. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2011. Вып. 7. С.168-169; *Гриб В.К., Швецов М.Л.* Грунтовой могильник Ждановский – памятник раннехазарского времени в Северном Приазовье // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти С.А. Плетневой. М.: Авторская книга, 2016. С. 159.
- ³⁸ *Красильников К.И.* К вопросу С. 40.
- ³⁹ *Гриб В.К.* Экологический аспект ... 2017-а; *Комар О.В., Пиоро В.І.* Кургани хазарського часу на Луганщині // Vita Antiqua. Київ: Есе, 1999. № 2. С. 150-159.
- ⁴⁰ *Комар А.В.* Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI – первой половины VIII вв. // Западный Тюркский каганат. Атлас. Астана: Service Press, 2013. С. 673-738.
- ⁴¹ *Кравченко Э.Е.* Городища среднего течения ...
- ⁴² *Гриб В.К., Колесник А.В.* Ритмы культурогенеза, расселения и землепользования на землях Донбасса в раннем средневековье // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. Донецк: ДонНУ. 2020. С. 6-17.
- ⁴³ *Афанасьев Г.Е.* О территории Хазарского каганата и хазарского «домена» в IX веке // Дивногорский сборник / ред. А.З. Винников. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 57.
- ⁴⁴ *Аксенов В.С., Лантев А.А.* Освоение лесостепного Подонцовья в хазарское время: взгляд на проблему // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2014. Т.12. С.45.
- ⁴⁵ *Швецов М.Л.* Конфессиональные отношения на юго-востоке Украины в эпоху средневековья // Наука. Релігія. Суспільство. Донецьк: Інститут штучного інтелекту, 2001. №1. С. 68-76.
- ⁴⁶ *Красильников К.И.* Новые данные.... 2001. С.318-320; *Кравченко Э.Е.* Сидоровский ... 2020. С. 50-51.
- ⁴⁷ *Рябогина Н.Е., Борисов А.В., Иванов С.Н., Занина О.Г., Савицкий Н.М.* Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX-X вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3 (22). С.182-194.
- ⁴⁸ *Гриб В.К.* Нові матеріали....
- ⁴⁹ *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М.: Восточная литература, 2009. 481 с.; *Шинаков Е.А., Чубур А.А.* О юго-восточной границе северянско-вятичско-радимичского предгосударственного образования в середине – второй половине X в. // Рогачевские чтения. Воронеж: Пресс-Бургер, 2021. Вып.1. С. 269-275.
- ⁵⁰ *Афанасьев Г.Е., Вень Ш., Тун С., Ван Л., Вэй Л., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К., Ли Х.* Хазарские конфедераты в бассейне Дона (археологические, антропологические и генетические аспекты) // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии. М., 2015. С.146-153.
- ⁵¹ *Ефимова С.Г.* Влияние миграционных процессов на формирование антропологического состава средневекового населения юга Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Донецк: ДонНУ, 2005. С.43.

**ESSENTIALS OF CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF THE HISTORY
OF THE LANDS OF DONBAS IN THE MIDDLE AGES. PART 1.**

© 2022 A.V. Kolesnik, V.K. Grib, V.A. Sanzharov

Donetsk National University, Donetsk People's Republik

Historical periodization is a system of categorizing the historical process into epochs and periods that are significant in the development of society. Donbas is a large geographical region in the south of the Dnieper-Don interfluvium, consisting of a towering Ridge and surrounding flat areas. The proposed regional (local) periodization is based on research in the field of history and archaeology and is introduced to the scientific world for the first time. On the basis of civilizational, archaeological, historical and geographical criteria of typology (ethno-indicators, migration processes and military invasions, formation and disintegration of steppe polities), the authors came to the conclusion about the geographic and civilizational border character of the region. Since the Migration Period, the essence of the periods was largely determined by the dominant ethnic group or political entity under the rule of the dominant ethnic group. The chronological strata within the proposed periodization correlate with the archaeological findings.

Keywords: Donbas, chronology, periodization, global history, local history, the Early Middle Ages, the Migration Period, Khazar Qaghanate.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-132-140

Alexander Kolesnik, Doctor of History, Donetsk National University, DPR; "Don Heritage", Rostov-on-Don. E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Vladimir Grib, Senior Researcher, Scientific Research Department. E-mail: vladgrib@mail.ru

Valery Sanzharov, Candidate of History, Gorlovka, DPR. E-mail: 6253693@gmail.com

А.И. ДЕНИКИН: PRO ET CONTRA. ЛИЧНОСТЬ АНТОНА ИВАНОВИЧА ДЕНИКИНА И ДЕЯНИЯ ЕГО В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ. АНТОЛОГИЯ / СОСТ., КОММЕНТ., ПРИМЕЧ., ПРОЛОГ, ЭПИЛОГ, БИБЛИОГРАФ., НАУЧНО-СПРАВОЧН. АППАРАТ Г.М. ИППОЛИТОВА. СПБ.: ИЗД-ВО РХГА. 1136 С.

Доктор исторических наук, профессор, ветеран военной службы Георгий Михайлович Ипполитов известен в широких кругах научной общественности в том числе и в качестве исследователя исторической личности генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина. Ученый материализовал здесь свои научные изыскания в докторской диссертации¹, четырех монографиях², научно-художественной биографии, выпущенной в свет двумя изданиями издательством «Молодая гвардия» (серия «Жизнь замечательных людей»)³, публикациях документов⁴, в многочисленных статьях и докладах на всевозможных научных форумах⁵. В 2018 году вышла в свет рецензируемая нами антология.

Известно, что антология представляет собой собрание литературных текстов сравнительно небольшого объема, созданных как одним, так и несколькими авторами. В антологии могут объединять тексты по жанровому, тематическому, формальному или какому-то иному признаку либо представлять наиболее значительные и показательные с точки зрения автора-составителя произведения⁶. Составление антологии – довольно сложное дело, ибо здесь у тех ученых, которые занимаются этим видом научного творчества, существуют различные видения специфики научного труда, указанного выше. Например, В.В. Баженова полагает, что отличительной чертой антологии является «продлевающая функция», продлевающая существование включенных в неё произведений в поле активного читательского и критического внимания⁷. В то же время, У.Ю. Верина подчеркивает, что антология действует в культуре как «средство отбора, хранения, аккумуляции тек-

стов, соответствующих критериям ценности, значимости, итоговости»⁸.

Думается, судя по анализу текста рецензируемой антологии, Г.М. Ипполитов выполнил ее в традиционных академических рамках, но с личностной долей оригинальности, в чем-то выходя за классические каноны разработки научных трудов подобного рода. Это нашло отражение в первую очередь в том, что ученый счел необходимым предварить основной текст антологии материалом, в котором позволил себе очертить основные подходы в исследовании и биографию боевого русского генерала, озаглавив его символически – «И белое, и черное...»⁹. Но ведь многие антологии начинаются с введения авторов-составителей. Спрашивается, а в чем тут оригинальность у Георгия Михайловича?

Дело в том, что исследователь в прологе к антологии сумел четко и кратко обосновать, кому посвящена его антология, а именно: той самой исторической личности, которой судьба уготовила роль одного из наиболее колоритных вождей Белого движения в безумии братоубийства российской Гражданской войны, а затем обрекла на изгнание из любимого им Отечества, коему он честно и праведно служил в рядах русской армии; той самой исторической личности, что, безусловно, является яркой, диалектически противоречивой, трагической фигурой в истории Державы Российской, вокруг имени которой долгие годы в советское время витала не только полуправда, но и большая ложь; тому самому Антону Ивановичу Деникину, имя которого в постсоветское время было усиленно честными исследователями очищено от скверны, что, правда, не стало гарантией ее появления вновь.

Ученый заявил в прологе личное научное кредо, суть которого сводится к следующим тезисам: *во-первых*, личность и судьба Антона Ивановича представляют сегодня далеко не только сугубо академический интерес, но и предмет для политических спекуляций. Некоторые политиканствующие не прочь потрепать эпизоды из его жизни. Кто с пафосом и молитвенным трепетом, экзальтированным придыханием, а кто в формате обвинительного заключения «белым изуверам», произнесенного языком, которому мог бы позавидовать печально известный сталинский кровавый прокурор А.Я. Вышинский, но с единственной целью – наскрести сиюминутные своекорыстные политические дивиденды. При этом автор-составитель рецензируемой антологии особенно подчеркнул одну важную деталь: для большинства тех, у кого жизнь прошла в СССР, представление о генерале А.И. Деникине сформировано на основе фильма режиссера Е. Ташкова «Адъютант его превосходительства» и романа А.Н. Толстого «Хождения по мукам» (здесь можно только добавить, с точки зрения рецензента, что указанные источники в силу гениальности авторов являются привлекательными и в настоящее время. Даже несмотря на появление большого массива новой информации). Однако для тех, кому основную часть земного бытия придется провести в XXI веке, облик Антона Ивановича приобрел ангельские крылья, вокруг имени его нагромоздили множество красочных эпитетов и метафор. Здесь тоже налицо один из результатов «промывания мозгов», но только теперь мастерами не коммунистической, а либеральной агитации и пропаганды. Они также блестяще сумели внушить, в первую очередь молодежи, что черное есть белое, а белое – черное... И далее мы всецело поддерживаем такое суждение автора-составителя рецензируемой нами антологии: «Между тем на самом деле все гораздо сложнее. Контрастные тона на историческом полотнище, конечно, имеются. Даже в избытке. Однако муза Клио – дама каприз-

ная. Она не любит излишне категоричных рассуждений, изречений истин в последней инстанции, подгонки событий и явлений под априорные догматические схемы. И если спектр радуги включает семь цветов, то никто еще не уловил в полном объеме всего многоцветия исторической палитры. Тем более когда рисуются портреты крупных исторических персоналий, к числу которых, безусловно, принадлежит Антон Иванович Деникин»¹⁰; *во-вторых*, автор-составитель, компилируя материал антологии в формате pro et contra, попытался все-таки избежать изложения прописных истин в императивном ключе, ибо они часто бывают верными, но только до первого исторического ухаба.

И, наконец, профессор Г.М. Ипполитов сориентировал потенциальных читателей на то, как работать с основным текстом антологии: *во-первых*, учесть, что в ее составлении нашло отражение соединение проблемного и хронологического подходов. Проблемный подход является ведущим. Он представляется автору-составителю наиболее оптимальным, так как позволяет относительно полно охватить во времени и пространстве многоаспектность конкретно-исторической обстановки, в которой протекала многогранная деятельность А.И. Деникина в 1890-1947 гг., а также его детство и юность. Между тем учтено, что без реконструкции событий в их временной последовательности нельзя понять глубину содержания исследуемой проблемы; *во-вторых*, констатировано, что в книге размещен ряд материалов, в которых нет фрагментов, имеющих непосредственное отношение к Антону Ивановичу Деникину. Но такие материалы помогут читателям глубже понять конкретно-историческую ситуацию, складывающуюся в стране и в мире в тот или иной период жизни героя этого труда. Они будут также сопутствовать более четкому осмыслению, в первую очередь, суждений и оценок генерала, данных в его произведениях. Появится возможность первичного понимания, в чем А.И. Деникин был прав, а в чем нет. Поможет здесь и ознакомление

с обширными комментариями автора-составителя данной антологии; *в-третьих*, выдвинут тезис о том, что было бы наивно претендовать на полноту освещения всех перипетий судьбы Антона Ивановича Деникина в формате *pro et contra*. Он – личность неисчерпаемая. Думается, что о боевом русском генерале еще появится (и не одно) научное, научно-популярное, литературное, публицистическое произведение. «В итоге история нашей любимой Отчизны найдет отражение в новых исторических и историографических источниках, что, безусловно, станет способствовать выходу на уровень нового синтеза исторических знаний»¹¹; *в-четвертых*, утверждение о том, что алгоритм составления антологии, описанный в общих чертах в прологе, несомненно, облегчит читателям понимание всех перипетий жизни и деятельности столь неординарной фигуры, которой является Антон Иванович. Г.М. Ипполитов пишет при этом, что представленный материал никоим образом не является средством навязывания читателям априорных взглядов, мыслей, аксиологических суждений автора-составителя данной антологии, хотя, естественно, они в тексте присутствуют.

В целом, с точки зрения рецензента, материал пролога – предварительного размышления в обобщающем ключе о личности и судьбе российского полководца, политика, писателя – является своего рода кроками маршрута по страницам книги.

Рецензент полагает, что Георгий Михайлович выбрал для своего научного труда удачную структуру. Антология, включающая 1136 страниц текста, состоит из пролога, двух основных частей (причем диалектически взаимосвязанных между собой: 1). Антон Иванович Деникин: этапы большого пути; 2. Недорисованный историко-психологический портрет А.И. Деникина и эпилог. Антология снабжена: комментариями; перечнем основных дат жизни и деятельности А.И. Деникина; библиографическим списком; кратким словарем военных и военно-исторических терминов, который мо-

жет быть полезен для неискушенного читателя, а также указателем имен. Кроме того, в работе представлены изофотоматериалы, а также ряд документов (раздел «*Varia*»), которые несколько не вписываются в первые две части книги, но необходимы для углубленного понимания предмета исследования этой антологии.

Анализ историографических и исторических источников, размещенных в основном тексте рецензируемой антологии, показывает, что читатель может составить по ним четкие представления о том, что боевой русский генерал прошел свой путь земного бытия в трех качествах: полководец, политик, писатель, и остался в памяти потомков благодаря тому, что имел твердый нравственный стержень.

Материалы антологии показывают, что в основу мировоззренческой позиции А.И. Деникина было положено религиозное православное начало, истоки которого находятся в семейном воспитании. Это религиозное православное начало постоянно развивалось и укреплялось у А.И. Деникина в период его военной службы, так как в армии Российской империи безраздельно господствовали православные идеалы. Однако Антона Ивановича не следует относить к фанатичному типу верующих. В его религиозных убеждениях имелось много дани традициям. Относительно политической составляющей мировоззренческой позиции вождя Белого движения материалы антологии свидетельствуют: она представляла «российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма». Читатель увидит, что в личностных нравственных ценностях Антона Ивановича Деникина на первом месте стоит патриотизм. Вторая личностная нравственная ценность героя антологии – его честность. Третья личностная нравственная ценность Антона Ивановича – неукоснительное соблюдение им своих принципов. В антологии приводятся в данной связи оценки честности генерала, принадлежащие как его соратникам, так и противникам.

Однако у Антона Ивановича имелись и отрицательные качества, которые читатель без особого труда обнаружит в текстах антологии. Между тем они не могли разрушить мировоззренческую позицию и личностные нравственные ценности генерала, указанные выше. Но эти отрицательные качества в какой-то степени их деформировали. Это сказывалось самым отрицательным образом на политической деятельности Антона Ивановича в экстремальных условиях братоубийственной российской Гражданской войны.

Автор-составитель антологии выстроил архитектуру своего труда так, что читателю станет ясным: нельзя идеализировать образ генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина, что имеет место в современной публицистике. Необходимо помнить, что руки генерала обогреты кровью десятков тысяч ни в чем неповинных россиян. Впрочем, так же, как и у его противников периода лихолетья Русской Смуты – В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и др.

В антологии читатель найдет немало материалов об Антоне Ивановиче как полководце. За 27 лет службы в рядах армии царской России он прошел путь от вольноопределяющегося стрелкового полка до генерал-лейтенанта, командира армейского корпуса, стал высококлассным военным профессионалом. Автор антологии делит данный процесс на два взаимосвязанных периода, не совпадающих по времени: 1) служба А.И. Деникина в мирное время [учеба в Киевском юнкерском пехотном училище на военно-училищных курсах (1890-1892); период офицерского становления (1892-1895); учеба А.И. Деникина в Академии Генерального штаба (1895-1899); после академическая служба в войсках в мирное время (1899-1904 и 1906-1913)]; 2) участие в Русско-японской и Первой мировой войнах. Причем в это время происходил и процесс формирования морально-боевых качеств будущего вождя Белого дела. Оба процесса находились в тесном диалектическом единстве. Изучение материалов антологии

приведет читателя к пониманию того, что А.И. Деникин обладал следующими морально-боевыми качествами. Положительные: *самостоятельность, твердость, личная храбрость, смелость, непреклонность в решениях, сообразительность, мужество, способность к личному примеру и самопожертвованию, дух активности и почина, обширные военные знания*. Отрицательные: *честолюбие, славолюбие, отсутствие скромности в оценке своих боевых заслуг, склонность к саморекламе, грубое отношение к солдатам в боевой обстановке (только в 1917 г., когда армия разлагалась), вспыльчивость*.

Г.М. Ипполитов смог показать, что имя Антона Ивановича Деникина совершенно справедливо занесено в список русских писателей, публицистов. Читатель найдет много свидетельств о литературно-публицистическом творчестве А.И. Деникина как в царской России, так и в белой эмиграции. Замечено, что наиболее интенсивный период его литературного творчества приходится на 1906–1913 гг. За семь лет он опубликовал 2 большие статьи, освещающие опыт Русско-японской войны, 1 военно-политический очерк, 1 учебное пособие для занятий с разведчиками в пехоте, 43 статьи в 42 номерах журнала «Разведчик».

В антологии представлено авторское видение процесса формирования морально-боевых качеств будущего вождя Белого дела. Он считает, что в становлении А.И. Деникина как высококлассного профессионала важную роль сыграл субъективный фактор. Молодой юнкер нашел возможность не только успешно овладеть программным материалом, но и заниматься самообразованием во время учебы в Киевском юнкерском пехотном училище на военно-училищных курсах (1890-1892). В период офицерского становления уже через полгода после выпуска подпоручика А.И. Деникин назначили «учителем бригадной команды». Это стало признанием профессионализма молодого офицера.

Во время учебы в Академии Генерального штаба он приобрел теоретический

плацдарм и хорошо подготовился для дальнейшего прохождения военной службы на высоких офицерских должностях. Вершин военно-профессионального мастерства он достиг, будучи командиром 17-го Архангелогородского полка Киевского военного округа. Во время Русско-японской войны А.И. Деникин приобрел опыт начальника штаба в крупных соединениях. У него сформировались и способности к командной деятельности.

В Первой мировой войне он зарекомендовал себя как мастер нестандартных решений; придавал особую значимость воспитательной работе, главную цель которой видел в том, чтобы обеспечить высокий моральный дух починенных ему войск. Генерал постоянно заботился о своих подчиненных, о том, чтобы их подвиги не остались незамеченными.

Небезынтересны тексты с описанием происхождения и жизни его родителей, которые представлены в антологии. Они помогают понять выбор профессии молодым выпускником реального училища: «Выйду в офицеры – будет и мундир шикарный, появятся не только коньки, но и верховая лошадь, а «сердельки» буду есть каждый день...». Автор-составитель документально иллюстрирует факт поступления Антона Ивановича именно в Киевское училище как подарок судьбы, потому что Киевским военным округом командовал Михаил Иванович Драгомиров, мастер военной дидактики. В антологии представлены материалы о «среде бытия» и «службе ратной» молодого обер-офицера, которые помогают углубиться в обстановку, в которой проходила жизнь военного сословия России. Далее в хронологическом порядке идут тексты из различных источников, имеющие отношение к жизни и деятельности А.И. Деникина.

Поистине огромный пласт историографических и исторических источников, входящих в основной текст антологии, посвящен личности и судьбе боевого русского генерала в годы Великой российской революции и братоубийственной Гражданской

войны. Именно этот период принес Антону Ивановичу наибольшую историческую известность. И материалы антологии подобраны автором-составителем так, чтобы особенно подчеркнуть трагизм не только судьбы героя рецензируемой книги, но и всего многострадального народа России, ввергнутой в цивилизационный разлом. Автор разместил здесь историографические и исторические источники таким образом, чтобы у читателя не возникло желания идеализации образа Антона Ивановича Деникина, с одной стороны, и соблазна навешивания на него политизированных ярлыков, с другой стороны. Впрочем, кто хочет, тот сделает именно то, что сказано выше.

Много историографических и исторических источников, входящих в основной текст антологии, дают представления об эмигрантском бытии генерала-изгнанника, вдоволь вдохнувшего запах горькой полыни чужбины. По суждению рецензента, наиболее удачными здесь получились два сюжета: 1) рассказ о создании А.И. Деникиным главного литературного труда всей его жизни – «Очерки Русской Смуты». Того труда, что по-прежнему не перестает интересовать историков¹² (да и не только их); 2) рассказ о гражданском подвиге бывшего вождя Белого движения – противодействие (по мере сил и возможностей) германскому нацизму, особенно в годы Второй мировой войны. Г.М. Ипполитов очень убедительно показал, что не сломали нацистские бонзы Антона Ивановича. Он вышел непобежденным из неравной схватки с «коричневой чумой». Наглядно продемонстрировал старый русский генерал-изгнанник, что он остался пламенным патриотом горячо любимой им Отчизны.

Во второй части автор-составитель рецензируемой антологии сгруппировал тексты так, чтобы получился хотя и недорисованный, но все-таки историко-психологический портрет Антона Ивановича Деникина. Здесь сделан акцент на материалах, выражающих мнения деятелей различного масштаба, знавших героя антологии.

В разделе «Антон Иванович, кем Вы были для Отчизны? Заключительные рассуждения о русском генерале и не только (Вместо эпилога)» автор антологии пишет, что генерал А.И. Деникин – историческая личность, сотканная из противоречий, порождаемых самой эпохой, поэтому материал антологии подобран в формате «pro et contra». Он – один из тех исторических деятелей, кто несет ответственность за развязывание и эскалацию Гражданской войны в России. Но он делит историческую ответственность с вождями большевиков, лидерами российской контрреволюции, Белого движения, правительствами Антанты. Вряд ли целесообразно устанавливать, кто здесь виноват больше, а кто меньше. Ясно одно: исторический шанс предотвратить безумную братоубийственную Гражданскую войну наши предки упустили. В силу конкретно-исторической обстановки, личностных качеств генерала А.И. Деникина его военная и политическая деятельность в годы революции и Гражданской войны в России закономерно была обречена на поражение. Думается подобные обобщения трудно оспаривать.

Рецензент считает, что в антологии особое место занимает раздел «Комментарии» (с. 773-1096). В нем представлены аннотации от автора антологии почти на все книги, фрагменты из которых вошли в антологию. Даны биографии авторов и исторических личностей, упоминавшихся в историографических и исторических источниках. Кратко описаны исторические события, происходившие в период деятельности А.И. Деникина, иногда не имевшие отношения к нему лично, но позволяющие лучше понять социально-политическую, экономическую и духовную обстановку, в которой жил и действовал Антон Иванович. Большое внимание уделено военно-справочному материалу. Например – соотношение сил и средств противоборствующих сторон к началу Мукденского сражения в Русско-японской войне (1904-1905 гг.) или расшифровка, что такое «шимоза».

В качестве недостатков (они, естественно, имеются, как и в любом историческом труде) можно отметить следующие: *во-первых*, в материалах о последних годах жизни А.И. Деникина в США (1945-1947) недостаточно освещен такой аспект, как его попытки вернуться к активной политической борьбе антикоммунистической и антисоветской направленности; *во-вторых*, отдельные комментарии несколько перенасыщены статистическими материалами. Их вполне можно было бы свести в таблицы, что несколько бы улучшило архитектуру антологии в целом; *в-третьих*, в библиографическом списке недостаточно полно представлены публицистические произведения, имеющие отношение к предмету исследования, которые размещены на интернет-ресурсах за период начиная с 2000-го года.

В заключение можно выразить уверенность, что рецензируемая антология является неординарным произведением в ряду исторических исследований. По содержанию это наиболее полное собрание историографических и исторических источников, имеющих отношение к личности и судьбе Антона Ивановича Деникина. Антологию следует рекомендовать не только профессионалам-исследователям, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей Отчизны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ипполитов Г.М.* Военная и политическая деятельность А.И. Деникина (1890-1947 гг.): Автореф. дис... докт. ист. наук: 07.00.02. М.: ВУ, 2000. 48 с.

² *Ипполитов Г.М.* Военная, политическая и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890-1947 гг. Моногр. Вольск: ВВУТ, 1997. 331 с.; *его же.* Кто Вы, генерал А.И. Деникин? Монографическое исследование политической, военной и общественной деятельности А.И. Деникина в 1890-1947 гг. Второе изд., переработ. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. 244 с.; *его же.* Антон Иванович Деникин: полководец и политик. Историография проблемы и характеристика источников ее исследования: в 2 т. Т. 1. Методология исследования. Советская историогра-

- фия проблемы. Самара: ПГУТИ, 2012. 294 с.; *его же*. Антон Иванович Деникин: полководец и политик. Историография проблемы и характеристика источников ее исследования: в 2 т. Т. 2. Современная отечественная и зарубежная историография проблемы. Характеристика источников. Самара: ПГУТИ, 2012. 291 с.
- ⁵ *Ипполитов Г.М.* Деникин (Жизнь замечательных людей; Сер. биографий; Вып. 790.). М.: Молодая гвардия, 2000. 531 с.; *его же*. Деникин (Жизнь замечательных людей; Сер. биографий; Вып. 1090.). Второе изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2006. 665 с.
- ⁴ Письма Марины Грей, дочери генерала А.И. Деникина, профессору Г.М. Ипполитову «...С Россией и ее историей остаюсь тесно связана» (составление, комментарии Г.М. Ипполитова) // Клио. Журн. для ученых. 2008. №1 (40). С. 20-25; Стенограмма беседы профессора Г.М. Ипполитова с Мариной Антоновной Деникиной (Грей). Документ публикуется впервые // Клио. Журн. для ученых. 2010. №3(50) С.3-16.
- ⁵ *Ипполитов Г.М.* Антон Иванович Деникин на полях сражений Первой мировой войны (август 1914 - февраль 1917 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2014. Том 16. №3 (2). С. 428-435.
- ⁶ Антология // Словарь литературоведческих терминов / Ред.- сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 20; Антология // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Стб. 42.
- ⁷ *Баженова В.В.* Русский литературный сборник середины XX- начала XXI века как целое: альманах, антология: Автореф. дис... канд. филол. наук. 10.01.01. Новосибирск, 2010. С. 7.
- ⁸ *Верина У.Ю.* Современная поэтическая антология: генезис, типология // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1 (70). С. 80.
- ⁹ *Ипполитов Г.М.* И белое, и черное... Предварительные рассуждения об А.И. Деникине... - полководце, политике, писателе (Вместо пролога) // А.И. Деникин: pro et contra. Личность Антона Ивановича Деникина и деяния его в историографических и исторических источниках. Антология /сост., коммент., примеч., пролог, эпилог, библиограф., научно-справочн. аппарат Г.М. Ипполитова. СПб.: изд-во РХГА. С. 7-33.
- ¹⁰ Там же. С.10-11.
- ¹¹ Там же. С. 30.
- ¹² *Ходаков И.М.* «Очерки русской смуты» А.И. Деникина как источник по истории Гражданской войны на Юге России: автореф. дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.09. М., 2006. 22 с.

*Кандидат исторических наук, доцент
кафедры «Транспортные процессы
и технологические комплексы»
Самарского государственного
технического университета
С.А. Пилипенко*

**«ОХРАНЯТЬ ПРИРОДУ – ЗНАЧИТ ОХРАНЯТЬ РОДИНУ!»
РЕЦЕНЗИЯ НА : МАКЕЕВА Е.Д. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ (1917-1991 гг.).
САМАРА: АНО «ИЗДАТЕЛЬСТВО СНЦ», 2021. 551 С.**

«Как могла бы природа стать столь светлой и прекрасной, если бы предназначение человека не было таким же?»

Генри Дэвид Торо

Екатерина Дмитриевна Макеева занимается исследованиями в сфере истории природопользования, охраны природы и общественного экологического движения Поволжья в общей сложности более 20 лет. Докторская диссертация и монография «Власть и общество в России: взаимоотношения в сфере охраны природы (1917-1991 гг.)» стали итоговым результатом многолетней работы по теме.

Заголовок данной рецензии позаимствован нами из творчества М.М. Пришвина. В отечественной литературе прошлого века трудно найти другого такого, влюбленного в родную природу, писателя, как М.М. Пришвин, столько сказавшего о ней во многих замечательных книгах, в прошлом хорошо знакомых российскому читателю с раннего детства. Простая и короткая фраза выражает самую суть всех экологических проблем Российской Федерации в прошлом и настоящем.

Об этом, в сущности, говорит книга Е.Д. Макеевой, если одной фразой изложить ее содержание.

Исследователь закономерно пришла к выводу, что основные достижения и просчеты, открытия и ошибки в сфере экологии относятся к советскому периоду отечественной истории 1917-1991 гг.

Ее итоговая монография наглядно, без особого нажима, только на основании фактов демонстрирует, как на протяжении этих 74-х лет шла борьба в сфере экологии между обществом и властью. Очевиден тот печальный результат, что общество почти всегда проигрывало власти в борьбе за природу. Проигрывает и сегодня в постсоветской России.

Американский писатель, общественный деятель, философ, последователь трансцендентализма Генри Торо (1817-1862) осуществил социальный эксперимент в 1845-1847 гг. Он провел эти годы в лесной глуши на берегу Уолденского озера, близ Конкорда, добывая пропитание с возделанного им клочка земли. О своей «робинзонаде» Г. Торо рассказал в книге «Уолден, или Жизнь в лесу»¹, изданной на многих языках и не потерявшей своего влияния до наших дней. Именно в этой книге Г. Торо написал строки, ставшие эпиграфом к данной рецензии. Ему же принадлежит знаменитый памфлет «О гражданском неповиновении», в котором он поясняет, что означает космическое слияние человека и природы - красота природы должна коррелировать с красотой человека. И наоборот. В том, что это не так, Г. Торо мог неоднократно убедиться в течение своей недолгой жизни, но сама идея о взаимном благотворительном влиянии природы и человека не чужда жителям Земли до сего дня, о чем свидетельствует деятельность мирового движения «зеленых», доходящая порой до гротескных форм. Нельзя не отметить тот факт, что фраза Г. Торо, взятая нами в качестве эпиграфа, напрямую коррелирует с фразой В.В. Бианки, защитника российской природы, любимого советскими детьми, – «Человек может развиваться только в контакте с природой, а не вопреки ей» – эпиграфом к книге Е.Д. Макеевой. В те же годы, которым посвящена монография, в России господствовал лозунг: «Мы не мо-

жем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». Эта фраза якобы принадлежит И.В. Мичурину. Истоком такого нигилистического по отношению к природе мышления было учение русского энциклопедиста Н.Ф. Федорова о необходимости «регуляции природы». Н.Ф. Федоров так или иначе повлиял на российскую общественную мысль второй половины XIX - начала XX в. Его фантастические взгляды на будущее человечества интересовали Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева. Его последователями в литературе были В. Брюсов, М. Горький, В. Хлебников, В. Маяковский, А. Платонов, Н. Заболоцкий... Под влиянием идей Н.Ф. Федорова находились К. Циолковский, И. Мичурин. Автор рецензируемой книги не только излагает учение Н.Ф. Федорова, но и показывает на примере «Сталинского плана преобразования природы», в реализации которого сыграл псевдонаучную роль Т.Д. Лысенко, какие роковые последствия имела идея «разумного управления» природой Н.Ф. Федорова (с. 209-212).

Обозначим несомненные достоинства монографии. Прежде всего это первые главы, в которых автор анализирует «Теоретико-методологические основы исследования» (глава 1, с. 11-33) и дает «Историографический обзор» (глава 2, с. 34-35). Эти главы важны для исследователя и читателей книги тем, что раскрывают научный инструментарий, который использовался в создании незаурядного многостороннего труда, являющегося серьезным вкладом в развитие молодой отрасли исторической науки - экологической истории. Исследователем рассматриваются такие понятия, как «природоохранное движение» и «экологическое движение», «экологическая политика» и др.

Любая новая форма научного, тем более исторического, познания не может не опираться на предшественников в научном поиске, как в области методологии, так и в области источниковедения. В этом отношении автором проявлена компе-

тентность, эрудированность, научная добросовестность. Историография вопроса занимает в книге более 50 страниц и охватывает работы историков, политологов и социологов, написанные в 1980-х - начале 2000-х гг.

Глава 3 посвящена характеристике широкой источниковой базы исследования: от правовых документов Древней Руси до личных архивов ученых и политиков XX в. и материалов периодической печати (журналы, газеты) 1930-х - 1990-х гг. Всего архивных и опубликованных источников, периодических изданий, справочной литературы, мемуаров, электронных ресурсов использовано 306 единиц. Литературы и диссертаций по теме – 463 наименования.

Научным ядром монографии Е.Д. Макеевой являются главы 5 и 6, заголовки и содержание которых полностью соответствуют ключевому вопросу, обозначенному в названии труда:

Глава 5. «Формирование и развитие системы охраны природы в РСФСР и СССР (1917–1991 гг.)» (с. 166-288).

Глава 6. «Государственное управление охраной природы и природоохранное и экологическое движение на региональном уровне (1917-1991 гг.)» (с. 289-451).

В пятой главе рассмотрено несколько вариантов периодизации развития взаимоотношений общества и природы в советский период истории России, предложенных разными исследователями. Автор монографии обосновал собственную позицию по данному вопросу, разделив эволюцию данных взаимоотношений на два периода. Рубежом между ними названы два значимых события: во-первых, принятие в октябре 1960 г. Закона «Об охране природы в РСФСР», во-вторых, образование в декабре 1960 г. первой студенческой дружины охраны природы на биолого-почвенном факультете МГУ, с которой берет свое начало все неформальное экологическое движение России. В том же 1960 году впервые получило широкое распространение еще одно общественное движение эколо-

гической направленности - «За ленинское отношение к природе».

Е.Д. Макеева рассматривает первые шаги природоохранного движения в Советской России в 1920-е годы, ставшие кратким периодом расцвета дела охраны природы. Этот расцвет, как отмечает автор, стал возможен лишь потому, что руководство данной сферой было возложено на Наркомпрос РСФСР и Главнауку, в составе которой появилась первая природоохранная структура - Государственный комитет по охране памятников природы. В эти же годы велась активная воспитательная работа с юннатским движением, быстро распространившимся по всей стране (в 1924 г. оно насчитывало 259 кружков в крупных городах). В 1925 г. начала работать самая массовая общественная природоохранная организация - Всероссийское общество охраны природы (ВООП). Природоохранное дело получило серьезную поддержку со стороны краеведческого движения. В 1922 г. было образовано Центральное бюро краеведения (ЦБК).

Автор монографии убедительно доказывает, что именно в 1920-е гг. сформировались основы государственной системы охраны природы и была разработана исходная правовая база, ставшая впоследствии отправной точкой для развития стратегии и тактики природопользования.

На рубеже 1920-х-1930-х гг. началось наступление государства на природу, что обернулось упадком природоохранного движения. В стране начались индустриализация и коллективизация, и природоохранные интересы были принесены в жертву социалистическому строительству. Попытки общественности защитить природу от покорения и уничтожения стали рассматриваться властью как противодействие реализации планов партии и правительства. В монографии приведено множество примеров, как неправильно поняты задачи социалистического строительства, а нередко и элементарное невежество в отношении самой природы и ее законов

приводили к разрушению сложившейся системы природопользования. Началась поощряемая центральными органами власти борьба с вредительством. Многие ученые - пионеры природоохранного дела - в 1930-е гг. подверглись репрессиям, были расстреляны или погибли в лагерях, что нанесло серьезный удар по российской науке, заповедному делу и охране природы. Природоохранное движение власть фактически уничтожила.

После окончания Великой Отечественной войны, которая нанесла огромный урон природе страны, наступил период «преобразования природы», отмеченный в биологической науке господством «лысенковщины», а в политической жизни - безоговорочным решением И.В. Сталина воплощать «научные» затеи Т.Д. Лысенко в жизнь. Роковым для сельского хозяйства и экологии в целом стало Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных лесозащитных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». Е.Д. Макеева показывает, как и почему провалился этот эксперимент (с. 209-212). Однако его оценка неоднозначна: «...следует признать, что это была крупнейшая в мире экологическая программа. Фрагменты государственных лесных защитных полос сохранились до настоящего времени, они укрепляют ландшафт и способствуют сохранению биологического разнообразия местных экосистем» (с. 212).

Подробно освещается автором трагическая участь заповедников. В 1951 г. фактически была разрушена заповедная система, за создание и развитие которой в России с конца XIX в. боролись многие ученые и научные общества: из 128 заповедников было закрыто 88. Представлены различные мнения ученых-лесоводов о причинах этого варварства, так как единого мнения у специалистов не существует (с. 213-217).

Ухудшение экологической обстановки начиная с 1950-х гг. становится все более заметным, а локальные меры по охране природы практически не давали результатов. Общественное природоохранное движение к концу 1940-х гг. окончательно превратилось в элемент партийно-государственной системы.

С 1950-х гг. власть и общество начали действовать в сфере охраны природы совместно. Автор рассматривает этот процесс как «Генезис взаимоотношений государственной системы управления охраной природы и общественного природоохранного движения в РСФСР и СССР в 1960-е-1991 гг.» (глава 5, с. 225-288). Для данного периода характерны противоречивые явления. После принятия в 1960 г. Закона «Об охране природы в РСФСР» положение дел в экологической сфере *внешне* меняется в лучшую сторону. Кроме того, набирает силы и становится по-настоящему массовой организацией ВООП, зарождается неформальное, самодеятельное движение, которое уже можно назвать экологическим (студенческие дружины охраны природы и движение в защиту озера Байкал). Однако СССР остался в стороне от всемирного признания важности экологических проблем, что негативно отразилось на дальнейшем развитии советской экологической политики. Преобразования системы управления охраной природы проводились непоследовательно, многие принимаемые властными органами решения не претворялись в жизнь. Вся природоохранная деятельность в стране находилась под контролем КПСС, как ее ЦК, так и структурных подразделений на местах. Автор монографии приводит разнообразные примеры зарождения и дальнейшего развития общественного экологического движения начиная с периода «оттепели» и до конца 1980-х гг. (с. 229-235, с. 253-264).

До середины 1980-х гг. серьезных разногласий в природоохранной сфере между властью и обществом не возникало. Е.Д. Макеева приходит к выводу, что нараста-

ние экологических угроз заставило государственные и партийные органы принимать более решительные меры по охране природы. Во второй половине 1980-х гг. под влиянием перестроечных реформ и особенно вследствие аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. началась массовая экологизация сознания граждан. По всей стране возникают объединения экологической направленности и «зеленые» партии. Данный период в развитии экологического движения носил протестный характер, во многом связанный с недовольством политической и экономической ситуацией в стране в целом. Активизация населения страны, вызванная общесистемным кризисом, углубившимся на рубеже 1980-1990-х гг., стала проявлением зарождения в СССР гражданского общества.

В период перестройки (1985-1991 гг.) экологическое движение в СССР явилось одной из форм противостояния тотальному контролю КПСС и, таким образом, наряду с другими неформальными организациями начало выполнять функции неразвитого гражданского общества. В 1989 г. в СССР возникло отделение международной организации «Гринпис». Однако, сыграв определенную роль в демократизации советского общества, российские «зеленые» не сумели стать самостоятельной политической силой, обладающей парламентским представительством. Возникшая Партия зеленых вскоре прекратила свое существование.

Представляют интерес разнообразные справочные материалы данной главы: схемы и таблицы: «Система охраны природы в РСФСР в 1920-х-1950-х гг.» (с. 548), «Система охраны природы в РСФСР в 1960-х-1980-х гг.» (с. 549), таблицы со статистическими данными об уровнях загрязнения окружающей среды в регионах РСФСР в 1980-е гг.

Самой объемной по количеству страниц в монографии Е.Д. Макеевой является шестая глава, в которой исследованы экологические проблемы на региональном уровне.

не. Среднее и Нижнее Поволжье - огромная территория, включавшая в себя в 1930-х-1991 гг. несколько автономных республик и областей. В рассматриваемое время все они относились к Поволжскому экономическому району, одному из крупнейших экономических районов СССР. Можно считать научной заслугой автора нелегкий труд по описанию экологической обстановки в восьми административных единицах России, охваченных территориальными рамками исследования.

На основании анализа фактов и документов автор приходит к выводу, что в исследуемом регионе в 1917-1960 гг. охране природы уделялось меньше внимания, чем на общероссийском уровне. Экологические вопросы по мере их возникновения решались местными органами исполнительной власти. Особенно пострадало лесное хозяйство: в стране в годы Гражданской войны разразился топливный кризис, лес вырубали с целью выживания в условиях холодного климата. На с. 290-297 приведены документально подтвержденные факты повального уничтожения лесов. Это, в свою очередь, приводило к засухе и неурожаю, что вызывало массовый голод.

Природоохранное движение в регионе в 1917-1930-е гг. было представлено в основном научными и краеведческими обществами (в Казани, Самаре, Симбирске, Пензе, Саратове). Все общественные организации контролировались органами исполнительной власти, в частности НКВД (с. 297-304). В период НЭПа, как и по всей стране, охрана природы в регионе значительно улучшилась. В губернских центрах появились междуведомственные комиссии по охране природы, в состав которых вошли как представители общественных организаций, так и сотрудники различных органов региональной исполнительной власти. Были созданы государственные заповедники: Астраханский, Пензенский, Жигулевский, Бузулукский бор.

Однако на рубеже 1920-х-1930-х гг., когда СССР взял курс на индустриализацию, благоприятная ситуация в сфере экологии резко изменилась на противоположную. Трудно перечислить все те факты, которые губительно сказались на разумном природопользовании. Автор описывает их в отдельном разделе (с. 318-319). Местные краеведческие и природоохранные организации в данный период подверглись реорганизации или были закрыты, началась борьба за массовость движения, что привело к неизбежной его формализации. На основе анализа фактов и документов Е.Д. Макеева приходит к выводу, что в целом идеи охраны и сбережения природных богатств в Среднем и Нижнем Поволжье в 1917-1940-х гг. так и не стали популярны, не получили широкого распространения и поддержки населения.

Возрождение интереса к охране природы в регионе началось только в 1950-е гг., когда этой сфере вновь начинает уделять внимание государство. В короткие сроки волевым решением властных структур по всему Среднему и Нижнему Поволжью было развернуто по-настоящему массовое природоохранное движение. Однако оно фактически перестало быть общественным, поскольку полностью подчинялось местным партийным, советским и комсомольским органам. Деятельность власти и общественности на местах разделить стало практически невозможно. Эта особенность в полной мере проявила себя уже в следующем периоде истории взаимоотношений власти, общества и природы: в 1960-х-1980-х гг.

Заключительная глава монографии «Охрана окружающей среды в деятельности государственных органов, промышленных предприятий и общественных организаций Среднего и Нижнего Поволжья в 1960-1991 гг.» (глава 6, с. 350-443), является наиболее интересным, даже увлекательным чтением. В ней проанализирована деятельность власти и общества по охране

природы в исследуемом регионе, а также характер и формы их взаимоотношений, в том числе примеры взаимодействия и противостояния.

Автор связывает активное развитие экономики в 1960-1980-х гг. с дальнейшим ухудшением состояния окружающей среды в Среднем и Нижнем Поволжье. Это неизбежно заставляло координировать действия власти и общества в природоохранной сфере. Так, на региональном и местном уровнях повсеместно наблюдалось сотрудничество комиссий по охране природы, созданных в 1960-е гг. при советах депутатов трудящихся, с областными, городскими и районными советами ВООП.

В 1970-е гг. деятельность ВООП значительно активизируется, во многих вузах Среднего и Нижнего Поволжья создаются дружины охраны природы, которые оказывали помощь государственным и общественным инспекциям в борьбе с браконьерством. Автор приводит многочисленные примеры взаимодействия органов власти и общественных организаций (с. 355-370). В данной главе подробно рассмотрено природоохранное направление в работе предприятий и учреждений региона (с. 370-395). При этом изложенные факты и выводы, сформулированные автором, подкреплены соответствующими статистическими данными.

Далее в монографии подробно освещается и анализируется деятельность общественного природоохранного движения в регионе во второй половине 1980-х гг., а также его взаимоотношения с местными органами власти. Среднее и Нижнее Поволжье в годы перестройки становятся важнейшими центрами активности населения в сфере охраны природы. Благодаря активным действиям местных экологических групп, обществ, клубов и гражданских инициатив российское экологическое движение в целом вышло на новый уровень развития – стало по-настоящему неформальным, массовым и частично политизировалось (с. 406-429). Представля-

ют интерес материалы о громких массовых экологических акциях, прошедших в то время в крупных городах, в ходе которых наблюдалось серьезное противостояние между властью и гражданами. Например, автор подробно осветил историю борьбы против пуска завода по уничтожению химического оружия в г. Чапаевске в 1989 г. (с. 541-547). Вывод, сформулированный в конце данной главы, не вызывает возражений: «многочисленные акции, митинги и кампании, которые экологи организовывали и проводили в своих городах, заставили власть, в конечном счете и на местах, и в столице начать прислушиваться к мнению людей и выполнять их требования» (с. 443). Именно активисты общественного экологического движения сумели наладить диалог и объединиться с местной властью в борьбе за сохранение окружающей природной среды. Их совместная деятельность помогла решить многие актуальные на тот момент задачи в регионе, что имело, несомненно, большое значение для страны.

В своем заключении ко всему корпусу книги Е.Д. Макеева обращает внимание читателя на тот факт, что Российская Федерация получила от Советского Союза неблагоприятное экологическое наследство. Однако за годы постсоветской истории большинство экологических проблем в стране не только не были решены, но еще усугубились. При этом взаимоотношения власти и общества в сфере охраны природы в настоящее время вновь обострились. На все большей территории России ухудшается экологическая обстановка, что становится фактором, ограничивающим социально-экономическое развитие страны. Выстраивание позитивных отношений общества с властью в процессе решения природоохранных проблем в настоящее время необходимо, так как это позволит улучшить экологическую ситуацию в стране. «Ведь только общими усилиями в данной сфере можно добиться положительных результатов» (с. 449-450, 451).

Уверены, что монография Е.Д. Макеевой «Власть и общество в России: взаимоотношения в сфере охраны природы (1917-1991 гг.)» вызовет интерес у специалистов в области социально-экономической и экологической истории советской России, преподавателей и студентов исторических и социологических факультетов вузов, краеведов, а также любителей отечественной истории. Это весьма актуальное исследование, которое содержит уникальный материал, в том числе опирающийся на не опубликованные ранее источники. На наш взгляд, данная книга вносит значительный вклад в развитие сравнительно молодой отрасли российской исторической науки – экологической истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу / пер. З.Е. Александровой; отв. ред. А.А. Елистратова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 240 с.

*историк, литератор,
академик Академии творческой педагогики*

Д.И. Корнющенко,
*преподаватель истории
и обществознания, г. Москва*

Т.М. Корнющенко,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры биологии,
экологии и методики обучения
Самарского государственного
социально-педагогического университета*
А.А. Хохлов

**«ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС
В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ»:
ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И XIV ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ
НАУЧНОГО СОВЕТА РАН ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (ЕКАТЕРИНБУРГ. 19-22 МАЯ 2022 г.)**

19-22 мая 2022 г. в Екатеринбурге состоялись Всероссийская научная конференция «Оборонно-промышленный комплекс в контексте экономической истории имперской и советской России» и XIV выездная сессия Научного совета РАН по экономической истории. Организаторами этих мероприятий явились Научный совет РАН по экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Институт российской истории РАН, Центр экономической истории МГУ им. М.В. Ломоносова, Историко-социологический институт МГУ им. Н.П. Огарева, Уральский оптико-механический завод им. Э.С. Яламова.

Заседания конференции проводились на территории Уральского оптико-механического завода, что свидетельствовало о важности обсуждаемой темы как для научного академического сообщества, так и для практиков - работников и управленцев завода. Актуальность и своевременность обсуждения вопросов развития оборонно-промышленного комплекса страны подтверждали в своих приветствиях представители государственных органов власти.

Конференция началась с обширной экскурсии по заводу, каждый из участников получил в подарок книги по истории завода¹. Затем состоялись научные заседания. Тематика пленарного заседания строилась вокруг вопросов теоретического характера. Какими были мобилизационные и модернизационные механизмы на разных этапах развития экономики страны, какие факторы влияли на выбор государством той или иной траектории? На пленарное заседание директор Института истории и археологии УрО РАН, д-р ист. наук И.В. Побережников представил коллективный доклад (соавто-

ры – главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН д-р ист. наук Е.Т. Артемов, канд. ист. наук К.И. Зубков) «Модернизация, мобилизация и военно-стратегические приоритеты экономического развития России имперского и советского периодов». Опираясь на анализ долговременных факторов исторического развития, широкий географический охват, авторы проследили динамику экономического развития страны сквозь призму цивилизационных, геополитических, институциональных трансформаций.

Другие доклады на примерах разных исторических эпох и стадий индустриального развития выявляли отраслевые, организационные, историко-политические особенности индустриального развития нашей страны. История создания военных заводов предпринимателя середины XIX в. С.И. Мальцова рассмотрена в докладе член-корр. РАН Н.М. Арсентьева. Он сопоставил первые результаты технического прогресса в 1840-е - 1850-е годы в коммерческом и военном кораблестроении.

Фрагменты из истории Уральского оптико-механического завода (доклад генерального директора АО «ПО УОМЗ» им. Э.С. Яламова А.В. Слудных) рассказывали о другом этапе индустриализации и модернизации. Сегодня завод отмечает 185-летний юбилей со дня основания. А.В. Слудных показал, как разворачивался процесс зарождения, становления и развития нового производства, впоследствии создавшего целую отрасль. Возникнув в XIX в. как частная инициатива, производство приборов оптической направленности было периферийным в период ранней индустриализации. И только в 1930-е гг. оптические предприятия и опти-

ко-механическая отрасль промышленности в целом стали одним из лидеров промышленного производства. Оптика – первая отрасль, которая полностью отказалась от иностранной зависимости и в производстве стекла, и в оптическом приборостроении. Успех отрасли в 1930-е гг. – в союзе государственного финансирования приоритетной отрасли с техническим перевооружением, развитием соответствующих направлений в образовании и системе подготовки кадров, огромным энтузиазмом трудящихся. И в XXI в. оптика наряду с информационным сектором остается одним из ведущих видов современной экономической деятельности.

Технический прогресс на новом индустриальном витке, в условиях НТР сопровождался холодной войной, гонкой вооружений. Во второй половине XX в. даже при отсутствии военных конфликтов и столкновений военное производство не сокращалось, а, наоборот, содействовало тому, что получило название «тотальная война». Тотальная война в ведущих странах мира охватывала все отрасли экономики, как убедительно показала д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН И.В. Быстрова.

Секции конференции были сформированы по хронологическому принципу. Первая секция исследовала различные аспекты развития военного производства в Российской империи. Доклад Р.А. Редина был посвящен военным реформам Петра I. Военное производство на казенных заводах Урала рубежа XIX-XX вв. исследовал Г.Н. Шумкин.

В.М. Арсентьев и А.Е. Макушев рассмотрели формы государственно-частного партнерства при организации военных поставок из Среднего Поволжья. Традициям воинского служения Отечеству был посвящен доклад О.И. Марискина, феномену российского плена и беженства в годы Первой мировой войны – доклад Н.В. Суржиковой. В.М. Рынков анализировал деятельность Военно-промышленных комитетов в Сибири и на Дальнем Востоке (1915-1919 гг.).

Развитие оборонно-промышленного комплекса в экономической истории СССР рассматривала вторая секция. А.В. Сперанский анализировал вклад Урала в военное производство страны на разных его этапах. В.В. Запарий выявил тенденции в развитии оптико-механической промышленности СССР в годы первой пятилетки. Большая часть докладов была посвящена послевоенному времени. Здесь обсуждались вопросы международного научного и научно-технического сотрудничества СССР в условиях холодной войны 1950-х гг. (по материалам РГА в г. Самаре) (Н.Ф. Тагирова), роль науки и идеологии в формировании военно-экономической политики в годы «хрущевского десятилетия» (Е.Г. Водичев). Кадровую политику рассмотрела на предприятиях отраслей тяжелой и оборонной промышленности в 1946-1950 гг. М.А. Клинова, а Н.В. Мельникова – применительно к задачам реализации советского атомного проекта.

На заседании третьей секции рассматривались экономические и институциональные сюжеты развития России, напрямую не связанные с оборонным производством, но влиявшие на него. С.К. Лебедев обозначил посредническую деятельность в России Д.А. Гравенгофа в связи с представительством интересов итальянских военно-промышленных групп в 1908-1918 гг. Советско-украинские переговоры 1918 года анализировал Ю.П. Голицын. Основные тренды в оплате труда на предприятиях тяжелой промышленности в первой трети XX в. исследовал член-корр. РАН Л.И. Бородкин. В.В. Запарий представил доклад о механизмах принятия решений ГКО по репарациям в годы войны, написанный на основе недавно рассекреченных и оцифрованных документов Государственного комитета обороны. Е.В. Демчик представила доклад об эвакуированных в Барнаул в годы Великой Отечественной войны предприятиях ВПК.

Заслушанные доклады показали многообразие тем, связанных только с одним направлением экономического развития страны. Были выявлены наименее исследо-

ванные сюжеты, обозначены дискуссионные позиции. Обмен мнений, безусловно, был полезным и плодотворным.

Заседание «круглого стола» не только подводило итоги работы секций, но и продолжило обсуждение теоретических вопросов. Среди них: Военно-промышленные кластеры в экономике имперской России и СССР: институциональная структура, роль государства, оборонно-промышленный комплекс как фактор экономического развития России; каким было воздействие ВПК на «гражданские» отрасли советской промышленности. Взаимодействие науки и ВПК в России XIX - XX вв.; роль советских наукоградов и закрытых административно-территориальных образований в развитии технологий ВПК. Модераторы заседания директор Института Российской истории РАН д-р. ист. наук Ю.А. Петров и д-р ист. наук И.В. Побережников обобщили и обозначили возможные направления и перспективы изучения этих всеобъемлющих тем.

Во время конференции прошло несколько заседаний Научного совета РАН по экономической истории, где обсуждались итоги работы экономических историков в регионах страны, состоялся обмен мнениями о преподавании исторических и историко-экономических дисциплин в вузах, намечены тематические и организационные планы дальнейшей работы. Члены На-

учного совета РАН по экономической истории были активными докладчиками на всех секциях конференции, участниками научных дискуссий. Следует отметить, что Научный совет РАН по экономической истории по сложившейся традиции посещает промышленные предприятия, на практике знакомится с технологическим процессом. В этот раз члены Совета были активными исследователями каждого технологического процесса, который был показан им во время экскурсий по цехам Уральского оптико-механического завода, а также Сысертского фарфорового завода.

Для участников конференции также была организована интересная культурно-экскурсионная программа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Слудных А.В. Оптика в истории российской индустриализации середины XIX – начала XX века. Страницы истории Уральского оптико-механического завода. Под ред. чл.-корр. РАН. Н.М. Арсентьева. Саранск, 2021; Слудных А.В. Оптика в годы, опаленные войной. Страницы истории Уральского оптико-механического завода. Под ред. чл.-корр. РАН Н.М. Арсентьева. Саранск, 2020.

*доктор исторических наук, профессор,
член Научного совета РАН
по экономической истории
Н.Ф. Тагирова*